

Дом как жизненная среда человека

Дом

как жизненная среда человека

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Дом
как жизненная
среда человека:
психологическое исследование

МОСКВА
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
2016

ББК 88.3
Д66

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного Фонда
Проект № 14-18-02163*

Авторский коллектив:

С.К. Нартова-Бочавер, А.А. Бочавер, Н.С. Дмитриева, С.И. Резниченко

Ответственный редактор

С.К. Нартова-Бочавер

Рецензенты:

И.В. Вачков, доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры общей психологии факультета психологии
Института общественных наук РАНХиГС

Н.Е. Харламенкова, доктор психологических наук, профессор,
зав. лабораторией психологии развития субъекта в нормальных
и посттравматических состояниях
ФГБУН Институт психологии РАН

Д66 Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / Отв.
ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2016 –
220 с.

ISBN 978-5-88451-351-8

Книга представляет собой первое систематическое исследование психологии домашней среды. В работе сопоставляются и анализируются подходы и теории, разработанные науками о человеке и среде. Разработаны теоретико-методологические основы исследования, обоснован понятийный аппарат, подготовлены и апробированы стандартизированные методы изучения дружественности домашней среды. В эмпирическом исследовании определена многоуровневая структура образа дома; изучены субъективные модели дома в подростковом возрасте; поддерживающая функция дома в юношеском возрасте; динамика и содержание привязанности к дому на протяжении жизненного пути. Центральная идея книги состоит в контекстуальном понимании домашней среды как мощного экосоциального ресурса личности. Книга написана ясным, живым языком, снабжена большим количеством иллюстраций и глоссарием. Издание может быть рекомендовано специалистам в области психологии личности, семейной и прикладной психологии, антропологии, культурологии, дизайна и архитектуры, студентам, изучающим психологию, и широкому кругу читателей.

Книга подготовлена коллективом авторов на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ББК 88.3

ISBN 978-5-88451-351-8

- © Нартова-Бочавер С.К. Введение, главы 1, 5, заключение, глоссарий. 2016
- © Бочавер А.А. Глава 3, глоссарий. 2016
- © Дмитриева Н.С. Глава 4, глоссарий. 2016
- © Резниченко С.И. Главы 2, 6, глоссарий. 2016
- © Суворова Н.Д., оформление : текст. 2016
- © Резниченко С.И., оформление : обложка. 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. ДОМ В КУЛЬТУРЕ И НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ	10
1.1. Дом как предмет социального и гуманитарного познания.....	11
1.2. Дом в науках о среде	19
1.3. Жилище, домашняя среда, дом – общие задачи	29
Выводы	34
Глава 2. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ.....	36
2.1. Принципы исследования психологии домашней среды	36
2.2. Постановка проблемы и концептуальная основа	39
2.3. Создание стимульного материала опросников	41
2.4. Опросник Функциональность домашней среды.....	44
2.5. Опросник Релевантность домашней среды.....	50
2.6. Опросник Привязанность к дому	57
Выводы	60
Глава 3. ГРАНИ ОБРАЗА ДОМА.....	62
3.1. Дом как необходимый элемент житейского опыта.....	62
3.2. Дом как пространство удовлетворения потребностей: эмпирическое исследование	68
3.2.1. Процедура исследования.....	68
3.3. Результаты и их обсуждение.....	69
3.3.1. Универсальный (архетипический) образ дома	72
3.3.2. Повседневный образ дома	76
3.2.3. Динамический образ дома	78
3.2.4. Образ воображаемого (желаемого) дома	81
Выводы	83
Глава 4. МОДЕЛИ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	86
4.1. Дружественный дом глазами подростков – иллюстративное исследование	87
4.2. Домашняя среда как ресурс позитивного функционирования подростков.....	89
4.2.1. Процедура исследования.....	89
4.2.2. Результаты и их обсуждение	92
4.2.2.1. Модель домашней среды у подростков, живущих в разных социально- экономических условиях	92
4.2.2.2. Модель дома как ресурс позитивного функционирования подростков.....	98
4.2.2.3. Модели домашней среды у подростков разного пола.....	110
4.2.2.4. Образы идеального и реального дома.....	116
Выводы	118
Глава 5. ДОМ КАК РЕСУРС ПОЗИТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ И МОЛОДОСТИ.....	120
5.1. Вклад образов реального и идеального дома в позитивное функционирование человека	121
5.1.1. Процедура исследования.....	122

5.1.2. Результаты и их обсуждение	123
5.2. Границы физические и психологические: исследование психологической суверенности и дружелюбности домашней среды	128
5.2.1. Процедура исследования	129
5.2.2. Результаты и их обсуждение	129
5.2.2.1. Связь суверенности и дружелюбности домашней среды	129
5.2.2.2. Модерирование полом	131
5.2.2.3. Модерирование уровнем суверенности (контрастные группы)	134
5.3. Дом как источник личностной защищенности, безопасности и психологического благополучия	137
5.3.1. Процедура исследования	140
5.3.2. Результаты и их обсуждение	141
5.3.2.1. Дружелюбность дома и параметры защищенности	141
5.3.2.2. Модерирование полом	144
5.3.2.3. Модерирование условиями жизни	147
5.3.2.4. Модерирование полом и условиями жизни	151
Выводы	156
Глава 6. ПРИВЯЗАННОСТЬ И ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДОМА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ	158
6.1. Привязанность к дому и отчуждение от дома как феномены и эмпирические конструкторы	159
6.1.1. Привязанность человека к месту и своему дому: краткое обоснование понятия	160
6.1.2. «Три кита» привязанности к дому	165
6.1.3. Отчуждение от дома – проявления и причины	169
6.2. Привязанность и функциональность дома: эмпирическое исследование	172
6.2.1. Привязанность и функциональность дома в возрастной перспективе	174
6.2.1.1. Процедура исследования	174
6.2.1.2. Результаты и их обсуждение: связь привязанности с характеристиками домашней среды	174
6.2.1.3. Результаты и их обсуждение: интенсивность привязанности в возрастной перспективе	179
6.3. Мотивация привязанности и отчуждения: сравнительный анализ четырех возрастных когорт	184
6.3.1. Процедура исследования	184
6.3.2. Результаты и их обсуждение	186
6.4. Привязанность к дому и графическая схема домашнего пространства	191
6.4.1. Процедура исследования	191
6.4.2. Результаты и их обсуждение	194
Выводы	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198
ГЛОССАРИЙ	200
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	206
ОБ АВТОРАХ	219

Введение

Чем изменчивей климат, тем устойчивей дом. В пустыне погода однообразная, и ничего нет удивительного, что арабы кочуют в надежде, что хоть где-то она другая. Но дом англичанина не только крепость, это волшебный замок. В лучах и облаках рассвета или заката он то глиняный, то золотой, то слоновой кости.

Г.К. Честертон. «Сияние серого света»

Наша книга посвящена изучению базового явления в жизни каждого человека — дома, или домашней среды. Удивительно, что, при высокой дифференцированности сегодняшнего психологического знания, этот предмет до сих пор не попадал в фокус внимания ученых. Даже устойчивая тенденция повышать экологическую валидность исследований не навела на мысль обратиться к самому важному Эйкосу человека — его дому. Сложилась странная парадоксальная ситуация: изучается семейная атмосфера, но не говорится о том, где эта атмосфера создается; исследуется домашний (бытовой) стресс, однако неизвестно о том, что собой представляет дружественный дом и какова его роль в поддержании позитивного функционирования человека; изучается взаимодействие между профессиональной и семейной сферой самоактуализации человека, но не ставится вопрос о том, что удерживает человека дома, что его оттуда гонит и как это сказывается на его психическом здоровье и благополучии. Отмечаются деформация личности в условиях потери дома (Коваленко, 2010; Riggs, 2002; Dovey, 1985; McNaughton, 2010), перемещение из-за бытовых нагрузок поддерживающей функции дома в сферу работы (Hochschild, 1997), рассматриваются ресурсные возможности образа дома в условиях сепарации и переезда в другой город (Хи, 2015) и в состоянии посттравматического стресса (Харламенкова, 2015). И хотя за рубежом используется слово *housing*, которое означает

и создание жилища как процесс, и само жилище как результат, и даже существуют выражения *healthy housing* («здоровое жилье»), *apartment therapy* («терапия домашней средой»), по факту все же получается, что периферические прикладные области, примыкающие к психологии дома, интенсивно изучаются, а центральный предмет до сих пор как психологическое явление не понят.

В нашем исследовании мы исходим из того, что между домом и миром существует множество взаимных связей и зависимостей. Мы понимаем дом как главную жизненную среду человека, определяющую его индивидуальность, социальное взаимодействие и жизненную успешность в самом широком смысле слова. Поскольку это многофункциональная среда, для нее характерно единство предметно-пространственных и бытийно-социальных связей: реальное физическое место, включаясь в семейное взаимодействие, задает его содержание и границы, влияет на семейный уклад. В то же время дом служит моделью мира в целом: выходя из «малого» социума в «большой», человек продолжает использовать те навыки и опыты, которые он приобрел дома, в привычных ему бытийных обстоятельствах. Дом нужен не только для того, чтобы находиться в нем постоянно; он нужен, чтобы человек не боялся его покидать, чувствовал себя в безопасности и за его пределами. Создаваемая нами психология дома — это межпредметная область знания, находящаяся на пересечении социальной, экологической, дифференциальной, возрастной и практической психологии.

Исследование представляется актуальным, потому что позволяет обоснованно интенсифицировать возможности домашней среды как эко-социального ресурса в семейной психологии и психотерапевтической практике, в работе с людьми, страдающими от повседневных и травматических стрессов. В то же время не стоит думать, что связь человека с родным домом всегда благотворна, а отсутствие дома всегда критично. На протяжении жизненного цикла человек, двигаясь к точке своего зенита, последовательно отдаляется от дома, а затем — вновь возвращается в него. Если же дома не было с детства, это тоже не фатально: тем сильнее может быть основанное не на личном, но на архетипическом переживании желание его построить.

В монографии собраны исследования, посвященные изучению совершенно новых для мировой психологии предметов — образу дома и привязанности к дому, а также связи этих феноменов с разными показателями индивидуального психологического благополучия. Постулируя универсальность дома как базовой модели человеческого бытия, отдельными сериями мы вносили в этот постулат уточнения, конкретизируя свои заключения и вводя новые дополнительные переменные. Таким образом, по ходу представленных в книге исследований мы прошли путь от выделения домашней среды как предмета из житейского опыта к

вдохновляющей, но нереалистичной попытке его унификаторского, номотетического изучения и затем — к контекстуальному взвешенному познанию дома как латентно существующего всегда, но актуализирующегося в определенных обстоятельствах и для некоторых людей ресурса личностного развития. Выводы исследований представляются важными для прикладной психологии — экспертизы домашней среды и проектирования замещающих сред, для социальной работы с сиротами, мигрантами, бездомными людьми, с теми, кто, имея экстремальную профессию, находится вдали от дома или переживает личностный кризис.

Монография включает введение, шесть глав, заключение, глоссарий и список литературы.

В первой главе «Дом в культуре и науках о человеке» осуществлен краткий обзор исследований дома в филологии, антропологии, гуманитарной географии и психологии среды, чтобы определить теоретико-методологические основы нашего исследования. Отмечается метафоричность дома в человеческой жизни и взаимовлияние дома и его обитателей, показано, что дом участвует в процессе конструирования человеческого бытия и определяет многие жизненно важные решения. В ходе обсуждения теоретических подходов нам нельзя было не упомянуть некоторые философские дискуссии прошлого, представленные диалогом эссенциалистов и экзистенциалистов, атомистов и сторонников холистического феноменологического понимания бытия, а также вспомнить классические для отечественной традиции понятия интериоризации и экстериоризации. Здесь же сформулированы основные понятия, которыми мы планировали оперировать по ходу реализации исследований: дружественность домашней среды, функции и допущения, функциональность и релевантность домашней среды, привязанность к дому.

Во второй главе «Принципы и методы эмпирического изучения домашней среды» описаны существующие на сегодняшний день методы изучения домашней среды, представлены результаты психометрической подготовки трех оригинальных многошкальных опросников Функциональность домашней среды, Релевантность домашней среды и Привязанность в дому, а также перечислены вспомогательные приемы исследования.

Третья глава «Грани образа дома» открывает собой серию эмпирических исследований, осуществляющих переход от житейского к научному изучению дома. При помощи качественных методов, во-первых, показано, что домашняя среда представляет собой универсальный источник удовлетворения разноуровневых потребностей обитателей, во-вторых, идентифицирована структура образа дома, включающая четыре компонента: универсальный (архетипический), повседневный, динамический образы дома, а также образ воображаемого (желаемого) дома. Общий вывод третьей главы уточняется в последующих сериях, где показано,

какой именно образ оказывается наиболее значимым и какие эффекты в зависимости от пола, возраста, места жительства он вызывает.

Четвертая глава «Модели домашней среды в подростковом возрасте» посвящена изучению образа идеального и реального дома у подростков из разных социальных контекстов — учеников элитной столичной школы, учеников типичной столичной школы, воспитанников детского дома и сельских школьников. Показано, что ресурсная функция дома связана с теми жизненными задачами, которые решает подросток, и что наиболее сильна она у подростков из элитной московской школы, наиболее слаба — у воспитанников детских домов. Если же дальнейшие планы подразумевают расставание с домом, как у сельских школьников, то положительный образ мешает тому, чтобы пережить свою жизнь благополучной и аутентичной.

Пятая глава «Дом как ресурс позитивного функционирования в юношеском возрасте и молодости» фокусируется на изучении образа дома в переходный от детства ко взрослому возрасту период. Показано, что образы идеального и реального дома различаются (вполне ожидаемо, идеальный дом представляется более дружественным), однако вклад в позитивное функционирование у образа реального дома более весом. Обнаружено, что, вопреки взглядам философов-эссенциалистов, внешние границы (дом) и внутренние (психологическая суверенность) не связаны однозначно. Люди со слабыми личностными границами нуждаются и умеют использовать возможности надежного дома; люди с прочными границами укрепляют их, только если дом становится ненадежным. И, наконец, показано, что дом обуславливает переживание благополучия и личной безопасности человека, однако эта связь зависит от пола и качества жилища — изучались родной дом и общежитие. Дом обеспечивает долговременные индикаторы чувства безопасности, общежитие — ситуативные; дом больше «подпитывает» юношей, общежитие — девушек.

Шестая глава «Привязанность к дому и отчуждение от дома в перспективе жизненного пути человека» завершает эмпирические исследования, очерчивая динамику взаимодействия дома и его обитателей практически на протяжении всего жизненного пути, от подросткового возраста до поздней взрослости. В этой главе представлен наиболее глубокий и интимный пласт взаимодействия — не образ дома, а привязанность к нему, которая также обладает благотворным воздействием на позитивное функционирование людей. Показано, что сила привязанности к дому нелинейно волнообразно возрастает: в подростковом возрасте она слаба, в юности усиливается, во взрослом возрасте вновь слабеет, в зрелости возрастает. Чем старше человек, тем меньше его отношение к дому зависит от функциональных характеристик дома. Однако все же привязанность к дому базируется на его функциональности, а отчуждение от дома — на эмоциональной, не всегда рефлекслируемой неприязни.

В заключении очерчены перспективы нашего исследования, которое открыло новую проблемную область: изучение связи дома и социального поведения человека — общения, путешествий, семейного взаимодействия; роль дома в развитии высших духовных качеств человека, системы ценностей, моральных мотивов, позитивных черт личности — чувствительности к справедливости, благодарности, готовности к прощению.

Поскольку по ходу исследования мы были вынуждены ввести некоторые новые термины и переопределить уже существующие, для удобства читателей мы собрали эти термины в глоссарии.

Наша монография — результат коллективного труда. Но, хотя каждый из авторов имеет свои любимые темы и приемы исследования, основные результаты появились благодаря хорошему научному и личному взаимопониманию, продуктивным дискуссиям, а также убежденности в том, что дом — самое важное место на Земле. Мы очень признательны членам наших семей за практику, которая позволила нам в этом убедиться и подсказала предмет исследования. Мы благодарны нашим коллегам: Валерии Кузнецовой за неоценимую высокопрофессиональную помощь в психометрической подготовке опросников, Екатерине Брагинцев за креативность, трудолюбие и оперативную помощь в техническом сопровождении проекта, Михаилу Поддипняку за помощь в сборе труднодоступных данных и архитектору Алене Шаймановой за тонкую экспертизу первичных графических данных, а также всем участникам многочисленных трудоемких исследований, благодаря которым оказалось возможно написать эту книгу.

ГЛАВА 1. ДОМ В КУЛЬТУРЕ И НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

Однажды, когда я уезжал в Европу, ко мне зашел приятель. Ты укладываешь вещи? – спросил он. – Куда же ты едешь? Затягивая зубами ремень, я ответил: – В Баттерси. – Соль твоей шутки, – сказал он, – ускользает от меня. <...> Полагаю, незачем говорить тебе, с жалостью сказал приятель, что сейчас ты находишься в Баттерси. Незачем, – согласился я. – Да это и неверно. Я не вижу отсюда ни Лондона, ни Англии. Я не вижу этой двери <...> Чтобы увидеть их, я должен уехать, для того мы и путешествуем. <...> Когда через месяц я возвращался домой, Англия открылась мне в своей прекрасной новизне и прекрасной древности.

Г.К. Честертон. «Загадка плюща»

Психология домашней среды (дома) – новый предмет изучения, и, рискнем сказать, впервые оказавшийся в фокусе внимания отечественных психологов. Это настолько привычный и по-житейски понятный феномен, что очень трудно остаться в рамках чисто «объективного» научного исследования, отодвинув личный опыт, воспоминания, пословицы-поговорки, любимые цитаты и все то, что мгновенно образует длинную ассоциативную цепочку к стимулу «дом». Мы решили не отказываться от этих ассоциаций, которые будут прорываться в нашу книгу. Мы будем следовать к своей цели, одновременно накапливая культурологически-литературный материал и проводя сухие исследования с большим количеством цифр. В этом нет противоречия – данные мы можем посчитать, но понять и объяснить их возможно только апеллируя к отдельным случаям, жизненным историям или воспоминаниям. Искусство и наука часто приходят к консенсусу.

Для чего же психологам нужно изучать дом человека?

Объясняя, что означают для людей личные вещи, героиня романа Генри Джеймса «Женский портрет» мадам Мерль говорит: «Я с большим почтением отношусь к вещам... Ваше “я” для других людей заключается в том, что его выражает: ваш дом, мебель, одежда, книги, которые вы читаете, общество, в котором вращаетесь, все они выражают ваше “я”» (цит. по: Уорсли, 2016, с. 8). А не менее гениальный брат Генри Джеймса, психолог

Уильям Джеймс (основоположник прагматизма в психологии), писал так: «...в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические или душевные качества, но также его платье, его дом, его жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, его лошади, его яхта и капиталы. Все это вызывает в нем аналогичные чувства» (Джемс, 1922, с. 131). Мы можем, без сомнения, сходство этих высказываний списать на фактор общей семьи великих людей, однако много исследователей культуры и психологов, совершенно не состоящих в родстве, разделяют отношение к дому как отражению семейного взаимодействия и человеческой личности.

Конвергенция взглядов убедительно подводит к необходимости изучения того, как дом возник, с какими историческими, культурными и психологическими изменениями это было сопряжено и как он меняется, следуя изменениям человеческой личности или предвосхищая их. В этом направлении культурологи и социальные антропологи ушли намного дальше нас, психологов, а интерпретация образа жизни и ментальности при помощи обращения к обыденным предметам — обычный для них исследовательский метод, в чем можно лишь позавидовать коллегам-смежникам.

Дом, без сомнения, может быть исследован психологами только как междисциплинарный предмет. Наверное, немного еще существует феноменов, в которых природа и культура сходились бы вместе так тесно, как в доме: это место, но место задуманное, построенное и обжитое. Гигиена, пищевые ритуалы, комфорт — информация о повседневных практиках человека или сообщества представляет собой точный средовой ключ к пониманию того, что на самом деле представляет собой человек или семья, как люди общаются, что скрывают и чего стыдятся, а что, напротив, выставляют напоказ. Не случайно Л. Уорсли назвала свою книгу, на которую мы будем многократно ссылаться, в оригинале «If walls could talk» (Если бы стены заговорили).

1.1. Дом как предмет социального и гуманитарного познания

Хотя территориальный инстинкт — это необходимое условие выживания каждого живого существа (к чему мы обратимся в следующем разделе), как культурное явление дом, видимо, возник не сразу и очень сильно менялся, следуя развитию потребностей своих обитателей. Поэтому, начиная изучение взаимодействия дома и человека с краткого исторического экскурса, мы всего лишь следуем основному биогенетическому закону: развитие индивидуальности повторяет развитие культуры. Исторический генезис функций дома во многом объясняет то, что мы

имеем сегодня, а современный дом в скрытом виде содержит все то, чем он когда-то был, причем для разных культур (Выготский, 1984). И дом как исходное для многих других понятий культурное явление отражает не только личность своих обитателей, он отражает также обобщенную в культуре наивную картину мира.

Мы планируем в этом разделе синтезировать взгляд на историю дома как культурного явления, сложившийся в истории, этнографии, филологии. История изучает смену общественных формаций и развитие цивилизации; соответственно, предназначение и облик дома меняются с развитием цивилизации. Этнография изучает культуры в их сравнении; мы также обратим внимание на то, как дом создавался и обживался в разных культурах, как менялись его функции и выделялись части, стараясь как можно более честно и точно отмечать детали. Филология изучает то, как феномен дома отразился в языке, эпосе и фольклоре. Социальная антропология стремится понять то общее, что роднит между собой дома, кому бы и когда бы они ни принадлежали (Ingold, 2011). Все эти дисциплины обратили внимание на феномен дома задолго до психологов, и потому сейчас у них есть чему научиться.

Но прежде остановимся на самом понятии «дом». В русском языке это наиболее общее слово, обозначающее укрытие, место, где человек добровольно проводит значительную часть своей жизни. Викисловарь определяет его «как архитектурное сооружение, предназначенное для жилья, и имеющее, как правило, стены, дверь и крышу» — не слишком много информации для начала исследования. В. Даль был подробнее: «строение для жилья; в городе, жидое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажаями и хозяйством. Крестьянский дом, изба; южн. хата; княжеский и вообще большой, вельможеский, палаты, дворец; помещичий, в деревне, усадьба; маленький и плохонький, хижина, лачуга; врытый в землю, землянка» (Даль, 2015). Анализ русского фольклора акцентирует роль дома как промежуточной инстанции между жизнью и смертью — чтобы сберечь жизнь, нужна крыша, чтобы не дать умереть, нужны окна и дверь (Филиппова, 2011). Однокоренное дому слово «домовина» означает гроб.

Дом в России означает также процесс ведения хозяйства, домашний уклад — в ходе представления результатов исследований нам неоднократно приходилось пояснять слушателям и рецензентам, что мы изучаем не семейную среду как взаимодействие, а те предметно-пространственные условия, в которых возникает (или не возникает) семейная атмосфера. Причина недопонимания — бедность лексики в области «домашних» понятий.

Иначе дело обстоит в английском языке, где различают *home*, *house*, а также *dwelling*, *living space* и просто *housing* и как сотворение дома, и как ведение домашнего хозяйства, и как технологию его дизайнера или ремонта. Англичане справедливо гордятся тем, что и для дома, и для путешествий (оборотной стороны дома) у них очень много разных слов.

Полагают, что слово «дом» (*англ.* home, *нем.* Heim) восходит к индоевропейскому *kei*, что означает «ложиться», «кровать», а также «дорогой», «близкий», таким образом объединяя функциональное, эмоциональное и экзистенциальное в отношении к месту обитания (Фландерс, 2016). А слово «дом» в значении «здание» (*англ.* house, *нем.* Haus) обозначает всего лишь строение, дающее людям укрытие, и древних корней не имеет. Уже в XII веке в английской поэзии не путали землю, дом и очаг. Различие понятий прослеживается в языках германской и финно-угорской группы, а для романских и славянских — несущественно: и семья, и строения нередко обозначаются одним и тем же словом, без оттенков.

Однако справедливости ради нужно отметить, что центром дома во многих культурах оказывается огонь — очаг или печка. В России печка — сверхзначимый атрибут дома, способный обойтись даже без стен: в русских народных сказках часто случается, что печка может стоять в лесу или в чистом поле и при этом печь пироги. Печка как источник естественного или мистического воздействия на мир (ресурс личности!) присутствует во многих народных и авторских сказках.

«Крыша избышки покривилась от ветра, труба скрючилась, ставни дребезжали на разные голоса. Но Маленькая Баба-Яга не желала себе лучшего дома, ей и этого вполне хватало. Снаружи к избе была пристроена огромная печь. Без такой печи никак нельзя обойтись, иначе избышка не была бы настоящим домом Бабы-Яги» (Пройслер, 2013, с. 3).

В России дом ассоциировался также с тяглом, то есть с работой, которую нужно было сделать, чтобы содержать и вести свой дом. А Домострой — это свод правил семейной жизни, но отнюдь не рекомендацией по ремонту жилья.

По мнению Дж. Фландерс, нужно разделять «домашние» и «недомашние» языки и культуры. «Домашние» — это преимущественно северо-западные европейские культуры, Голландия, Англия, Германия, где существует примат дома среди других жизненных сред и мест обитания, а село, улица или город — всего лишь маршрут, дорога, ведущая к дому. Многие понятия, описывающие дом в «домашних» культурах, содержат агглютинацию эмоционального и функционального. Надо отметить, что большинство исследований домашней среды, к которым мы будем обращаться по ходу представления наших собственных результатов, были проведены учеными из Англии или США и ни одного — психологами из Италии или Франции. Более того, основные категории наук о среде также были предложены представителями «домашних» культур.

Однако есть и «недомашние» культуры, где человек имеет широкую идентичность, чувствуя себя связанным с районом, кварталом, поселением. Так, для итальянца дом — это поселение, которое может быть видно с колокольни (кампиониллы), для узбека — квартал-махалля. Есть точка зрения, что климатические условия побуждают создавать и обживать дом как в первую очередь убежище от непогоды — такой взгляд пред-

ставляется достоверным, ведь известно, что, например, в Древней Греции не существовало понятия «приватность», и вся жизнь, включая ее самые интимные моменты, подобные молитве или смерти, протекала в присутствии большого количества других людей. Древние греки уходили в свои обычно мало уютные дома только на короткую ночь, чтобы затем опять вернуться на площадь. Аналогично, в Италии и во Франции светская (вне дома) жизнь — не знак бездомности, а стиль поведения, отражающий высокую потребность в общении и низкую — в приватности. В Англии же дом очень быстро стал ассоциироваться с личным местом; в «домашних» культурах кровать короля раньше исчезла из залов приема, в то время как в «недомашних» еще долго оставалась стоящей фактически на проходе.

При первой экономической возможности дом стал разделяться на личные зоны, а словарь понятий, описывающих внутреннее убранство дома, на границе XVIII–XIX вв. стремительно расширился за счет однокоренных дому понятий — *homelike* (домашний, уютный), *homemaker* (хозяйка дома), *homey* (домашний, дружеский). То же происходило и в других языках «домашних» культур.

На наш взгляд, славянские культуры все же занимают промежуточное положение между германскими и романскими: климат холодный, соборность присутствует, при этом дом — это ценность; основная универсальная функция дома та же, что и в других культурах — выделить безопасный микрокосмос из макрокосмоса (Филиппова, 2011). По мнению Е.В. Филипповой, основные сюжеты русского фольклора строятся вокруг необходимости контролировать вход–выход; именно отверстия представляют основной стержень развития сюжета, который осуществляется в пространстве между домом и не-домом. В английском фольклоре, если упоминается дом, то, как правило, действие происходит внутри.

Кроме того, несмотря на то что дом как строение не отличается от дома как очага, в русском языке существует большое количество слов, описывающих дома разного типа; при этом они имеют положительную или отрицательную коннотацию. Так, изба — скорее символ бедности, нищеты, а также мистических явлений и угрозы. Хоромы, палаты или терем — дома «богатые», принадлежащие успешным людям. В русском языке и фольклоре больше понятий, обозначающих малые строения — «избы», «хатки», в то время как в английском более дифференцирован спектр понятий, описывающих большие дома — *castle*, *palace*. Однако в XIX веке, что нашло отражение и в классической русской литературе, дом почти стал объектом культового поклонения. Особенно же страстным стало отношение дворян к сельским домам — имениям, которые содержались наряду со столичными домами и часто оставались центром семьи, родовым гнездом, напоминанием о происхождении и семейной истории.

Правопреемником имения, напоминанием о сельских корнях существенной части россиян стали современные дачи — феномен, который

характерен преимущественно для России. Идея двух домов, городского и сельского, не практична и не рациональна. Итальянцы и португальцы тоже выезжают в пятницу вечером из своих городских домов на природу — но это или уикенд в специально отведенном месте в парке, в присутствии многочисленных соседей по отдыху, или визит к родителям и другим родственникам, которые постоянно живут в сельской местности. Для россиянина дача — почти сакральное место. Городской дом — для идентичности, сельский — для аутентичности, здесь человек позволяет себе быть самим собой, забыть о репутации, делать простые дела и воспроизводить в них себя, свою семью, свою дружбу. Если для англичанина следующее особое место за пределами дома — это паб, для россиянина, без сомнения, — дача. Здесь существует иной хронотоп и проявляются иные ипостаси личности. Вот как пишет об этом Т. Толстая: «Дачные гости — это не то, что городские. Какая-то приятная необязательность. В городе гость просто так не заглянет, сначала позвонит по телефону... Хозяйка быстро оглядит пол — много ли пыли, сообразит, не всклокочена ли с утра постель, пробежит нервной мыслью по полкам холодильника... А на даче — это все равно: и на что сесть, и что пить, и из каких чашек» (цит. по: Сизых, 2012, с. 166).

Однако продолжим сравнение дома английского и русского. В соответствии со значимыми функциями выделяются при помощи разных лексем и разные части дома. Хотя есть частичные совпадения в обозначении границ дома или локусов внутри дома, отмечает Е.В. Филиппова, в английской фольклорной традиции отсутствуют слова, соответствующие русским словам «сени», «крыльцо», «двор», «баня», а в русской традиции, свою очередь, не обнаружено аналогов понятиям *kitchen* или *castlewall* (Филиппова, 2011). И действительно — не было у наших предков кухонь, а готовили они в избе или летней печи; не было и нет замковых стен. Но зато поэтика крыльца как сцены, фасада, пространственного обрамления важных жизненных событий в России сильна и нюансирована. Крыльцо бывает у избы, терема, церкви, его украшают резьбой и закрывают крышей, к нему достраивают лестницу, чтобы всходить или спускаться, и это перемещение всегда приобретает значительность. Можно сказать, что крыльцо — одна из наиболее любимых частей русских строений.

Обустройство дома тесно связано с семейной жизнью. Голландцы одними из первых в Европе придумали ритуалы объявления о том, что ребенок родился или даже ожидается, они же связали социальный статус человека с его семейным положением. Эти ритуалы укрепляли институт семьи и чадолюбие. В странах «недомашних» с большей легкостью принималось решение о том, чтобы отдать ребенка в приют. Видимо, неслучайно, что в послереволюционной России коммунальные квартиры, теория «стакана воды», отменяющая институт законного брака, и возрастание количества социальных сирот практически совпали во времени.

Экономическое развитие стимулировало дифференциацию дома и как физического, и как психологического явления. Этнографические источники свидетельствуют, что дома Средневековья были универсальными помещениями, не допускающими возможность уединения. Даже в королевских спальнях присутствовало много слуг и служителей, а в бедных домах, где человек практически всегда находился на виду у других, интимных занятий, по сути, не существовало. Попытки некоторых правителей отделить занавеской место с ночным горшком долго не встречали понимания. Все знали обо всех все. Более того, в домах нередко находились животные, а развитие ремесел привело к тому, что дом стал также использоваться как мастерская.

История материальной культуры дает возможность отказаться и от некоторых стереотипов в отношении домашнего уклада наших предков. Так, например, семья у очага — образ скорее вымышленный, чем реальный: во-первых, чтобы всем собраться, нужно было иметь в доме стол, а столы были дорогими, во-вторых, в доме часто находились другие объемные предметы для домашнего хозяйства, заполнявшие все пространство — например рама для простежки одеяла, наконец, в-третьих, как правило, члены семьи работали в разных временных режимах и потому находились дома по очереди. Так что на самом деле члены семьи, при всей внешней скученности жизни, могли практически не общаться.

С изменением экономики, развитием системы отопления и других средств поддержания комфорта стало возможным разделять дома на комнаты, вошли в моду занавески, оказалось удобным использовать отдельно зоны отдыха, сна, гигиены, питания, приема гостей. Стало больше вещей — утвари, столовых приборов, приспособлений для гигиенических процедур — и возникла необходимость упорядочить быт внутри дома. Вещи, которые раньше хранились вместе и умещались в одной комнате, стало возможным сгруппировать по функциям, и появилась кухонная идеология прогрессивной Кэтрин Бичер, провозгласившей: «Каждой вещи — свое место». Бельевые шкафы, стоящие в гостиной, где посетители могли наблюдать роскошь наволочек и полотенец, оказались перемещенными в спальню, аптечка — в ванную. Дом стал приобретать более специализированный вид и выделились основные функциональные зоны — спальня, ванная, гостиная, кухня (Уорсли, 2016).

Одновременно усложнялась и структура человеческих потребностей — основа личности. Нуклеарные (включающие супругов и обычно двух детей, но не прародителей) семьи, жившие в собственных домах, стали составлять большинство. Появились границы между человеком и миром, а еще позже, с отдельными специализированными или личными комнатами, — и внутренние «перегородки» между субличностями. По образному выражению Г.К. Честертона, если в античные времена весь город мог думать, как один человек, то современный *Ното* сам скорее напоминает город, объятый гражданской войной (Честертон, 1993).

Появились излишества — и дом стал чаще использоваться для самоэкспозиции и самопрезентации своих хозяев, он стал выступать как послание другим находящимся вовне людям о том, что собой представляет обитатель, насколько он благополучен и успешен. Стало необходимо, чтобы дом вызывал чувство комфорта (поначалу называющееся «варварским»), не только у самих жильцов, но также и у сторонних наблюдателей (Фландерс, 2016). Эта характеристика дома стала называться фешенебельностью.

Персонализированный дом, представляющий своего хозяина, комфортный, в некоторый момент стал сверхценностью, и в искусстве даже стала появляться тема власти дома над человеком. Например, анализируя роман Н. Готорна «Дом о семи фонтанах», Е.А. Морозкина и Р.И. Камалов пишут: «...дом ассоциируется в душе персонажей с тюрьмой, лишившей их свободы: “...прогнившая, покосившаяся, обветшалая, источенная плесенью и сыростью, закоптелая, мрачная и отвратительная старая тюрьма...” <...> Подчеркнем, что в оппозиции “внутреннее–внешнее” тюрьма — это не только внешнее проявление несвободы героев, заточенных в стенах дома Пинченгов, это еще и внутреннее состояние самих героев, которые стали “пленниками” своего дома, пленниками поневоле и не столько не могут, сколько не хотят покинуть свои “застенки”» (Морозкина, Камалов, 2013, с. 90).

Однако и эти качества дом тоже получил не навсегда. «Дом с чувством собственного достоинства» — явление, расцветшее в Викторианскую эпоху, завершает свое развитие с появлением стиля «ар-деко» и, видимо, прекращает свое существование с появлением «модульных» гостиниц — по сути, ящиков для ночлега. Основоположник нового архитектурного течения Ле Корбюзье намеренно отказался от понятия функциональности в традиционном смысле слова, разумности и удобства использования, в пользу внешнего образа дома — прочь от уюта! Дом становится машиной для жизни. Отвержение идеи домашнего очага как устаревшей морально и психологически привело к дизайну квартир-студий, трансформеров, которые могут быть адаптированы к разным активностям разных членов семьи.

В то же время большое внимание в домах нового стиля уделяется возможности уединения, разделения членов семьи во времени и пространстве, что вполне отвечает высокой потребности современных людей в приватности, а также, как ни странно, старым идеям «домашних культур». Имея возможность уединиться, возможно, члены семьи с большей охотой будут выходить к аналогу несуществующего очага — телевизору, компьютеру, столу. Или, возможно, «чувство дома» переходит внутрь субъекта, превращается в переживание своей уместности и аутентичности в любой точке пространства.

Особая тема литературы и искусства — ностальгия по дому из прошлого, которое невозможно вернуть (Бочавер, 2010; Пелевин, 2005; Фенько,

1993). Агглютинация времени-пространства отражается в кочующих архетипических сюжетах о не сбывающемся, нереализуемом желании героя вернуться в прошлое (которое имело место, и этим местом был дом). В «Путешествии в Икстлан» К. Кастанеды рассказывается о доне Хенаро, который однажды возвращался к себе домой в Икстлан, но был переброшен духом в неизвестную местность. Он снова начал свой путь в Икстлан, но не узнавал мест, а на пути попадались лишь фантомы, и постепенно он стал понимать, что вернуться не сможет никогда.

«Иногда бывает — я чувствую, что вот-вот, еще немного, еще один шаг — и я дойду. Но этого не будет никогда. На моем пути не попадает даже ни одного знакомого знака или указателя, который был бы мне привычен. Ничто больше не бывает прежним, ничто не остается тем же самым. <...> То, что осталось там, позади, — потеряно навсегда. <...> В той ситуации для любого из нас имеет значение лишь один-единственный непреложный факт: все, что мы любили и что ненавидели, все, чего желали и за что цеплялись, все это осталось далеко-далеко позади. Но чувства человека не умирают и не меняются. Поэтому маг отправляется в долгий путь домой, зная, что никогда не дойдет и что на земле нет силы, способной вернуть его в те места и к тем людям, которые им любимы. Этого не может сделать даже смерть» (Кастанеда, 1999, с. 282).

История о возвращении в Икстлан — это история о драматичном и необратимом изменении личности и той цене, которую приходится за него платить, — невозможности стать прежним, об утрате определенности и стабильности, источником которой был дом, наконец, о необходимости искать новые ресурсы поддержки. В. Пелевин в эссе «Икстлан — Петушки» показывает большое сходство между «Путешествием в Икстлан» и поэмой В. Ерофеева «Москва — Петушки». Герой поэмы, стремящийся в Петушки, также никак не может туда попасть:

«Царица небесная, как далеко еще до Петушков! — сказал я сам себе. — Иду, иду, а Петушков все нет и нет. Уже и темно повсюду... “Где же Петушки?” — спросил я, подходя к чьей-то освещенной веранде... Все, кто был на веранде, расхохотались и ничего не сказали. Странно! Мало того, кто-то ржал у меня за спиной. Я оглянулся — пассажиры поезда “Москва — Петушки” сидели по своим местам и грязно улыбались. Вот как? Значит, я все еще еду?» (Ерофеев, 2008).

Ностальгия возникает в момент личностных испытаний, сомнений в видении своего пути и даже недостатка мужества, когда герой при наличии выбора, возможно, предпочел бы экзистенциальный вакуум — экзистенциальным рискам. Но нет того Дома, который может от этих рисков уберечь.

Итак, в искусстве, культурологии, филологии дом изучается в основном холистически, как хронотоп, единство пространственно-предметных характеристик дома и психологических особенностей обитателей, при этом взаимосоответствие дома и субъекта, интерпретируемость одного через

другое представляют собой очевидную истину. Причем если вначале дом возник, чтобы противостоять Хаосу, как источник порядка в человеческой жизни, подвергаемой бесконечным опасностям, то позже дом стали понимать как противоположность Космосу — с его вызовами, неопределенностью, изменчивостью. Отсюда — многозначность смыслового наполнения этого понятия: дом нужен, чтобы там находиться, а также — чтобы оттуда выходить и возвращаться. В зависимости не только от принадлежности к культуре, но также от индивидуальных склонностей, потребностей и момента жизненного пути дом становится в человеческой жизни объектом то привязанности, то сепарации, то стимулятором, то ограничителем. Каждый выбирает свой смысл, однако изначально все они содержатся в доме как универсальном культурно-психологическом феномене.

Что дает нашему исследованию этот краткий гуманитарный экскурс? Мы позволили себе принять без доказательств мысль о том, что дом и обитатели — это одна средовая система (в науках о среде к этому заключению пришли вовсе не сразу). Мы поняли, что, выделив сначала функционал дома, затем необходимо изучить, насколько он способен удовлетворить потребности своих обитателей. Мы пришли к заключению также, что в силу перегруженности образа дома Смыслами, мы должны изучить отношение к нему, которое не строится на рациональной оценке дома.

В 70-е годы прошлого века в Чикаго провели опрос 82 семей, прося респондентов описать дома, в которых они живут, и те, в которых они хотели бы жить. Исследователи ожидали получить подсказки архитекторам или дизайнерам. Однако слова, используемые опрошенными, носили субъективно-эмоциональный характер: и реальный, и идеальный дом описывались как (не)удобные, (не)уютные, (не) дающие возможность отдохнуть (Фландерс, 2016). Это еще раз показывает, что гуманитарное понимание дома всегда следует логике от субъекта — к объекту.

Используя эти приемы на российской популяции, мы также будем изучать функциональность дома, меру его соответствия обитателям и привязанность к нему.

1.2. Дом в науках о среде¹

Дом нечасто изучается в науках о среде, однако есть несколько общих идей, которые мы можем позаимствовать из исследований, посвященных другим средам, и перенести на наш предмет.

Наука о среде много — это экология, экологическая психология (*ecological psychology*), психология среды, которую все чаще называ-

¹ В этом разделе мы намеренно оставили за рамками рассмотрения новейшие эмпирические исследования психологии дома, которые частично будут упоминаться в соответствующих эмпирических главах, а частично будут представлены в одной из последующих обзорных работ.

ют психологией взаимодействия человека со средой (*environmental psychology*), гуманитарная география (*human geography*), экологическая семиотика, социальная антропология (Смолова, 2010; Шмелева, 2010; Gibson, 1985; Ingold, 2000; Lang, 1981, 1983; Tuan, 1980). Основная идея наук о среде — идиографизация и контекстуализация получаемых научных фактов. Что бы ни наблюдал исследователь, он должен интерпретировать свои данные, отвечая на вопросы — для чего это нужно существованию (организму, особи, человеку) и в каких условиях это действует?

Идеология экологического подхода необыкновенно конструктивна — она побуждает изучать функционирование организма и жизнедеятельность человека именно в тех условиях, где они естественно сложились и к которым предположительно должны быть адаптированы. Если использовать введенное Э. Брунсуиком понятие экологической валидности для понимания человеческой личности — то именно дома и по отношению к дому человек проявляет свою истинную сущность (Brunswick, 1956). Об этом же писал швейцарский экосемиотик А. Ланг, отмечая, что главный предмет социальных и гуманитарных наук — это «люди в своих жилищах со своими вещами», люди, которые меняют свое повседневное бытие, страдают от него, становятся заложниками власти вещей или дома» (Lang, 1981, 1993).

Еще одно направление, идеи которого органично вплелись в наши исследования — это психология повседневности. Главная мысль этой научной школы состоит в том, что человек может быть адекватно изучен и понят только в контексте его бытия, как эмпирическое явление. Категория повседневности (которую также переводят как «обыденную жизнь») появилась в психоанализе Фрейда как реакция на рафинированность ассоцианизма и его оторванность от жизни. Позже понятие повседневности (*Alltag*) было конструктивно использовано в одноименном направлении немецкой психологии, развиваемом К. Хольцкампом, Х. Томэ, У. Лер (Holzkamp, 1970; Lehr, Thomaе, 1991). Изучение конкретного человека в его бытии может быть осуществлено только как опосредствованное реальной жизненной ситуацией. «Поскольку психика проявляется в первую очередь в повседневности и не может быть отделена от нее, мы можем понять функционирование и структуру психических процессов, только если получим возможность изучать повседневные психические явления» (Lehr, Thomaе, 1991, с. 5). У. Лер и К. Хольцкамп полагали, что именно обыденные события (*Alltagsepisoden*) — главные источники развития обобщений в общей психологии личности. Поскольку нет ничего более обыденного и повседневного, но в то же время достоверного и типичного, чем постоянное место обитания человека — его дом, мы рассчитываем получить большое количество интересных фактов, связывающих личностные и социальные характеристики человека с качествами его дома.

Современный психолог С. Гослинг выделил два механизма, связывающих человека и среду: субъект выбирает и видоизменяет среду в

соответствии со структурой своей индивидуальности (*identity claims*), а затем изменяет ее, оставляя так называемый «поведенческий след, или остаток» (*behavioral residue*), по которому можно очень точно воссоздать характер обитателя и оценить черты его личности (Gosling et al., 2002). Например, расставленные вокруг стола стулья и открытая бутылка вина говорят о том, что хозяин ждет гостей, и наблюдатели интерпретируют это как экстраверсию. С. Гослинг в своем исследовании опирался на «модель линз» Э. Брунsvика, показывающую, как именно человек влияет на среду, как окружающие считают это влияние и как они подкрепляют взаимодействие человека и среды через положительную обратную связь (Brunswick, 1956). Так, базовая черта личности (диспозиция) задает типичное демонстрируемое поведение, которое и оставляет след в среде человека (опредмечивается, в терминологии А.Н. Леонтьева) и таким образом становится доступной наблюдателям. В близком соответствии с теорией повседневности С. Гослинг изучает повседневные проявления личности (*everyday manifestations of personality*), для которых, без сомнения, очень важен онтологический язык домашнего пространства.

Таким образом, разные научные традиции, объединенные общностью экологического взгляда на человеческое бытие, убеждают в необходимости и конструктивности изучения человека в его взаимодействии со своим домом — находящегося дома, возвращающегося домой, укрепляющего дом.

Но вернемся на несколько десятилетий назад. Изначально экология, будучи исходной, первой наукой о среде, изучала экосистемы — сбалансированные саморегулирующиеся биологические единицы с распределением функций продуцирования и потребления (именно отсюда возникло популярное ныне выражение «устойчивое развитие» — *sustainable development*). Для экосистемы безразлично, что за особи и как именно делят между собой пространство, природа не имеет предпочтений и вполне равнодушна к проигравшим и победителям. Экосистема не может полностью исчезнуть, она превращается в другую, более равновесную. Однако участвующие в распределении ресурсов виды заинтересованы в том, чтобы баланс существовал, потому что это условие их выживания; таким образом, отдельным видам и особям присуща пристрастность и заинтересованность в сохранении среды.

Главный природный ресурс — это место, участок для гнездования или пропитания. Жизненные средства (*livelihood*) необходимы всем. При этом можно выделить два способа обретения этих средств. Первый состоит в том, чтобы обновлять ресурсы, меняя ареалы обитания. Это способ до-культурный — нет стабильного места, нет привязанности, нет воспоминаний. Второй путь — это практика оседлости, создания, воссоздания, обживания места. Это способ культурный, предполагающий одновременный обмен не только материей и предметами, но также идеями (Бейтсон,

2005). Согласно Г. Бейтсону, сознание имманентно присутствует во всех системах взаимодействия человека со средой; физические качества дома замышляются людьми и обживаются ими, отсюда — тесная связь дома и человека с его индивидуальностью, предпочтениями, моралью.

С размером и качеством места связаны и остальные возможности, которые присутствуют у живого существа. Понимание тесной взаимосвязи всех живущих вместе (на одной территории) людей стало основой многочисленных подходов к пониманию семейного взаимодействия (Сельвини Палаццоли и др., 2002; Рябикина, 2005; Юмкина, 2015).

В зависимости от того, для кого внутри экосистемы складываются более благоприятные условия, равновесие смещается в пользу одних и к несчастью для других. В экологии существует понятие «несущая способность среды» — совокупность условий, благодаря которым достигается перевес рождаемости над смертностью, а это и есть главный объективный признак благоприятной среды. Таким образом, когда мы будем несколько позже говорить о дружественной среде, мы всего лишь используем иное слово для обозначения понятия, которое давно использовалось в экологии. Иначе говоря, в экологии имплицитно все же присутствует идея предпочтительности средовых условий, их соответствия потребностям живущих в данной экосистеме организмов.

В мире животных закрепление за особью определенного места регулируется инстинктом, запускающим территориальное поведение, — сложноорганизованную последовательность действий, направленных на закрепление за собой дружественной части жилища и примыкающей к нему области, по которой особь может беспрепятственно двигаться. Эта территория необходима для спаривания, питания и гнездования или постройки жилищ, в общем, — удовлетворения жизненно важных потребностей; насчитывают около 30 функций территориальности как формы поведения (Burt, 1943; Carpenter, 1958; Hediger, 1961; McBride, 1964).

Социобиология и науки о мозге давно подтверждают фундаментальный характер территориальных проявлений и у человека. Так, Р. Эрдри понимает территориальность как «открытую» программу инстинктов, которая имеет эволюционное происхождение, но модифицируется у человека под влиянием социокультурных воздействий (Ardrey, 1966). А.Х. Эссер показал, что с территориальностью связаны ретикулярная формация и неокортекс, отвечающий за взаимодействие со средой (Esser, 1972); таким образом, территориальное поведение представляет собой результат констелляции врожденного и приобретенного. А.Р. Уилсон, считая территориальность важнейшим регулятором человеческого поведения, рассматривает ее как коррелят эмоциональности и доминирования, в том числе и социального (Уилсон, 2005).

Поэтому Ното вовсе не свободен от проявлений территориальности, которая, конечно, приобретает некоторые специфические по сравнению

с животными черты: выше вариативность территориальных проявлений, больше вклад социальных потребностей, распространение на искусственные жилища — дом и офис, другие способы обозначения личной территории (как правило, символически — посредством размещения личных вещей, использования табличек, перегородок, дверей). Люди не так, как животные, отвечают и на территориальное вторжение, выстраивая границы не только физическими средствами, но и символически: вербально, экспрессивно, пантомимически. С территориальностью человека тесно связана приватность — регуляторный поведенческий механизм, позволяющий фильтровать информационный поток и социальные контакты (Altman, 1975; Altman, Nelson, 1972). Территориальность человека, направленная на главный объект — дом, подразумевает введение и соблюдение правил, благодаря которым возможно упорядочить распределение ресурсов, укрепить Очаг, подготовиться к Космосу и предотвратить Хаос.

Итак, экологическое понимание роли дома в человеческой жизни достаточно обоснованно — это источник физических, социальных, экономических, психологических и разных других ресурсов.

С дифференциацией наук о среде появились интересные феноменологические направления — зоосемиотика и экологическая психология. Основатель зоосемиотики Я. Иксюль предложил различать условия жизни (*environment*) и персонализированную среду (*Umwelt*). В своей теории функционального круга он исходил из того, что окружающий мир существует для живого организма лишь в том аспекте, который отвечает его потребностям. Взаимодействие организма (или человека) происходит следующим образом: наблюдая мир, живое существо не проявляет любопытства, пока в поле его восприятия не попадет нужный объект. В этот момент происходит идентификация объекта как значимого. Происходит означивание объекта, приобретающего некоторое значение; мир вообще превращается в «мир воспринятый» (*Merkwelt*). Это лишь первая ступень контакта; затем живое существо предпринимает усилия, чтобы овладеть нужным объектом; окружающий мир предстает как «мир действий, или измененный мир» (*Wirkwelt*). Диалектически понимая детерминизм живого существа и мира, он писал: «Никто не является продуктом условий жизни, но каждый — господин своей персонализированной среды (*Umwelt*)» (цит. по: Kull, 2001, с. 1).

Две стадии взаимодействия организма (или субъекта) с окружающим миром вслед за известными учеными мы называем сигнификацией и персонализацией — именно таким образом живое существо может присвоить объект, сделать его частью своей эмпирической личности (Петровский, 1996; Хейдметс, 1988). Персонализация среды — это процесс субъективного взаимодействия человека и окружающего его пространства, индивидуальное структурирование среды человеком (Панов, 2004). Без персонализации (присвоения, обживания) дом и обитатели не могут

представлять и символизировать друг друга (позже мы обратимся к этой идее в определении привязанности к дому как непременно основанной на опыте реального взаимодействия с ним). Социальный антрополог Т. Инголд, ссылаясь на Г. Бейтсона, справедливо отмечает, что дом как персонализированная среда обязательно должен быть сначала воспринят (замышлен), а потом — построен (Ingold, 2002). Дом никогда не строится без плана, в котором отражены функции, заложенные будущими обитателями, и потому, в отличие от природного объекта, — это всегда отражение хозяина или жильца. Причем, по мнению исследователя, любого биологического вида (одна из глав его книги называется «Постройка, жилище, жизнь — как животные и люди всего мира строят себя в своих домах»).

Среди способов персонализации домашней среды используются: представление своей связи с конкретными людьми (фотография), представление своих ценностей (вывешивание икон), представление своей эстетической направленности (картины), демонстрация вещей, указывающих на склонности человека и качество его досуга, а также другие изменения, осуществленные в соответствии с представлениями обитателей о желаемом доме (Altman, 1975).

Невозможность персонализации значимого для человека жизненного пространства может вызвать чувство отчуждения, своей «неподтвержденности» во внешнем мире (Maxwell, Chmielewski, 2008). Очевидно, что в домашнем пространстве, во многом являющемся своеобразной моделью взаимоотношения с миром в целом, потребность в субъективном преобразовании среды становится витальной. Развивая эту мысль, мы могли ожидать (и получили эмпирические данные), что невозможность персонализировать домашнюю среду из-за того, что она «не поддается», влечет за собой переживание бытового стресса с психологическими последствиями, типичными для каждого стресса, — депрессией, самоотчуждением, потерей смысла.

Что-то воздух какой-то кривой
 Так вот выйдешь в одном направленьи
 А уходишь в другом направленьи
 Да и не возвратишься домой
 А, бывает, вернешься — Бог мой
 Что-то дом уж какой-то кривой
 И в каком-то другом направленьи
 Направлен.

(Пригов, 1997)

Изменяя мир вокруг, живое существо подгоняет его под свои потребности и таким образом может адаптироваться к той среде, в которой обитает. Или, иначе, каждый живет в том доме, который он заслужил. Эта мысль закрепилась в емком термине *environmental meaning* («средовая

цена»), введенном Х. Хефтом (Heft, 1985, 2001). Хефт полагал, что персонализированная среда, «невидимый пузырь», который окружает человека, содержит неявную оценку его личности вообще. И хотя люди редко об этом задумываются, но их самоуважение возрастает от пребывания на красивой природе или в комфортных интерьерах и падает от неудобной мебели, неубранного подъезда и неотремонтированного офиса.

А как человек оценивает окружающий его мир, какие единицы и категории оценки выделяет? Основатель экологической психологии Дж. Гибсон в процессе изучения человеческого восприятия обратил внимание на то, что человек и его окружение всегда дополняют друг друга, что образ представляет собой результат некоторой селекции, осуществленной воспринимающим субъектом (Гибсон, 1988). Им же был введен интересный неологизм *affordance* — возможность, или допущение, предоставляемое окружающей средой для восприятия, действий и поведения; воспринимаемая функциональная значимость объекта, события или места (Шмелева, 2010). Дж. Гибсон подчеркивал, что *affordance* является одновременно и фактом окружения, и фактом поведения, физическим и психическим феноменом, имеющим отношение как к окружающей среде, так и к включенному в нее наблюдателю.

Допущения всегда уникальны и в одной и той же среде различны для каждого индивида и каждой группы людей; они могут принимать разные значения и представлять как потенциальные, воспринимаемые, используемые и планируемые (или предполагаемые) (Greeno, 1994). Стремясь придать социальный оттенок средовым воздействиям, А. Косталл и Е. Рид различают также область свободной спонтанной, поддержанной и запрещенной активности (Costall, 1995; Reed, 1996). Социальные правила и практики определяют, какие из допущений могут быть использованы и как это сделано, задавая область запрещенной или подавляемой деятельности. В домашней среде физическое содержание допущений всегда уточняется социальными правилами: например, комод достаточно низок, чтобы можно было на нем сидеть, однако детям это запрещают. Прихожая достаточно просторна, чтобы можно было держать обувь на полу, однако — не принято. Тесная квартира побуждает вводить правила, которые будут регулировать отношения внутри семьи с учетом скученности, но отменятся, если семья переедет в более просторный дом.

Допущение отличается от функций среды, или возможностей (*capabilities*), которые существуют стабильно и не зависят от индивидуальности наблюдателя (Nussbaum, 1992). Можно также различать объективные элементы домашней среды (*house features*) и обусловленные потребностями смысловые нагрузки, субъективные значения этих возможностей для человека (*meanings*) (Coolen, 2008).

Среди функций выделяют базовые (*essential*), которые необходимы для того, чтобы прожить нормальную жизнь. Водораздел между функци-

ями и допущениями проходит точно по предмету давней философской дискуссии субстанциалистов и экзистенциалистов — что было раньше: качества или смысл? Согласно точке зрения субстанциалистов, качества первичны, они формируют значения и смыслы — или, в соответствии с выражением вульгарных материалистов, приписываемым Л. Фейербаху, человек есть то, что он ест. Комфортное жилье в этой парадигме однозначно повышает «средовую цену» обитателей, неудобное — понижает.

Гуманистически-экзистенциальная традиция понимания человека, основанная на признании свободы выбора, конечно же, с таким взглядом согласиться не может. «Сначала — смысл, затем — бытие» — этот девиз экзистенциалистов применительно к домашней среде означает, что среда действует не напрямую, она встраивается в систему начальных потребностей, ожиданий, смыслов. И тогда получается, что неудобный дом вполне может стать любимым, вызывать привязанность и стимулировать личностный рост обитателей.

«Мама, папа и восемь детей жили в высоком каменном доме, в самом центре огромного города, и хотя семья была такой большой, их квартира состояла всего-навсего из одной комнаты и кухни. Ночью папа и мама спали в кухне, на диване, а дети в комнате. Но разве можно разместить в одной-единственной комнате целых восемь кроватей? Конечно, нет! У них и не было никаких кроватей. Каждый вечер дети расстилали на полу восемь матрасов. Им казалось, что это не так уж плохо: во-первых, можно лежать всем рядышком и болтать сколько захочешь, а во-вторых, нет никакой опасности, что ночью кто-нибудь свалится с кровати на пол.

На день матрасы укладывались высокой горкой в углу, чтобы по комнате можно было свободно ходить.

И все было бы прекрасно, если б не одно неприятное обстоятельство. Вот какое: в квартире прямо под ними жила дама, которая терпеть не могла шума.

Но что поделаешь, если Марен любила танцевать, Мартин — прыгать, Марта — бегать, Мадс — стучать, Мона — петь, Милли — бить в барабан, Мина — кричать, а Малышка Мортен — колотить по полу чем попало. Одним словом, можете себе представить, что у них дома было не очень-то тихо» (Вестли, с. 6).

Таким образом, одни качества жизненной среды (конструкты), проходя через систему ценностей, потребностей, возможностей, гендерных особенностей человека, могут оцениваться как предпочитаемые и желаемые, а другие будут отвергаться как незначимые и даже нарушающие благоприятное течение жизни; в одной среде потребности человека будут удовлетворяться, в другой — он будет постоянно фрустрирован.

Для того чтобы описать меру того, насколько среда (в том числе и домашняя) подходит обитателям, было введено понятие дружественной среды. Первоначально оно представляло собой буквальный перенос в пси-

хологию среды термина из информатики *human-friendly*, относящегося к интерфейсу. Поскольку жизненные среды в некотором смысле – это тоже интерфейс, посредник между человеком и миром, то термин прижился. Так, Л. Хорелли определяет дружелюбность среды как сложное многомерное и многоуровневое качество сред или условий, поддерживающих индивида или группу в реализации своих целей и проектов и способствующих субъективному благополучию на обоих уровнях – индивидуально-средового соответствия (*person-environment congruity*) и соответствия среды группе (*collective-environment congruity*) (Horelli, 2006).

Финская исследовательница М. Кютте на примере городской среды определила два главных критерия дружелюбности среды к живущему в ней ребенку – это разнообразие средовых ресурсов и доступ к игре или исследованию (Kuttä, 2004; Broberg et al., 2013). Ею было выделено четыре модели: Бюллербю (идеальная шумная и все позволяющая среда, введена в книгах А. Линдгрена), Пустырь, Камера и Стеклянный дом. Бюллербю предоставляет прямую информацию о среде и дает богатые возможности ее обследования. Пустырь отличается бедностью, средовые объекты непривлекательны для ребенка, хотя запретов на освоение среды не очень много. В Камере возможностей перемещения и исследования среды объективно очень мало, что и определяет ее низкий развивающий потенциал. А Стеклянный дом объективно разнообразен и привлекателен для ребенка, однако информация о среде всегда получена из вторых рук, и ребенок не может составить собственное мнение о среде. Эти четыре типа представляются универсальными применительно к жизненным средам людей любого возраста.

Можно выделить также уровни жизненных сред с точки зрения их релевантности субъекту: угрожающая среда препятствует удовлетворению базовых человеческих потребностей и мобилизует защитную активность; безопасная среда позволяет человеку вести взвешенный, адаптированный образ жизни, но не дает ресурсов для развития; дружелюбная среда содержит потенциал допущений для благоприятного развития и самоактуализации, наконец, психотерапевтическая среда способна обладать компенсаторным, целительным и стимулирующим влиянием на развитие всей системы потребностей и смыслов человека (Нартова-Бочавер, 2012). Все эти модели дружелюбных сред могут быть реализованы и применительно к домашней среде.

И, наконец, еще один новый аспект взаимодействия человека и среды был предложен гуманитарной географией. Представители этой научной области заинтересовались тем, почему люди предпочитают одни места другим. Исследования были посвящены особенностям восприятия человеком родных мест и мест рождения, влиянию человеческого опыта на взаимодействие с ресурсами места (природными, общественными, культурными) в ходе его деятельности (работы или развлечений), социально-

му поведению в различных точках Земли и роли представителей культуры в формировании положительного или отрицательного образа места. Джи—Фу Туань привлек внимание к феномену «чувства места», когда была издана его книга, посвященная топофилии (1974). Этим термином Туань определил «чувство места», включающее в себя все эмоциональные связи между физической средой и человеческим бытием, где «место» — это любое жизненное пространство, наполненное субъектностью (Туань, 1980; Лавренова, Митин, 2007). Иначе говоря, это эмпатия, направленная на географический объект. Если семантика объекта приближается к упорядочивающему Космосу, отношение будет положительным, если к разрывающему Хаосу — отрицательным.

Несмотря на отсутствие целостной концепции, которая объясняла бы взаимодействие человека и физической среды не только с точки зрения поведенческих реакций на объективные воздействия среды, но и раскрывала бы психологическую, личностно обусловленную природу такого взаимодействия, было бы неправильным не отметить некоторые практико-ориентированные зарубежные исследования последних лет, представляющих ценность и для наших исследований.

Интересен подход японских ученых, которые, работая в русле этого направления, зачастую не являются психологами, бихевиористами или социологами, а проводят свои исследования, ориентированные на практическое решение проблемы, будучи архитекторами или инженерами. Было предложено несколько оригинальных подходов к изучению предпочтительности места, коррелирующих с нашими научными интересами. Так, О и Сонода (2006) выдвинули идею о *gen-fu-kei* («психологический», «близкий сердцу» ландшафт или пейзаж; место), близкую к теории «привязанности к месту» (англ. *place attachment*) (Oh & Sonoda, 2006). Объекты *gen-fu-kei* могут включать в себя уже утраченные для субъекта, но существующие в памяти места. *Gen-fu-kei* может быть общим для группы людей — соседей, жителей города или целой нации; также он влияет на поведение человека.

Другая концепция (Sumida & Minami, 2003) подразумевает существование места (*i-basho*), находясь в котором люди чувствуют комфорт, безопасность, физическое и психическое принятие; в таких местах люди «могут быть самими собой». Ученые говорят о резком снижении *i-basho*, в качестве причины указывая, в первую очередь, ослабление социальных связей. *I-basho* обеспечивает психологическую стабильность, чувство принятия в обществе, возможность приобрести навыки общения — такие нужные для развития и психического здоровья детей. Авторы этой теории приходят к выводу, что для детей, не имеющих таких возможностей дома или в школе, необходимо создать *i-basho* вне этих сред. В терминологии настоящей работы подчеркнем, что пространство, отвечающее свойствам *i-basho*, обладает высоким уровнем дружелюбности, а также раскрывает и поддерживает аутентичность человека.

Гуманитарная география сочетает «объективную» оценку среды с ее субъективным означиванием в контексте жизненного опыта человека. Поскольку дом — это тоже место, мы позволили себе применить некоторые термины и идеи гуманитарной географии к дому, введя понятие «привязанность к дому».

Итак, несмотря на то, что науки о среде приоритетным предметом исследования считали, разумеется, условия жизни и среду, оказалось, что она не может быть изучена без присутствующего в ней субъекта, который ее воспринимает, фильтруя информацию сквозь призму своих потребностей и опыта. И это особенно касается дома как искусственной среды, выбранной, созданной или реконструированной человеком — в соотвествии с собственным психологическим обликом — образом жизни, семьей и планами на будущее. Таким образом, научное восхождение как от субъекта, так и от среды привело нас к нашему предмету — взаимодействию человека с его домом.

1.3. Жилище, домашняя среда, дом – общие задачи

В этом разделе мы постараемся объединить гуманитарный взгляд на дом и его понимание, восходящее к естественнонаучным дисциплинам, в процессе сопоставления и анализа существующих на сегодняшний день близких понятий.

Дом как объект привязанности и активности представляет собой сложный, многослойный, многофункциональный и полисемантический феномен, несущий многообразие индивидуальных смыслов для каждого человека. Будучи ключевым звеном повседневной жизни человека, дом становится для человека первичным ресурсом и наиболее значимым средовым объектом привязанности. Это диктуется многообразием значений, которыми люди наполняют само понятие «дом», и синонимичных ему терминов.

Так, жилая среда (условия жизни) — это физическое пространство, которое существует объективно и функционально предназначено для проживания человека, в котором человек находится здесь и сейчас. Оно может включать в себя разномасштабные территориальные единицы — квартиру, район, город, область; часто жилая среда не поддается персонализации, так как является достоянием сообщества. Поэтому определить границы, структуру и содержание понятия «жилая среда» затруднительно: в это понятие включают и рабочую, производственную среду, где человек «живет» целый день, и замещающую среду социальных объектов (больницы, учреждения социальной помощи, транспорт), где человек находит временное пристанище, и непосредственно квартиру, дом — место жизнедеятельности семьи.

Временные и пространственные рамки жилой среды можно определить только при соотнесении с разнообразными субъективными факторами: полем функционирования субъекта, характером и обширностью его социальных отношений, образом жизни субъекта. Жилая среда каждого человека может иметь свое распространение, продление на всех уровнях организации жилища, поскольку полностью отражает субъектность своего жильца. Например, жилое пространство семьи находится как в квартире, так и в жилом доме, придомовом пространстве, микрорайоне, наконец городе. Отсутствие четких границ жилой среды как феномена отражает процесс взаимовлияния и интерференции архитектурной и психологической областей знаний, что объясняет терминологический плюрализм в различных научных парадигмах. Тем не менее в основной массе источников границы жилой среды сужены до сферы бытовой жизнедеятельности людей, которую они осуществляют постоянно и которая соответствующим образом организована для этого пространственными средствами архитектуры. С точки зрения архитектуры и дизайна жилая среда – система пространств, предназначенных для проживания и жизнедеятельности человека или группы людей, по своей организации и функциональности соответствующая деятельности, интересам, укладу жизни обитателей. Таким образом, жилая среда описывает деперсонифицированное, лишенное приватности, физическое пространство, обеспечивающее человеку возможность проживать и организовывать свою жизнедеятельность.

Принято считать, что домашняя среда – один из уровней и элементов жилой среды, являющийся комплексом индивидуальных и семейных личных пространств (комната, квартира, балкон). Это всегда часть дома. Другой уровень – общественная жилая среда (учреждения, жилые дворы, жилые дома, общежития и т.д.). При этом общие пространства иногда могут выполнять функцию временного замещения домашней среды (например, санаторий или больница становится на время «вторым домом»). Общая структура жилой среды должна обеспечивать каждого живущего его долей общественных и личных пространств, которые в целом составляют единый комплекс, соответствующий стандартам и возможностям общества и отвечающий современным психологическим, социальным, информационным, санитарно-гигиеническим требованиям. Домашняя среда охватывает более персонализированные и, главное, приватные индивидуальные и семейные пространства. Домашняя среда – это конкретное место, откуда человек уходит и куда возвращается, где ежедневно выполняет определенный круг бытовых и семейных дел и ритуалов, где может найти тыл и где лежат его вещи. Поэтому домашняя среда сильнее связана с жизнедеятельностью. Домашняя среда – это интегральная подсистема более широкой системы средовых пространств жизнедеятельности человека (Coolen, 2006). Деятельность, жизненные

ценности и планы человека устанавливают связь между индивидуальной, своей домашней средой и общественным пространством, жилой средой.

Многие исследователи полагают, что домашняя среда человека во все историко-культурные периоды играла роль психологической «ниши», позволяющей ему максимально обособиться (Пилюпенко, 1993). Особенно значительна эта роль в современных условиях урбанизации, интенсификации человеческой жизнедеятельности. Домашняя среда включает социальные и предметно-пространственные атрибуты своих обитателей. Поэтому обеспечение основных функций жилого пространства (еда, сон, общение, бытовые процессы, воспитание и обучение детей, отдых, самообразование и т.п.) как бы распределяется по разным пространственным зонам и ячейкам, каждая со своим специфическим оборудованием и предметным наполнением (мебель, бытовые приборы, личные вещи и пр.), причем чем более личным является жилое пространство, тем более индивидуальным оказывается его наполнение.

М. Черноушек также отмечал, что восприятие людьми домашней среды определяется идеей организации пространства для себя и в соответствии со своими потребностями. Поэтому определение качества среды происходит на основе выявления тех ее свойств, которые актуализируются в развитии и деятельности субъекта. Например, использование семьей своего жилища характеризуется многообразными процессами жизнедеятельности (субъектно-средовыми отношениями) как внутри квартиры, так и за ее пределами (Черноушек, 1989). Таким образом, границы домашней среды относительно объективны и заданы функциональностью пространства и жизнедеятельностью общности людей, как правило, находящихся в близких взаимоотношениях, в связи с чем домашняя среда имеет гораздо более закрытые границы, чем жилая среда. Домашняя среда охватывает более персонализированные и, главное, приватные пространства, чем жилая среда, в которой складывается система повседневных домашних деятельностей и практик. Взаимодействие с домашней средой складывается на объективном, деятельностном уровне, а отношение к домашней среде сводится к мере функциональной удовлетворенности ее возможностями, мерой того, насколько физические атрибуты среды способны удовлетворить потребности проживающего субъекта.

Есть и еще одно различие между жилой средой и домашней. Как правило, жилая среда (жилище, жилье) — это предмет профессионального внимания архитекторов и дизайнеров, которые стараются сделать ее оптимальной. Однако эта задача требует конкретизации — оптимальной для кого? В проектирование необходимо включить главного оценщика и эксперта — будущего обитателя жилой среды, а это происходит по факту не часто. И это не вина дизайнеров среды — они честно используют слово «эмпатия» и готовы удовлетворить пожелания своих заказчиков;

но сделать это трудно по причине низкой средовой культуры последних и неотрефлексированности собственных предпочтений. Часто, для того чтобы понять, что квартира не подходит, человек должен в нее вселиться и некоторое время там пожить.

Домашняя среда – предмет, относительно которого возможна экспертиза психологов. Зная индивидуальные (пол, возраст) и личностные (характер, предпочтения, интересы) особенности будущего обитателя, можно попробовать выстроить индивидуальный профиль ожиданий относительно дома, чтобы сделать его оптимально подходящим человеку (релевантным). Не случайно методология психологии дома наиболее глубоко проработана теми психологами, которые отвечали на запрос организаций, торгующих недвижимостью (Coolen, 2011).

Наконец, понятие дома существует на субъективном уровне, как отражение личностных смыслов человека; образ дома не напрямую связан с объективными характеристиками жилища и места, где оно расположено.

Дом описывает первичное бытийное пространство человека, откуда берут начало история жизни и семьи; представления о комфорте и уюте, укладе жизни и человеческих ценностях; о любви, защите, привязанности и принадлежности и многих других. Образ дома включен в ассоциативный комплекс и воспоминания человека, в его автобиографические представления. В нашем исследовании дом и домашняя среда рассматриваются как условные синонимы и понимаются как ключевой ресурсный средовой объект повседневной жизни человека, интегрирующий функциональные (дом как место жизнедеятельности, жилище) и эмоционально-личностные (дом как объект идентификации и метафора личности) смыслы.

Отмечая многозначность образа дома, М.В. Осорина пишет: «Понятие “дом” для человека имеет много смыслов, слитых воедино и эмоционально окрашенных. Это и кров, убежище, защита от непогоды и напастей внешнего мира, здесь можно укрыться, спрятаться, отгородиться: “Мой дом – моя крепость”. Это и место жительства, официальный адрес, где человека можно найти, куда можно писать письма, – точка в пространстве социального мира, где он обретается: “Давайте обменяемся адресами, скажите мне свои координаты!” Это и символ жизни семьи, теплого домашнего очага – грустно, когда дом пуст, когда тебя никто не ждет; тяжело быть бездомным сиротой. Он воплощает также идею интимного, личного пространства, обиталища человеческого “Я”. Вернуться домой – это вернуться к себе: “Я у себя. Заходи ко мне, посидим!” ...Можно сказать, что дом для человека является совокупностью вложенных друг в друга разновеликих пространств – от размеров собственного тела до пределов родины, Земли и даже Космоса: “Наш дом – Россия”, “Земля – наш общий дом”... Получается, что психологический объем идеи дома в переживаниях человека имеет пульсирующие границы, то расширяю-

приеся до размеров вселенной, то постепенно сужающиеся до пределов собственного “Я”. Но во всяком случае дом всегда остается местом, где находится человек, центром его пространственного бытия» (Осорина, 2008, с. 41). В одной из серий исследований, описанных нами ниже, мы эмпирически выделим те слои, которые существуют в образе дома.

Разумеется, значение дома для человека интериндивидуально и тесно связано с мотивационно-потребностной и ценностной сферами личности. Для того чтобы человек мог использовать возможности домашней среды эффективно, ему необходимо создать свою иерархию ценностей.

Обобщая данные гуманитарных и естественно-научных исследований дома и домашней среды, мы можем выделить следующие функции дома в человеческой жизни. Позже мы дополним их теми конструктами в описании дома, которые характерны только для российской выборки; и теоретически выделенные, и эмпирически идентифицированные конструкты были положены в основу наших исследовательских методик.

1. Дом как источник безопасности и контролируемый объект. Человек относится к своему дому как к личному пространству, физические характеристики и социальное наполнение (социальное взаимодействие, границы общения и т.п.) которого может им регулироваться и контролироваться. Подконтрольность дома обеспечивает ощущение свободы и эмоциональной безопасности.

2. Дом как средство самопрезентации и самоэкспозиции — отражения идей, достижений и ценностей человека. Дом представляет собой социальный маркер достижений и статуса человека, а также символ его «персоны» — того, каким человек хочет казаться в глазах других людей и как он позиционирует себя в обществе.

3. Дом как изменяемый и управляемый объект. Управляемость и персонализация дома обеспечивает чувство Я-тождественности, возможности самовыражения и свободы действий.

4. Дом как источник непрерывности, интеграции и преемственности. Знакомость и привычность дома обеспечивает чувство принадлежности не только к данному физическому пространству, но и к его социальному наполнению, причастности к его истории и традициям. Важную роль при этом играют воспоминания, которые связывают прошлое, настоящее и помогают планировать будущее.

5. Дом как место поддержания отношений с семьей и друзьями и как центр сообщества.

6. Дом как центр различных видов деятельности (место отдыха, развлечений, работы, творчества).

7. Дом как убежище от влияния внешнего мира; место, где можно укрыться от внешнего давления и где можно контролировать социальное взаимодействие и поддерживать собственную приватность и независимость.

8. Дом как индикатор личного социально-экономического статуса.

9. Дом как материальная структура со своими конкретными физическими параметрами (размер, прочность, материалы, предметное содержание и т.п.).

10. Дом как объект владения. Право на распоряжение, владение и пользование собственностью дает ощущение экономической стабильности, свободы действий и контролируемости. В данном случае дом рассматривается преимущественно как объект экономических инвестиций.

В работе Дж. Сиксмит эмпирически доказано, что дом имеет разное смысловое наполнение для каждого человека (Sixsmith, 1986). В ее модели все смысловые конструкции дома были отнесены к одному из трех типов — социальному (например, дом как место встречи с друзьями и место развлечений; дом как источник эмоциональной разрядки — место, где любят, поддерживают и понимают), личностному (чувство дома, тождественность самому себе, переживание счастья, самовыражение и т.п.) и физическому (наличие и удобство пользования техникой и коммуникациями, пространственные условия дома, прочность и надежность жилища и его предметного содержания; дизайн). При этом наиболее дифференцированным и значимым является именно личностный компонент, а наиболее часто упоминаемыми среди всех значений дома были чувство дома, тождественность самому себе, переживание счастья, самовыражение, функциональность и пространственные возможности.

Выводы

Итак, анализ междисциплинарных исследований дома и домашней среды обнаружил универсальную сущность этого феномена для разных культур и эпох, свою многофункциональность и изменчивость.

Социальные и гуманитарные дисциплины рассматривают дом контекстуально, как маркер социальных, психологических, экзистенциальных характеристик человека. При этом дом практически всегда изучается во взаимодействии со своими обитателями; в зависимости от условий обитания и момента жизненного пути он может отвечать их различным потребностям. Методология эмпирического исследования дома в гуманитарных науках существует скорее имплицитно, как ценностный ориентир или идеология, однако она может быть извлечена и операционализирована.

Науки о среде уделяли относительно мало внимания изучению собственно домашней среды человека, но они содержат в себе идеи, позволяющие проследить эволюционный смысл дома как одного из ресурсов человеческой жизнедеятельности в стабильные и критические периоды, понять природу селективности характеристик дома, формирующих

его образ у обитателя с теми или иными потребностями, оценить меру пригодности домашней среды. В науках о среде есть алгоритм оценки релевантности условий жизни через соотношенность возможностей (*affordances*), которые среда в себе содержит, и их доступности находящемуся там человеку. Кроме того, науки о среде предлагают эмпирическое решение давней проблемы соотношения внешнего и внутреннего как диалектического взаимодействия субъекта и среды в рамках человеческого бытия. Гуманитарная география ввела в научный обиход чрезвычайно важное для нас понятие привязанности к месту, которое мы адаптировали применительно к дому. Наконец, эмпирические исследования демонстрируют благотворное воздействие дома и даже образа дома на многие параметры позитивного функционирования человека.

При этом гуманитарное понимание дома исходит из потребностей, представлений, установок, присущих субъекту. Человек имеет картину мира, эта картина мира включает разные объекты, в том числе и дом. Субъект проецирует себя в мир, и дом оказывается отражением его личности.

Согласно методологии наук о среде, человек испытывает воздействия извне, которые классифицирует соответственно своим потребностям, и в случае релевантности отвечает на них или даже изменяет их. Таким образом, гуманитарный и естественно-научный взгляды конвергируют в понимании взаимодействия человека и мира.

Перечислим основные понятия, которые были обсуждены в этой главе. Двигаясь от объекта к субъекту, мы можем установить соответствие между бытийным предметом и способом его описания. Условия жизни соответствуют функции (*capabilities*), они одинаково открывают себя всем — это самый объективный способ описания дома как жилища; персонализированной среде соответствуют допущения (*affordances*) — это видение среды, преломленное сквозь призму потребностей и опыта субъекта-обитателя; наконец, дому как источнику удовлетворения высших потребностей (в идентичности, принадлежности, смысле) отвечает привязанность к дому — это наиболее интимный уровень взаимодействия человека с Домом.

Синтезируя гуманитарное и естественно-научное понимание дома как основной жизненной среды человека, мы спланировали дизайн нашего собственного исследования.

ГЛАВА 2. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ

Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны разуму не меньше, чем руке. И как орудия рук дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предохраняют его.

Ф. Бэкон. «Афоризмы»

2.1. Принципы исследования психологии домашней среды

Наше эмпирическое исследование построено на эклектических методологических основаниях, что неизбежно в случае междисциплинарного характера его предмета — мы заимствовали идеи из социо-гуманитарных наук и наук о среде, а также находили подсказки в произведениях искусства и литературы. В последующих главах будет изложено много частных серий эмпирических исследований, общий замысел которых состоит в том, чтобы изучить ресурсные функции дома в разных контекстах — у людей разного пола и возраста, проживающих в городе и сельской местности, дома и в общежитии. Мы использовали разные приемы и специально разработанные методики, однако во всех модулях руководствовались следующими научными принципами, помогающими нам выдерживать главную линию исследования, сохранять диалектичность интерпретаций и умеренность заключений.

1. Согласно *принципу развития*, любое явление исторично и должно изучаться как изменяющееся во времени, обладающее объяснительной и предсказательной силой. Опираясь на этот принцип, во-первых, мы проанализировали, как менялся облик дома в ходе человеческой истории, какие функции в нем появлялись и как менялось к нему отношение обитателей (Сергиенко, 2016). Во-вторых, мы ожидали, что взаимоотноше-

ния человека со своим домом будут меняться в зависимости от возраста, стажа проживания и опыта переездов, а ресурсные функции дома будут использоваться с различной эффективностью в зависимости от тех задач развития, которые решает человек. И действительно, было обнаружено, что и привязанность к дому, и сензитивность к его поддерживающей функции возрастают по мере взросления человека и опираются на разные качества домашней среды.

Принцип развития позволяет также увидеть прогностичность наших результатов: во многих сериях был использован регрессионный анализ и выделены предикторы, что дает нам возможность предвидеть, к каким психологическим последствиям приведет объективное изменение домашней среды.

2. Принцип системности, заимствованный из теории систем Л. фон Берталанфи, призывает любое явление изучать как обладающее сложной структурой и в то же время – включенное в другую систему. Этот принцип имеет исключительно важное значение для нашего исследования – ведь психологическое благополучие человека рассматривается во взаимодействии с той первичной средой, экосистемой, в которой протекает его жизнедеятельность. С другой стороны, он стимулирует к тому, чтобы рассматривать эту среду как саму по себе сложное, комплексное явление, выделяя в ней уровни жизненных условий, среды, персонализированной обжитой среды, а также системы образов этой среды.

Еще одно приложение этого принципа применительно к нашему исследованию состоит в том, что дом мы понимаем холистически, как сложный феномен, в котором взаимно влияют исходные физические объективные качества дома, его роль в истории жизни человека, его привнесенные этим опытом ценностные и экзистенциальные ипостаси. В силу плотности этих взаимных влияний оказывается, например, что наличие позитивного опыта жизни дома может перевесить в развитии привязанности к нему издержки, связанные с его некомфортностью. Взаимодействие человек – дом мы рассматриваем также как целостность, молярно; фокус этого взаимодействия может смещаться как к субъектному, так и к объектному полюсу.

Проявлением принципа системности является и декларируемая нами контекстуальность в широком смысле слова. Жизненный контекст мы понимаем как результат взаимодействия объективных (время и место) и субъективных (задачи развития, момент жизненного пути, уровень субъективного благополучия) переменных. В силу действия контекстуальности понятно, что, находясь в одном и том же месте, люди могут по-разному его воспринимать, потому что различаются моменты жизненного пути (Нартова-Бочавер, Потапова, 2011). Кто-то, находясь в стабильном периоде, ищет стимуляции, выхода за пределы своих границ, и обладает достаточными внутренними ресурсами, чтобы ставить перед собой развивающие задачи (Петровский, 2008; Подьяков, 2016).

В такие периоды дом может оказаться даже ограничителем, и человек закономерно склоняется к сепарации от него, разрыву связей. Другой же человек, переживая кризис, испытывая дефицит внутренних ресурсов, стремится к стабильности, которая нужна ему для восстановления, и в этом случае дом будет давать совершенно иную «подпитку» личности.

3. Принцип детерминизма также использовался в наших исследованиях — в его нежесткой форме, скорее как обусловленность (Харламенкова, 2008, 2013). Устанавливая связи и определяя закономерности, мы в то же время стремились уточнить те переменные-модераторы, при наличии которых связи могут измениться, хотя для полноценной идиографизации нам недоставало информации об индивидуально-личностных характеристиках наших респондентов: ни в одной серии мы не могли настаивать с достоверностью на том, что полученные нами феномены представляют собой только эффект воздействия дома. Кроме того, большинство связей были нелинейными, и на протяжении жизненного пути человек сначала последовательно отдалялся от своего дома, а затем возвращался в него. Поэтому индивидуальные «выбросы» могут свидетельствовать о ненормативном развитии или особой жизненной ситуации.

4. Мы также опирались на принцип дополнительности (комплементарности) (Нартова-Бочавер, 2015; Харламенкова, 2016). Именно с его помощью стало возможным интерпретировать неочевидные и даже порой парадоксальные факты, как, например, ослабление в некоторых группах психологической суверенности с повышением уровня дружелюбности дома, проявление дружелюбности дома как антипредиктора благополучия в группе сельских подростков или графическое трехмерное изображение дома в группе тех, кто не любит свой дом, и плоскостное — в группе сильно привязанных к дому. Принцип дополнительности настраивает нас на понимание того, что все может быть не таким, каким кажется на первый взгляд, и обладать компенсаторным, а не синергетическим смыслом.

Таким образом, этот принцип позволил нам увидеть неоднозначность взаимодействия внешнего и внутреннего в человеческом бытии.

5. Наконец, мы принимали во внимание также и авторитетный в отечественной традиции принцип субъекта. Он стал для нас основополагающим, поскольку в качестве субъекта, не только испытывающего, но и оказывающего влияние, мы рассматривали также и дом. На ранних этапах нашего исследования это положение вызывало нередкую критику со стороны коллег: действительно, сложился стереотип относительно того, что привязанность можно испытывать только к другому человеческому субъекту. Однако с точки зрения семиотики и других новейших наук о среде мы не только означиваем объекты, относящиеся к условиям жизни, мы также назначаем их на роль субъекта или объекта (Lang, 1981, 1993) и готовимся к монологу или диалогу с ним. Дом «соглашается» быть партнером в диалоге или нет, возвращая человеку его «средовую цену» (Heft, 1985), показывая, кем он является.

Другое значение этого принципа позволило акцентировать роль домашней деятельности, бытовых рутинных практик в поддержании внутреннего порядка в личности обитателей.

Основные научные принципы, на которые мы опирались, позволили нам интегрировать разнородность исследовательских результатов.

Определение теоретических оснований и главных принципов исследования логически подвело нас к решению следующей научной задачи — созданию инструментария, отвечающего методологии и целям исследования.

2.2. Постановка проблемы и концептуальная основа

Несмотря на возрастающий интерес научного сообщества к проблеме взаимоотношений человека и его домашней среды, современный методический инструментарий в субъект-средовой психологии развит слабо и фрагментарно и позволяет изучить лишь дискретные исследовательские области, в первую очередь предопределяемые социальным запросом. Так, например, активно совершенствуются методические наработки по исследованию алгоритмов выбора человеком покупаемой недвижимости; стремительно развиваются приемы и средства изучения эргономических и архитектурных предпочтений жилых зданий, создан опросник для оценки субъективных значений разных параметров личного жилого пространства, представляющего собой временную территорию, общежитие (Broudehoux, 2001; Clapham, 2005; Gosling, 2005).

Отдельные исследования, как правило, инициированные в психологии потребительской мотивации и поведения, затрагивают исключительно физические атрибуты домашней среды и их влияние, например, на бытовую активность человека (Voumeester, 2001). При этом понятие дома нередко теряет свою многослойность, а индивидуальные смыслы сужаются до значений бытовой функциональности и доступности жилища. Другие исследования, особенно в сфере изучения психологической поддержки людей, находящихся в сложных жизненных ситуациях (мигранты, обитатели социальных учреждений медицинской и социальной помощи населению, бездомные), наоборот, касаются архетипических смыслов дома (например, убежище, отражение индивидуальности и предмет идентификации, обеспечение семейной преемственности и связи с историей) (Mulder, 1993). Однако личностные смыслы реального дома в этих работах выходят за пределы, поскольку не учитываются индивидуальные потребности конкретного человека.

В качестве методов исследования используются обычно либо интервью в технике лестницы (*laddering interview*), либо проективные методики, результаты которых не могут быть однозначными и требуют дополнительной верификации. Характерным является также отсутствие

методологического основания, которое помогало бы интерпретировать получаемые факты.

Нашей целью стало создание батареи методик, которая, с одной стороны, позволяла бы изучить дом в разных его аспектах: функциональные характеристики дома, степень его пригодности (релевантности) обитателю, мера, в которой дом подходит именно ему, привязанность человека к дому. И, конечно, самый объективный уровень изучения дома был задан такими его характеристиками, как стаж проживания в нем обитателей, постоянный или временный характер жилища, город проживания и пр. Методологические поиски основывались на нашей убежденности в том, что универсальной среды, подходящей каждому человеку, существовать не может и что в первую очередь необходимо выявить функциональные возможности домашней среды, которые имеют адаптивный характер, оказываются психотерапевтичными и дружественными для ее обитателя. Поэтому, разрабатывая шкальную методику оценки домашней среды как наиболее экономичную и надежную, в качестве единиц измерения мы выбрали отдельные объективные функции жилища. При разработке методик мы опирались на следующие положения экологической психологии.

Субъектно-средовые отношения регулируются несколькими уровнями. *До-психологический уровень* задан качествами жилья — где оно находится, временный или постоянный характер имеет, каков метраж, с кем его делит обитатель и пр. (эту информацию мы собирали для объективации данных во вводной части анкеты для респондентов). *Объектный уровень* задан физическими качествами дома как жилой среды, представленными в функциях дома — работе, действиях, которые он выполняет в жизни обитателей, для которых он был построен или приобретен; изначально функции дома не могут иметь дезадаптивного характера. Чем больше функций, тем выше дружелюбность дома как жизненной среды.

Однако этого параметра еще недостаточно, чтобы оценить дом; в некоторых жизненных обстоятельствах в изобилии присутствующие функции могут быть не востребованы обитателями, поэтому важно понять, какие из функций ими замечаются и используются. При этом конгруэнтность домашней среды потребностям человека может быть описана при помощи теорий допущений (*Theory of Affordances*) и дружественности среды. Допущения — это те функции, которые способны удовлетворить потребности ее обитателя, то есть это не просто свойства объекта, а отношения между объектом и субъектом, осуществляющим с этим объектом операции (Chemero, 2003; Coolen, 2001). Дружелюбная среда, которая удовлетворяет потребности разного порядка у конкретного человека, оказывает стимулирующее и компенсирующее влияние на жизнь человека и позволяет актуализировать субъективные смыслы, желания и устремления (Kytä, 2004). Промежуточный *субъектно-объектный уровень* задан степенью соответствия (релевантности) между наличествующими функциями и теми потребностями обитателя, для

удовлетворения которых они могут использоваться. Чем выше релевантность, тем более дружественна домашняя среда¹.

Субъективный уровень задан глубокими личностными переживаниями, смыслами и отношением в целом к дому как онтологическому пространству и в терминологии нашего исследования представлен *привязанностью к дому*.

Исходя из идеи экологической психологии о дружественности среды, которая понимается как соответствие возможностей среды потребностям находящегося в ней субъекта, оценка ресурсности среды должна включать изучение двух модальностей домашней среды — реальной (домашняя среда как она есть) и идеальной (желаемая домашняя среда) (Heft, 2003; Kytä, 2004). Наличествующая домашняя среда представляется ее обитателю дружественной, если она удовлетворяет потребности человека и если ее образ, содержание и функциональность близки представлениям человека об идеальном доме.

С методологической точки зрения нам кажется аргументированной идея плеяды исследователей (Meesters, 2009; Stokols, 1981 и др.) о том, что самым простым и одновременно объективным способом изучения дома является исследование предметно-пространственной среды с точки зрения удовлетворения деятельностных (возможность работать, общаться, слушать музыку и т.п.), витальных (прием пищи, сон, отдых, личная гигиена) и индивидуально-жизненных (возможность уединения, возможность быть в безопасности, находиться в тишине) потребностей. Таким образом, вектор исследования взаимоотношений человека с его домашней средой идет от изучения функциональных характеристик жилища и меры их соответствия мотивационно-потребностной сфере человека к изучению субъективного отношения к дому и тех личностных смыслов, которые он в себе таит. Поэтому нами было создано три оригинальных опросника, два из которых многошкальные, — Функциональность домашней среды, Релевантность домашней среды и Привязанность к дому.

2.3. Создание стимульного материала опросников

На этапе разработки методов исследования домашней среды первая задача, которая нами была поставлена, — собрать информацию о тех функциях, которые может выполнять домашняя среда для человека. По-

¹ В данных исследованиях мы сосредоточились на разработке методологического аппарата, описывающего взаимодействие человека и его дома, и потому не уделяли достаточного внимания индивидуально-личностным качествам обитателя. Однако это не отменяет конструктивности подхода. Представим, что человек в глубокой депрессии, со слабыми влечениями оказался в очень хорошо оборудованном, комфортном доме. Возможно, в силу своего состояния он не использует его реабилитационный ресурс. Функции будут ему (субъективно) недоступны, потому что не нужны. По итогам сочетания функции + их доступность дом все же будет недружественным.

этому создание стимульного материала для опросников предварял анализ актуальных и потенциальных потребностей субъекта, удовлетворяемых в домашней среде посредством тщательного анализа литературных источников в области социальной, энвайронментальной, возрастной, рекреационной психологии, а также социологии и философии. Перечень выделенных теоретическим образом конструкторов был значительно пополнен в ходе эмпирического исследования, организованного по модульному типу — с участием респондентов разных возрастов, с различными условиями проживания и из разных регионов.

Так, с помощью глубинного интервью (*laddering interview*), проводимого с подростками ($n = 186$; $M_{\text{возраст}} = 13,9$ лет, $Me_{\text{возраст}} = 14,5$, $SD_{\text{возраст}} = 4,9$, 104 женского пола), находящихся в различных социальных ситуациях развития (гимназисты столичных школ, учащиеся обычной школы, сельские подростки и воспитанники интерната), представилось возможным выделить основные возможности домашней среды, отражающие конкретные потребности ее обитателя, а также создать абрис идеального в функциональном отношении жилища (см. главу 3). Вопросы интервью были сформулированы таким образом, чтобы каждый последующий вопрос продолжал тему и раскрывал предыдущий (табл. 2.1). Такой «лестничный» метод позволяет респонденту углубиться в собственные переживания и сконцентрироваться на теме интервью, поэтому в сравнении с обычной техникой «дискретного» интервьюирования он более эффективен для актуализации представлений человека о желаемых качествах дома.

Таблица 2.1

Вопросы интервью в технике «лестница»

Как вы думаете, для чего человеку нужен дом? А подросткам? А взрослым людям?
За что подростки любят свое жилище? А взрослые люди?
Что бы они захотели поменять в своем доме? А взрослые?
Захотели бы они пригласить к себе гостей? Для чего?
Что бы они им показывали, чем бы гордились?

Для исследования категорий потребностей взрослых людей, удовлетворяемых домашней средой, применялась анкета с вопросами открытого типа ($n=66$, 5 мужчин и 61 женщина) (см. главу 3).

Также для актуализации значимых средовых конструкторов использовался метод минимального контекста Дж. Келли, суть которого сводилась к тому, чтобы респондент, проанализировав сходства и различия трех визуальных стимульных материалов (изображения интерьеров комнат и жилищ), назвал значимые для него характеристики физической среды (рис. 2.1).

Рисунок 2.1. Пример стимульного материала (метод минимального контекста Дж. Келли)

Наконец, нами использовался метод незаконченных предложений, стимульный материал которого позволил выяснить не только необходимые, с точки зрения респондентов, для комфортной жизни качества домашней среды (например: «В своем доме я...»), но и те, которые неприятны либо затрудняют жизнедеятельность в доме (например: «У себя дома я не могу...»).

Поиск новых эмпирических конструктов считался завершенным, когда они стали повторяться в ответах респондентов. В результате обобщения данных анализа литературных источников и предпринятых эмпирических серий исследований было выделено 55 первичных конструктов-характеристик домашней среды, которые легли в основу стимульного материала опросников Функциональность домашней среды и Релевантность домашней среды. Эти конструкты отражают такие функциональные качества дома, которые должны, по мнению респондентов,

удовлетворяют самые разнообразные и разноуровневые потребности — в динамической активности, в отдыхе, в безопасности, в восстановлении сил, в семейном взаимодействии, в трансформируемости и возможности менять пространство дома, в эргономичности и эстетике, самоэкспозиции и саморазвитии, в творческой деятельности и другие.

Перейдем к описанию самих методик, при помощи которых мы изучали функциональные качества дома, то есть объектный уровень взаимодействия в системе «человек — дом».

2.4. Опросник Функциональность домашней среды

Основная идея опросника Функциональность домашней среды (ФДС) сводится к констатации наличия или отсутствия определенных функций домашней среды. То есть опросник ФДС позволяет осуществлять экспертизу объективных средовых характеристик дома (Нартова-Бочавер и др., 2015).

Для каждого из 55 эмпирически выделенных конструкторов было сформулировано по одному утверждению о функциях реального или идеального дома. Задача респондента — оценить меру согласия с утверждениями. Исследование реального или идеального образа дома при помощи опросника обеспечивается альтернативными установками, предлагаемыми в инструкции. При исследовании функциональности идеального образа дома респонденту предлагается оценить качества воображаемого дома, а утверждения в опроснике начинаются со слов «Мой дом должен...»), а при исследовании функциональности реального дома респонденту необходимо дать оценку своему текущему жилищу, а перечень утверждений начинается со слов «Мой дом может...». Выбор инструкции зависит от эмпирических целей. Модальность, описывающая функции реального дома, может применяться для экспертизы наличествующей домашней среды. Модальность, предполагающая функциональность идеального дома, важна для выяснения часто нерелевантных потребностей и предпочтений респондента, которые должны актуализироваться в нем.

Перед проведением психометрической подготовки опросника мы апробировали черновой вариант текста опросника с инструкцией на оценку идеального дома, поскольку допускали, что представления респондентов об идеальных качествах дома могут быть более вариативными, чем те, что имеются по отношению к своему реальному дому. На этом этапе пилотажного исследования приняли участие 186 человек (средний возраст — 13,9 года, $M_e=14,5$, $SD=4,9$, 82 мужского пола, 104 — женского). Респондентов просили дать обратную связь о содержании, структуре, ясности формулировок пунктов и об удобстве заполнения. На основании

обратной связи были отредактированы формулировки неясных респондентам и неоднозначных утверждений и скорректирована инструкция.

Конечный вариант стимульного материала к опроснику представляет 55 утверждений о функциях дома, оцениваемых по 7-балльной шкале Лайкерта (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Опросник Функциональность домашней среды

Инструкция для исследования образа идеального дома: Представьте себе, что вы строите свой собственный дом. Как вам кажется, какие задачи он должен выполнять? Какие его качества наиболее важны? Пожалуйста, прочитайте перечисленный список и поставьте галочки в соответствующих ячейках.									
Инструкция для исследования образа реального дома: Пожалуйста, прочитайте список возможностей, которые предоставляет ваш дом, и поставьте галочки в соответствующих ячейках.									
№ утверждения	Шкала	Мой дом должен...	Совсем не нужно	Не нужно	Скорее не нужно	Все равно	Скорее нужно	Нужно	Необходимо
		Мой дом может...	Совсем не может	Не может	Скорее не может	Трудно ответить	Скорее может	Может	Может очень хорошо
			1	2	3	4	5	6	7
1	З	Представлять жизненную философию							
2	З	Направлять жизнь							
3	З	Соответствовать личности обитателей							
4	З	Раскрывать характер обитателей другим людям							
5	З	Демонстрировать возраст обитателей							
6	З	Обеспечивать приватность (неприкосновенность)							
7	З	Демонстрировать статус обитателя							
8	З	Демонстрировать уровень достатка							
9	З	Демонстрировать силу власти							
10	П	Быть доступным (территориально и финансово)							
11	П	Быть просторным							
12	П	Дать возможность перемещаться							
13	П	Дать возможность ухаживать за собой							
14	П	Дать возможность питаться в своем режиме							
15	П	Дать возможность спать, когда хочется							
16	П	Быть укрытием							
17	П	Быть целью возвращения							

18	П	Быть безопасным							
19	П	Дать возможность читать							
20	П	Дать возможность слушать музыку							
21	П	Дать возможность смотреть фильмы							
22	П	Дать возможность пользоваться Интернетом							
23	Р	Дать возможность для семейных развлечений							
24	П	Дать возможность принимать гостей							
25	П	Дать возможность управлять общением							
26	П	Позволить организовывать день							
27	П	Позволять заниматься разными видами деятельности							
28	П	Позволить чувствовать себя на «своей» территории							
29	П	Позволить изменять облик жилища							
30	П	Позволить восстановить силы							
31	П	Позволить ничего не делать и ни о чем не заботиться							
32	П	Давать силы и вдохновение							
33	Р	Хранить семейную историю							
34	П	Быть местом для хобби и увлечений							
35	П	Позволить иметь домашних животных							
36	Р	Задавать правила и режим жизни							
37	С	Задавать границы личного пространства обитателей и зоны для разных видов деятельности							
38	Р	Допускать домашние ритуалы							
39	Р	Давать информацию чувствам – слуху, зрению, обонянию							
40	З	Быть оригинальным							
41	З	Быть красивым							
42	Р	Быть чистым							
43	Р	Обеспечивать общение с соседями							
44	Р	Поддаваться контролю со стороны его обитателей							
45	Р	Напоминать о детстве							
46	Р	Напоминать о событиях жизни							
47	Р	Обладать историей							
48	С	Позволить выбрать, чем заниматься							
49	С	Обеспечивать чувство стабильности							
50	С	Быть комфортным							
51	С	Быть практичным							
52	С	Быть добротным							
53	С	Быть технологичным							
54	П	Позволять развиваться							
55	Р	Содержать много интересных или полезных предметов							

Примечание: П – прагматичность; Р – развитие; З – защищенность; С – стабильность.

Пункты опросника, по замыслу создателей, отражают свободный от влияния установок респондентов функционал домашней среды и не нуждаются в соблюдении баланса прямых и обратных формулировок. По «жанру» опросник похож на классический Лист О. Липпмана для описания профессий; предполагается, что «любимых» или «нелюбимых» функций, отмеченных влиянием социальной желательности, быть не может.

Следующим этапом работы над опросником стала его психометрическая подготовка. В первую очередь перед нами стояла задача определить все возможные варианты факторной структуры опросника и выбрать среди них оптимальный. Факторизация опросника была осуществлена на основе данных 231 респондента ($M_{\text{возраст}} = 20,5$ года, $M_{e_{\text{возраст}}} = 16,6$, $SD_{\text{возраст}} = 10,1$, 64 – мужского пола). Для выделения главных факторов и их интерпретации применялся эксплораторный факторный анализ матрицы корреляций ответов на отдельные вопросы по методу главных компонент с вращением Varimax. Критерий собственных чисел Х. Кайзера ($k > 1$) позволил заключить, что существует несколько факторных моделей, включающих четыре, пять и семь факторов. Поскольку иногда этот критерий демонстрирует неадекватно большое количество факторов, дополнительно был проведен тест каменистой осыпи (*scree-plot test*), предназначенный для отсеивания несущественных факторов и подтвердивший наличие трех факторных решений опросника.

Для выделения оптимальной факторной структуры опросника использовался конфирматорный факторный анализ. Во всех моделях были проанализированы значения показателей CMIN/DF, определяющих меру соответствия модели эмпирическим данным. Значения в диапазоне 1-3 оптимальны и указывают на удовлетворительное соответствие модели эмпирическим данным (Arbuckle et al., 1999). Также для оценки качества моделей использовались индексы подгонки CFI (сравнительный индекс соответствия), IFI (инкрементный индекс соответствия) и RMSEA (квадратный корень ошибки приближения). Значения CFI и IFI выше 0,90 и RMSEA ниже 0,08 указывают на хорошее соответствие модели. Информационный критерий Акаике (AIC) рассматривает как статистическую доброкачественность соответствия (*goodness of fit*), так и число параметров, которые должны быть приняты во внимание для достижения этого уровня соответствия при наложении ограничения на возрастание числа параметров. Чем ниже значение этого критерия, тем более предпочтительна модель (табл. 2.3).

По результатам проверки соответствия моделей предпочтение было отдано третьей, состоящей из четырех факторов-шкал (рис. 2.2).

Индексы модификации показали, что она может быть улучшена добавлением одной ковариации ошибок: между шкалами 1 и 4. Полученная в процессе модификации модель обладала хорошим соответствием эмпирическим данным (табл. 2.3).

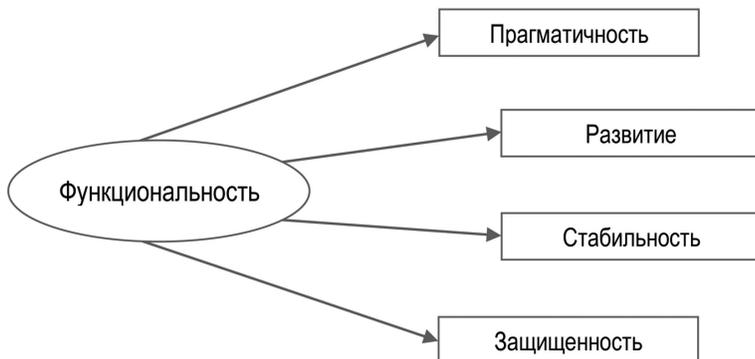

Рисунок 2.2. Факторная структура опросника «Функциональность домашней среды»

Таблица 2.3

Индексы соответствия моделей структуры опросника «Функциональность домашней среды» (N = 231)

Модель	χ^2	df	CMIN/DF	RMSEA	IFI	CFI	AIC
Модель 1 (7 факторов)	15,9, нд	14	1,13	0,03	0,99	0,99	43,90
Модель 2 (5 факторов)	18,2**	5	3,60	0,11	0,93	0,93	38,20
Модель 3 (4 фактора)	7,26*	2	3,60	0,11	0,97	0,97	23,30
Модель 4 (4 фактора), модифицированный	0,07, нд	1	0,07	0,00	1,00	1,01	18,10
Примечание. ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$, нд – недостоверно.							

Проверка моделей показала, что четырехфакторная модель удовлетворительно соответствовала эмпирическим данным согласно индексам относительного соответствия CFI, IFI и RMSEA, а также имела недостоверное значение критерия χ^2 . Следовательно, эта модель наиболее адекватно отражает структуру опросника.

Таким образом, в опроснике были выделены четыре шкалы, отражающие основные кластеры функций домашней среды (ключ к опроснику в табл. 2.2²).

Шкала *Прагматичность* (25 пунктов) описывает простые повседневные функции дома (например, эргономичность пространства, наличие бытовой техники или доступа в Интернет), определяющие комфорт и удобство нахождения в доме;

² Электронный ключ можно получить у авторов, обратившись по e-mail: s-nartova@yandex.ru.

Шкала *Развитие* (12 пунктов) раскрывает такие качества и ресурсы дома, которые позволяют человеку развиваться и снабжают его разного рода информацией – сенсорной, когнитивной, социальной (например, наличие интересных предметов в доме или пространства для творчества);

Шкала *Стабильность* (7 пунктов) описывает свойства дома, позволяющие человеку чувствовать психологическую и физическую стабильность, а также чувствовать себя самим собой в своем доме и предсказывать средовые изменения (например, знание о предстоящих изменениях в доме, соответствие домашнего уклада внутреннему ритму жизни);

Наконец, шкала *Защищенность* (11 пунктов) описывает то, как дом помогает человеку успешно и безопасно взаимодействовать с внешним миром (например, возможность экспозиции своего статуса и власти, возможность демонстрации другим людям своих достижений, идей, предпочтений).

По пунктам вычисляется средний показатель для каждой шкалы; суммирование показателей субшкал дает общее значение функциональности домашней среды.

Надежность шкал опросника определяли с помощью коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха. Внутренняя согласованность (коэффициент альфа Кронбаха) шкал оказалась высокой: шкала *Прагматичность* – $\alpha = 0,89$, шкала *Развитие* – $\alpha = 0,82$, шкала *Стабильность* – $\alpha = 0,82$, шкала *Защищенность* – $\alpha = 0,75$.

По всему массиву данных нами были получены следующие показатели мер центральной тенденции (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Описательная статистика шкал опросника Функциональность домашней среды

Шкала	M	Me	Min	Max	SD
Функциональность домашней среды	21,8	22,1	13,2	27,7	2,4
Прагматичность	5,9	6,0	3,0	7,0	0,6
Развитие	5,3	5,3	2,1	7,0	0,8
Стабильность	5,9	6,0	3,0	7,0	0,8
Защищенность	4,7	4,7	2,2	6,8	0,9
<i>Примечание:</i> N = 315.					

Представленные меры центральной тенденции позволяют определить низкие, средние и высокие значения для шкал по формуле: $M \pm SD = \text{диапазон средних значений}$ представленности функций дома. Показатели ниже этого диапазона означают, что функция домашней среды представлена слабо, а показатели выше коридора значений говорят о том, что дом эффективно выполняет эту функцию.

Итак, основной смысл опросника ФДС состоит в изучении функций дома, наличествующих в реальной домашней среде, либо желаемых. Но, как отмечалось выше, изучение субъект-объектных отношений не исчерпывается анализом лишь объективных характеристик дома. Не менее важным видится учитывать представления и переживания субъекта, связанные с жилищем. Поэтому еще одним научным изысканием стала разработка опросника, позволяющего выяснить личностную значимость функциональных характеристик дома, которая варьирует в зависимости от целей, потребностей и опыта человека.

2.5. Опросник Релевантность домашней среды

Параллельно с созданием опросника Функциональность домашней среды осуществлялась разработка опросника Релевантность домашней среды (РДС). К его созданию нас побудило понимание того, что значимость тех или иных качеств дома варьирует в зависимости от целей, потребностей и опыта субъекта. Например, некоторые возможности домашней среды могут не осознаваться, потому что не осознаются потребности (физически здоровый человек не чувствителен к безбарьерности домашней среды), иные возможности дома игнорируются, потому что не конгруэнтны потребностям своего обитателя (например, человеку, который не занимается спортом, не важно, есть ли у него дома тренажер). В то же время другие допущения дома, наоборот, могут быть чрезвычайно значимыми и важными. Поэтому, по нашему замыслу, опросник РДС предназначен для выяснения субъективного отношения человека к объективным характеристикам среды сквозь призму его смыслов, потребностей и опыта.

На основе упомянутых выше 55 первичных конструкторов-характеристик домашней среды, полученных в ходе пилотажного этапа, были сформулированы по два утверждения для каждого конструктора, содержащих оценочные характеристики актуальной домашней среды, например: «У меня дома есть на что посмотреть», «Мой дом менее скучный, чем у большинства моих знакомых». Соотношение обратных и прямых формулировок утверждений было 1 : 7. Пункты опросника сформулированы таким образом, чтобы нести в себе личностное отношение респондентов к представленным в их доме средовым возможностям. Степень согласия / несогласия с утверждениями оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта. Отметим, что один конструктор был удален из опросника, поскольку имел очень тонкий контекстный оттенок, который было сложно воссоздать через утверждения, поэтому итоговое число утверждений составило 108 (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Опросник «Релевантность домашней среды (РАС)»

Инструкция. В данном опроснике речь идет о том месте (квартире, доме, комнате), где вы живете. Пожалуйста, выразите меру своего согласия с каждым утверждением. Оцените степень своего согласия / несогласия с каждым из утверждений, используя пятибалльную шкалу, где: 1 – не относится ко мне вообще; 2 – скорее нет, чем да; 3 – трудно ответить; 4 – скорее да, чем нет; 5 – полностью ко мне относится.

№	Шкала	Утверждение	Не относится ко мне вообще	Скорее нет, чем да	Трудно ответить	Скорее да, чем нет	Полностью относится ко мне
			1	2	3	4	5
1	Пл	Мой дом меняется вместе со мной					
2	Са	Человек, который впервые приходит ко мне домой, может много узнать обо мне					
3	Ре	Иметь свой дом – важная цель моей жизни					
4	У	Я могу побыть один/одна в моем доме, когда хочу					
5	Ре	Дома я чувствую себя самим/самой собой					
6	Са	Люди из нашего дома имеют хорошую работу и достаток					
7	Пл	У меня нет потребности приобрести собственное жилье					
8	Са	Мой дом может «рассказать» гостю о моих победах и увлечениях					
9 (-)	Э	По виду моей комнаты трудно сказать, сколько мне лет					
10	Са	В моем доме происходит то же, что и за его стенами – праздники, ссоры, войны					
11	Ре	Что бы ни случилось (даже поссорившись с близкими), я всегда могу вернуться домой					
12	У	Дома у меня есть место и время побыть с самим(ой) собой наедине					
13	У	Я могу готовить пищу и пить чай или кофе, когда хочу					
14	Са	Наш дом считается в районе одним из лучших					
15	У	В моем доме (в моей комнате) есть все, что нужно и нравится человеку моего возраста					
16	Са	Мой дом – проявление моей личности					
17	Са	Всем известно, что в моем доме живут успешные люди					
18	Са	Людей из моего дома уважают					
19	Са	В моем доме легко укрыться от шума, запахов машин и жары и людей, которые мне не нравятся					
20	Ре	Лучше всего мне удается выспаться дома					
21 (-)	Са	Мое жилье финансово вполне доступно многим					
22	Пл	При желании в моем доме легко все перестроить и переделать					
23	Са	Не каждый мог бы позволить себе жить в таком доме, как мой					

24	О	Я часто беспокоюсь из-за того, что у нас дома протечет канализация или произойдет замыкание						
25	О	Когда я занят(а), остальные должны «замирать» и прекращать свои дела, чтобы дать мне возможность сосредоточиться						
26	У	Я могу занимать санузел так долго, как хочу						
27	Пл	У меня дома бывают не только близкие друзья						
28	Ре	Дома я чувствую себя хозяином/хозяйкой						
29	Ре	Мне приятнее поесть дома, чем где-то еще						
30	У	Когда я сплю, мне никто не мешает						
31	У	Перемещаясь по дому, я не мешаю другим его обитателям						
32	Пл	Если захочется, в моем доме легко передвинуть мебель и поменяться комнатами						
33	Ре	Мой дом – моя крепость						
34	Ре	Мне нравится приглашать гостей к себе домой						
35	И	Каждый, кто работает, может иметь дом, как у меня						
36	О	В плохом настроении или после неудачного дня я стараюсь подольше не возвращаться домой						
37	У	В мой дом не проникнет ни вор, ни хулиган						
38	У	Моими средствами гигиены никто не пользуется без разрешения						
39	У	У меня есть свое место для чтения						
40	О	Мой дом напоминает музей из-за устаревших и сложных в использовании вещей						
41	Са	Мне удобно совершать покупки из дома						
42	У	Дома я могу слушать музыку, когда захочу, не мешая другим						
43	О	Дома многое отвлекает, и трудно организовать завтрашний день						
44	У	Мне удобно заниматься дома тем, что я люблю (спорт, музыка, танцы, рукоделие и пр.)						
45	У	Я люблю смотреть фильмы дома, потому что могу сам их выбирать и прекращать просмотр, когда захочу						
46	У	У меня дома всегда есть доступ к Интернету, в отличие от других мест, где я бываю						
47	Пл	Мне нравится менять интерьер моего дома						
48	Ре	Мы любим дома вместе играть, разговаривать, смотреть кино						
49	Ре	Дома я хорошо отдыхаю и быстро выздоравливаю						
50	Ре	Все самое интересное приходит мне в голову дома						
51	Э	Друзья любят приходить ко мне домой						
52	У	Я предпочитаю слушать музыку дома, потому что никто не может навязать мне музыку, которую я не люблю						
53	Э	Меня не тревожит, что в мой дом иногда приходят по делам						
54	Ре	Свой завтрашний день я всегда планирую дома						
55	О	Дома мне не удается почитать, потому что постоянно кто-то или что-то мешает						
56	У	У меня дома есть, где ухаживать за комнатными растениями, если захочется						
57	У	Дома я смотрю фильмы, когда захочу, никому не мешая						

58	У	Я договариваюсь о встречах с друзьями из дома					
59	Пл	Я могу изменять дома все, что захочу					
60	Э	Мой дом нарядный					
61	Пл	Я предпочитаю сам(а) продумывать интерьер своего дома, а не приглашать чужих специалистов					
62	Э	Мы с соседями очень дружны					
63	Ре	Дома у меня проходит усталость					
64	И	Стены моего дома напоминают мне о многих событиях прошлого					
65	У	Дом – это место, где можно ничего не делать					
66	Са	Мой дом менее скучный, чем у большинства моих знакомых					
67	О	Дома мне трудно найти вдохновение и собраться с силами					
68	Ре	Дома мы вместе весело проводим свободное время					
69	И	В моем доме много вещей, напоминающих мне о родных					
70	Са	Мне нравится, что мой дом не такой, как у всех					
71	У	Дома я могу пользоваться Интернетом сколько хочу					
72	О	Я редко занимаюсь дома тем, что люблю (спорт, музыка, танцы, рукоделие и пр.)					
73	У	Я могу завести домашнее животное, если захочу					
74	И	Мой дом – это место, которое напоминает мне о детстве					
75	Ре	Для меня важно, что в моем доме есть свои правила					
76	У	Режим жизни в моем доме удобен для всех					
77	Э	Мне нравится, что у меня дома для каждого занятия предусмотрено свое место					
78	Ре	Все меняется, но мой дом остается домом					
79	Ре	У нас есть где вечером всем вместе обсудить прошедший день					
80	У	Дома я могу выбирать, чем хочу заняться в конкретный момент					
81	Са	У меня дома есть на что посмотреть					
82	Э	Нужные вещи дома всегда находятся у меня под рукой					
83	Са	Для меня важно, что в моем доме всегда найдется, чем удивить гостей					
84	О	Вещи в моем доме часто портятся и ломаются, так как плохо сделаны.					
85	Э	У меня дома нет ничего некрасивого					
86	Пл	Я люблю делать перестановку в доме, это поднимает мне настроение					
87	О	У меня дома принято наводить порядок только в особых случаях (на праздник, к приходу гостей и т.д.)					
88	Ре	Я чувствую себя комфортно дома					
89	У	Только дома я могу ни о чем не думать и ничем не заниматься					
90	Э	Соседи – часть нашего дома					

91	У	Жильцы нашего дома всегда знают о предстоящем ремонте, отключении воды и прочих коммунальных мероприятиях					
92	И	Мой дом – это то место, где я живу с детства					
93	О	Мой дом кажется мне слишком пустым					
94	И	В моем доме я пережил(а) много важных событий					
95 (-)	И	Мой дом не связан с историей моей семьи					
96	У	Дома я могу делать все, что захочу: рисовать, ничего не делать, разговаривать по телефону					
97	О	В моем доме нет ничего возбуждающего мое любопытство					
98	Ре	Мой дом дает чувство постоянства					
99	Э	В моем доме удобно жить, вести хозяйство, отдыхать					
100	Э	В моем доме каждой, даже на первый взгляд ненужной, вещи найдется применение					
101	Э	У меня дома нет плохо сделанных вещей					
102	Э	У нас есть общие дела, в которых участвуют все обитатели дома					
103	У	У меня дома есть все, что нужно для жизни современному человеку (компьютер, бытовая техника, современная мебель)					
104	Э	Мой дом помогает мне развиваться и быть активным(ой)					
105	Э	В моем доме всегда чистота и порядок					
106	Э	Мне нравится, что в моем доме много вещей, мебели и предметов интерьера					
107	Э	Жители нашего дома, увидев подозрительного человека, вряд ли пустят его в подъезд					
108	Са	В моем доме помещения разбиты на зоны для игр, еды, отдыха и т.д.					
<p><i>Примечание:</i> (-) в графе номеров пунктов означает, что данное утверждение имеет отрицательную факторную нагрузку. Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, У – Управляемость; О – Отчужденность; Э – Эргономичность, Пл – Пластичность, И – Историчность; Пр – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность.</p>							

Как и в случае с опросником ФДС, психометрическая подготовка опросника РДС осуществлялась с помощью факторного анализа. На этапе факторизации были проанализированы данные 231 респондента ($M_{\text{возраст}} = 20,5$ года, $M_{\text{е}_{\text{возраст}}} = 16,6$, $SD_{\text{возраст}} = 10,1$, 72,2% респондентов женского пола).

Эксплораторный метод с варимакс-вращением факторов позволил выделить единственное семифакторное решение.

Полученные в процессе конфирматорного факторного анализа индексы соответствия подтвердили обоснованность выделения семи факторов в структуре опросника: показатель $CMIN/DF$ имел значение меньше 3, квадратный корень ошибки приближения стремился к нулю, а значения сравнительного и инкрементного индексов были равны почти единице (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Индексы соответствия семифакторной структуры опросника РДС (N = 231)

Модель	χ^2	df	CMIN/DF	RMSEA	IFI	CFI
Модель 1 (7 факторов)	15,10, нд	14	1,08	0,02	0,99	0,99
Примечание: нд – недостоверно, CMIN/DF – нормализованный показатель критерия точного соответствия χ^2 , CFI – сравнительный индекс соответствия, IFI – инкрементный индекс соответствия, RMSEA – квадратный корень ошибки приближения.						

Таким образом, по результатам факторизации и коллективного обсуждения содержания факторов авторами, в структуре опросника были выделены следующие семь шкал, отражающих потребности респондентов, которым отвечает или не отвечает их реальный дом (рис. 2.3; ключ к опроснику см. в табл. 2.5³).

1) *Управляемость* (27 пунктов) домашней среды определяет меру прогнозируемости и подконтрольности среды;

2) *Ресурсность* (19 пунктов) включает средовые допущения, обеспечивающие поддержку (информационную, социальную, физическую) и ощущение стабильности в домашней среде;

3) *Самопрезентация* (17 пунктов) раскрывает возможность экспозиции достижений, интересов и идей обитателя через предметную среду дома; пункт шкалы № 21 имеет отрицательную факторную нагрузку;

Рисунок 2.3. Факторная структура опросника Релевантность домашней среды

³ Электронный ключ можно получить у авторов, обратившись по e-mail: s-nartova@yandex.ru.

4) *Эргономичность* (17 пунктов) включает утверждения, описывающие удобство проживания в доме и уют домашней обстановки; пункт № 9 в этой шкале имеет отрицательную факторную нагрузку;

5) *Отчужденность* (12 пунктов) отражает неприятие домашней среды и неудовлетворенность мерой ее функциональности в целом; эту шкалу составили пункты с обратными формулировками;

6) *Пластичность* (9 пунктов) описывает степень гибкости и динамичности домашней среды, податливости к изменениям и легкости трансформации (например, перестановка мебели);

7) *Историчность* (7 утверждений) раскрывает наличие ассоциативных связей человека с домом на уровне автобиографических воспоминаний, знаний символов и истории дома, связывающих обитателя с другими родственниками сквозь историю семьи и через поколения. Пункт № 95 в этой шкале обладает отрицательной факторной нагрузкой.

По пунктам вычисляется средний показатель для каждой субшкалы. Оценка общего уровня релевантности домашней среды производится путем суммирования средних значений по семи шкалам.

Анализ надежности шкал опросника РДС подтвердил их высокую самосогласованность (коэффициент альфа Кронбаха при $n = 231$): шкала Управляемость – $\alpha = 0,88$; Ресурсность – $\alpha = 0,88$; Самопрезентация – $\alpha = 0,79$; Эргономичность – $\alpha = 0,80$; Отчужденность – $\alpha = 0,76$; Пластичность – $\alpha = 0,69$; Историчность – $\alpha = 0,73$.

После значительного расширения выборочной совокупности ($n = 353$) нами были получены следующие показатели мер центральной тенденции для опросника (табл. 2.7)

Таблица 2.7

**Описательная статистика шкал опросника
Релевантность домашней среды ($n = 353$)**

Шкала	M	Me	Min	Max	SD
Релевантность домашней среды	18,5	18,7	8,2	25,1	3,0
Управляемость	3,8	3,9	1,4	4,9	0,6
Ресурсность	3,9	3,9	1,1	5,0	0,6
Самопрезентация	3,3	3,3	1,7	4,8	0,6
Эргономичность	3,4	3,4	1,2	4,8	0,6
Отчужденность	2,2	2,2	1,0	4,7	0,7
Пластичность	3,1	3,1	1,1	5,0	0,7
Историчность	3,3	3,3	1,3	5,0	0,8

Таким образом, коридор средних значений для шкалы Управляемости соответствует 3,2–4,4; Ресурсности – 3,3–4,5; Самопрезентации – 2,7–3,9; Эргономичности – 2,8–4; средние значения по шкале Отчужденности варьируют в пределах 1,5–2,9; Пластичности – 2,4–3,8 и, нако-

нец, Историчности – 2,5–4,1. Значения по шкалам выше или ниже этих диапазонов значений являются, соответственно, низкими или высокими.

Хотя описанные выше опросники и способны выявить личное отношение и субъективные оценки параметров домашней среды, тем не менее для детального анализа взаимоотношений человека с его домом в рамках субъектно-средового подхода для нас важно было создать метод, позволяющий изучить меру индивидуальной эмоционально-смысловой связи с домом и то, насколько собственный дом представляется человеку родным и близким либо же чуждым и далеким.

2.6. Опросник Привязанность к дому

Привязанность к дому, отражающая эмоциональную связь человека с местом, которое он считает домом, прежде никогда не изучалась шкальными методами (Резниченко, 2014; Резниченко и др., 2016). Мы поставили перед собой задачу разработать шкальный метод оценки привязанности к дому. Создание опросника предвзяло анализ немногочисленных методик, измеряющих привязанность к месту и разработанных в русле гуманитарной географии и рекреационной психологии. Мы опирались на опыт создания опросника Привязанность к месту (*Place attachment scale*) австралийской исследовательницы Джуди Инглиз (Inglis, 2008), в котором респондентам предлагается оценить степень своей привязанности к определенному месту (парку, району, озеру) в категориях «родное / чужое», «близкое / вызывающее отчуждение». Формулируя утверждения для нашего опросника, мы отталкивались от утверждений шкалы Дж. Инглиз, переставив акценты с места вообще на дом (например: «Я чувствую, что мой дом – это часть меня»). Первоначальное количество утверждений, как и в оригинальном опроснике, составило 17. При этом вопросы 13 («Я не ощущаю приверженности своему дому»), 14 («То время, что я провожу дома, я с удовольствием провел(а) бы где-нибудь еще») и 15 («Я вообще не чувствую, что имею какое-то отношение к своему дому») имели обратные формулировки, описывая негативное отношение к дому. Степень согласия с утверждениями оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта (Резниченко и др., 2016).

Структуру опросника Привязанности к дому изучали на основе данных 287 респондентов в возрасте от 11 до 63 лет ($M_{\text{возраст}} = 21,5$, $SD_{\text{возраст}} = 9,2$; 30% мужского пола). Факторизация осуществлялась эксплораторным образом при помощи анализа матрицы корреляций ответов на отдельные вопросы по методу главных компонент с варимакс-вращением. Предварительный анализ показал, что, согласно тесту КМО (0,91) и тесту Бартлетта ($p \leq 0,001$), размер и идентичность выборки адекватны данному анализу. Факторный анализ шкалы показал, что, согласно кри-

терию Кайзера (собственные значения > 1), выделяются четыре фактора, в то же время тест «каменистой осыпи» (*scree plot*), демонстрирующий собственные значения факторов, полученных в результате анализа главных компонент до вращения матрицы, указал на однофакторное решение (табл. 2.8). Кроме того, множественный анализ соответствий (*Multiple Correspondence Analysis* (MCA)), показал, что однофакторная модель имела наивысшую альфу Кронбаха ($\alpha=0,93$), в то время как модели с возрастающим числом факторов от двух до четырех отчетливо снижали индекс внутренней согласованности (альфа была равна 0,88, 0,71, 0,67 соответственно).

Мы проверили две модели – четырехфакторную, основанную на теоретических предположениях, и однофакторную, основанную на результатах MCA, – при помощи конфирматорного факторного анализа. Анализируются стандартные показатели соответствия: CMIN/DF (нормализованный χ^2), сравнительный и инкрементный индексы соответствия (CFI и IFI), квадратный корень ошибки приближения (RMSEA), а также информационный критерий Акаике (AIC), который определяет статистическую доброкачественность соответствия (*goodness of fit*) и позволяет выбрать оптимальную факторную модель среди нескольких. Чем ниже значение этого критерия, тем более предпочтительна модель (Arbuckle и др., 1999) (табл. 2.8).

Таблица 2.8

Индексы соответствия моделей структуры опросника Привязанность к дому (N = 287)

Модель	χ^2	df	CMIN/DF	RMSEA	IFI	CFI	AIC
Модель 1 (4 фактора)	572,10*	10	52,20	0,44	-3,55	0,00	572,00
Модель 2 (1 фактор)	445,50*	119	3,70	0,09	0,84	0,84	547,50
Модель 2а (1 фактор), модифицированная	387,50*	118	3,20	0,09	0,87	0,87	454,50

Примечание: * $p \leq 0,001$.

Из таблицы видно, что значения факторных нагрузок в четырехфакторной модели опросника не соответствует принятым стандартам.

Во вторую модель были включены все семнадцать переменных (утверждений), составляющих шкалу опросника, выделенные на основе эксплораторного факторного анализа. Для улучшения индексов соответствия модели были приняты во внимание индексы модификации, которые показали, что она может быть улучшена путем добавления одной ковариации ошибок: между пятым и девятым пунктами. Полученная в процессе модификации модель обладала хорошим соответствием эм-

пирическим данным согласно индексам относительного соответствия и, следовательно, наиболее адекватно отвечала структуре опросника. Надежность шкалы опросника определяли с помощью коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха. Внутренняя согласованность (коэффициент альфа Кронбаха) была высокой – 0,77, однако, если удалить три обратных вопроса (Q13, Q14, Q15), которые грузились отрицательно по отношению к данной шкале, то альфа возрастала до 0,89, поэтому было принято решение полностью удалить эти пункты из дальнейшего анализа.

Таким образом, опросник Привязанность к дому включает 14 прямых вопросов, оцениваемых по 5-балльной шкале, и описывается одной шкалой, которая отражает общий уровень привязанности и эмоциональной близости человека к его дому (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Опросник Привязанность к дому

Инструкция. Опросник позволит изучить отношение людей к своему жилью в целом и к его содержанию в частности. Опросник не предполагает верных и неверных ответов. Пожалуйста, ответьте на каждый вопрос, основываясь на собственных чувствах. Оцените степень своего согласия / несогласия с каждым из утверждений, используя пятибалльную шкалу, где: 1 – совершенно не согласен; 2 – скорее не согласен; 3 – трудно ответить; 4 – скорее согласен; 5 – совершенно согласен.		совершенно не согласен	скорее не согласен	трудно ответить	скорее согласен	совершенно согласен
№	Мой дом	1	2	3	4	5
1	Я чувствую, что мой дом – это часть меня					
2	Мой дом – лучшее место заниматься тем, что мне нравится					
3	Мой дом – это особенное место для меня					
4	Ни одно другое место не может сравниться с моим домом					
5	Мой дом и я очень похожи друг на друга					
6	Я получаю большее удовлетворение, находясь в собственном доме, нежели в других местах					
7	Я очень привязан к своему дому					
8	То, чем я занимаюсь дома, важнее того, что я делаю в других местах					
9	Видящие мой дом могут узнать обо мне многое					
10	Занимаясь любимыми делами дома, я наслаждаюсь ими не меньше, чем если бы делал это где-то еще					
11	Мой дом значит очень много для меня					
12	Я бы не хотел делать в других местах то, чем занимаюсь дома					
13	По образу жизни и мировоззрению я похож(а) на тех, кто живет в моем доме					
14	Я готов(а) вкладывать силы и душу в дом, где я живу					

По массиву данных взрослых респондентов ($n = 168$; 25–50 лет, $M_{\text{возраст}} = 29,1$, $SD_{\text{возраст}} = 4,2$; 47% мужского пола), обладающих нормальностью распределения, были получены следующие показатели мер центральной тенденции (табл. 2.10).

Таблица 2.10

**Описательная статистика опросника
Привязанность к дому (N=168)**

	M	Me	SD	Min	Max	Асимметрия	Экцесс	Z-критерий Колмогорова— Смирнова
Значения по выборке	3,73	3,80	0,66	1,28	4,92	-0,26	-0,49	0,06*
Примечание: * $p \leq 0,05$.								

Соответственно, значения низкого уровня привязанности к дому лежат в диапазоне от 1,00 до 3,06; умеренного – в диапазоне 3,07 – 4,39; а значения высокого уровня привязанности к дому варьируют от 4,40 до 5,00.

Полученные психометрические характеристики позволяют рекомендовать шкалу к использованию в исследовательской работе и практической психологии.

Выводы

Итак, замысел нашего совершенно нового исследования, основные принципы, которыми мы руководствовались, необходимость сбора убедительного массива данных потребовали создания батареи стандартизированных методов. Эта задача была выполнена – мы разработали, валидизировали и частично стандартизировали три исследовательских методики, которые также могут быть применены и в практической психологии – Функциональность домашней среды, Релевантность домашней среды, Привязанность к дому. В составе единой батареи они позволяют изучить три уровня взаимоотношения человека с его домом. Хотя эти три методики были в нашей работе основными, мы не ограничивались только ими и, в зависимости от частной задачи исследовательского модуля, следуя принципу методологической триангуляции, использовали также

созданные специально проективные и творческие задания. Преимущественно во всех случаях качественное исследование отношения человека к дому, а также смыслов и метафор, порождаемых домом, выполнялось методом смешанного контент-анализа (*mix-methods*), подкрепленным экспертными оценками. Единицами анализа стали текстовые и графические данные респондентов.

Так, для исследования мотивов привязанности и отчуждения от дома были сформулированы шесть неоконченных предложений, три из которых связаны с описанием причин привязанности к дому, а другие три — с описанием причин отчуждения от дома (подробнее см. главу 6).

Для исследований особенностей графического изображения дома респондентам предлагалось графическое задание схематично изобразить свой дом, выделить на рисунке пространство, которое респондент считает личным, личные пространства других обитателей, пространства общего пользования (подробнее см. главу 5).

И, разумеется, для уточнения феноменологии дома как жизненной среды и особенностей его взаимодействия с обитателями мы применяли широкий спектр авторитетных, хорошо зарекомендовавших себя методик, направленных на диагностику разных составляющих позитивного функционирования личности.

Описав нулевой цикл исследования, состоящий в сопоставительном анализе теоретико-методологических источников и разработке инструментария, перейдем к изложению основных полученных нами результатов.

ГЛАВА 3. ГРАНИ ОБРАЗА ДОМА¹

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему при первой же встрече, что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом, на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костёр. Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине: – Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

Редьярд Киплинг. «Кошка, которая гуляла сама по себе»

Для чего человеку нужен дом? Этот вопрос кажется банальным. «Мой дом – моя крепость» – самый простой и предсказуемый ответ на него. Однако, несмотря на малое число научных исследований функций и смысла домашнего пространства для его обитателей, интуитивные представления и повседневный опыт мгновенно напоминают о том, что необходимость поддержания физической безопасности – не единственное, зачем нужен дом.

3.1. Дом как необходимый элемент житейского опыта

Некоторые аспекты своеобразия дома и его отличия от других пространств отражены в народных пословицах и поговорках. Приведем несколько примеров в качестве иллюстраций народной мудрости, которые могут лежать в основе персональных представлений о доме или по меньшей мере оказывают на них влияние.

¹ При подготовке главы использовались материалы статьи А.А. Бочавер «Представления о доме как элемент персонального опыта» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.

Во-первых, подчеркивается значимость хозяина для существования дома как такового: «Без хозяина дом сирота»; «Не дом хозяина красит, а хозяин дом»; «Всякий дом хозяином держится».

Во-вторых, есть много пословиц, посвященных дому как источнику сил, поддержки, помощи для обитателей: «Дома и солома съедома»; «Дома и стены помогают»; «В гостях хорошо, а дома лучше»; «Своя хатка – родная матка»; «Домой и кони веселей бегут».

Третий важный момент – это ценность и важность отношений в этом доме: именно качество отношений влияет на то, хорошо ли живется в доме обитателям: «Дом крепок не укладом, а ладом»; «Каково на дому, таково и самому»; «Добрая женитьба к дому приучает, худая от дому отлучает»; «Дом с детьми – базар, без детей – могила»; «Одинокому – везде дом».

Еще одна особенность состоит в том, что дом – это личное пространство, в нем можно себя вести «домашним» образом, и имеет значение граница «дом-не дом», а обитателям важно ее осознавать и беречь: «В каждой избушке свои погремушки»; «В своем доме как хочу, так и ворочу»; «Не выноси сора из избы». Выход из дома требует определенной перестройки мышления: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят»; «Домашние мысли в дорогу не годятся».

Кроме того, есть множество поговорок, подчеркивающих, что дом не только дает, но и требует: работы, заботы, ответственности хозяина за имеющееся: «Дом превелик, да лежать не велит»; «Дом вести – не бородой трясти» («не рукавом трясти», «не лапти плести»); «Не та хозяйка, что говорит, а та, что щи варит»; «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Это лишь малая часть посвященных дому русскоязычных пословиц, которые мы привели для того, чтобы подчеркнуть: жилище представляет собой одну из универсальных категорий человеческого опыта, частично отрафлексированных в народном творчестве.

Помимо актуального среза характеристики отношений (за что отвечает хозяин дома, что хозяин получает от дома, как отношения в доме влияют на пребывание в доме и т.п.) на роль дома в жизни обитателей оказывают влияние множество других факторов: индивидуальная история, семейная история, культурно-исторический контекст, архетипы коллективного бессознательного и др. Дом – психологически сложный феномен, который может оказывать большое влияние на переживания и психологическое благополучие личности.

Дом обеспечивает защиту от непогоды и врагов, сохранение тепла, приготовление пищи, позволяет оберегать детей. Кроме того, дом выполняет менее очевидные и более опосредованные задачи, связанные с различными интересами обитателей, их статусом, отношениями, представлениями об эстетике, составом семьи. Люди оценивают дома по их

привлекательности, престижности, удобству, уюту. Дом — это не просто крыша над головой, это также «визитная карточка» владельца, его личная территория, пространство, доступное для преобразования и творчества, место встречи семьи. Выбирая дом, человек выбирает некоторое социальное окружение, материальную среду, демонстрирует определенный уровень притязаний, становится жителем определенного района и испытывает принадлежность к нему. Каждый дом становится звеном в субъективной цепочке значимых домов в персональной истории обитателя, которая может сильно различаться по длине, степени благополучия или драматизма, может содержать или не содержать какие-то поворотные моменты (переезд, выселение, утрату жилья, приобретение жилья и т.п.). После рождения ребенок обычно оказывается дома и проводит в основном там младенчество и раннее детство: мы можем предполагать, что домашнее пространство становится источником переживания безопасности (или небезопасности), фоном, на котором формируется или не формируется базовое доверие человека к миру, по Э. Эриксону. Дом наделяется обитателем субъективными смыслами, которые вносят даже больший, чем объективные характеристики жилища, вклад в то, хочется ли человеку туда возвращаться или бежать из него, является ли дом источником сил, целостности и вдохновения или, наоборот, истощает и лишает гармонии.

Так, например, К. Макнотон Николлс анализирует в контексте домашнего пространства 10 эссенциальных функций, необходимых для «хорошо проживаемой жизни» и предложенных М. Нуссбаум: жизнь; телесное здоровье; телесная целостность; ощущения, воображение и мысль; эмоции; практические обоснования; принадлежность; другие виды; игра; контроль за собственной средой (McNaughton, 2010; Nussbaum, 2003).

Один из наиболее значимых конструкторов в области эмоциональных отношений человека со средой — это чувство места (*sense of place*). Некоторые исследователи рассматривают чувство места, зависимость от него и идентификацию с ним как разновидности привязанности к месту; другие считают, что чувство места — понятие более широкое, чем привязанность к нему; третьи полагают, что привязанность к месту связана с его оценкой, а идентификация определяется тем, как место формирует идентичность. Г. Роуз отмечает, что, хотя чувство места у человека может быть чрезвычайно персональным, оно в большой степени формируется на основе социальных, культурных и экономических условий, в которых он находится: у мест нет значений помимо тех, которыми их наделяет человек (Rose, 1995). Она выделяет три подхода к пониманию природы чувства места у человека. Во-первых, чувство места как естественное, связанное с территориальным инстинктом или инстинктом выживания (иногда используется термин «укорененность», *rootedness*, как неотрефлексированное знание, связанное с долговременным проживанием в

конкретном месте). Во-вторых, как результат процесса осмысления человеком собственной жизни, культурной интерпретации окружающего мира. В-третьих, как часть политики идентичности, определения себя через оппозицию с Другим: этот аспект основан на идеализации своего места и своей группы и таит угрозу агрессивности, противопоставления и выработки негативных стереотипов относительно «других». Идея различия развивается, в частности, в описании «насыщенных» мест (*thick*; своих, где есть укорененность, связи, контекст) и «обедненных» (*thinned out*; чуждых, субъективно лишенных истории). Как пишет Д. Харви, в эпоху глобализации, высокой мобильности и «повсеместности обедненных мест» человек ответственен за самостоятельное создание своего «чувства места» (Harvey, 1996). Действительно, в эпоху съемных квартир, которые меняются раз в несколько лет и привязаны к ситуативным аттракторам — школе, работе и т.п., — перед обитателями встает задача краткосрочной адаптации к жилищу, становится необходимым умение быстро организовать комфортные условия без формирования сильной привязанности — раньше это было скорее спецификой, характерной для определенных профессий, требующих работы вахтенным методом, в полевых условиях и т.п.

Семейная история теперь редко сохраняется «в стенах родового гнезда», она передается какими-то иными способами. Распространение частых переездов и регулярного приспособления к новым местам соответствует описанной Конрадом Лоренцом еще в 1960-е годы тенденции разрыва с традицией и усиления противопоставления детей родителям: «В нормальных условиях период физиологической неофилии сменяется возрождением любви к традиционному наследию. Это происходит постепенно; как может засвидетельствовать большинство из нас, стариков, в шестьдесят лет человек гораздо выше ценит многие взгляды своего отца, чем в восемнадцать. А. Мичерлих удачно назвал это “поздним послушанием”. Система, состоящая из физиологической неофилии и позднего послушания, выполняет функцию сохранения культуры в целом, устраняя явно устаревшие, затрудняющие развитие элементы унаследованной культуры и продолжая при этом поддерживать ее существенную и необходимую структуру» (Лоренц, 1998, с. 40). Окружающее нас сейчас и поддерживаемое производителями стремление к неофилии (в области путешествий, жилищ, отношений, оргтехники и т.п.) соседствует с большой популярностью всего «винтажного», антикварного и имеющего историю.

Дом — это место притяжения обитателей и гостей. Центром дома является очаг.

«Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади “Саардамский Плотник”, часы играли гавот, и всегда

в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжелое время живительный и жаркий» (Булгаков, 2013, с. 336).

Рассматривая жизнь человека через концепцию стремлений, географ Джи-Фу Туань говорит о двух полюсах, притягивающих человека: *очаге* и *космосе* (Easthope, 2004). Очаг — это привычное, локальное, родное, надежное, доступное в ощущениях пространство. Космос — неизвестный, огромный, абстрактный, безличный, доступный только опосредованно. По мнению исследователя, они отражают двойственную природу человека — тело, стремящееся к очагу, и разум, стремящийся в космос. Очаг предлагает безопасность, Космос — приключение. «Идентичность очага» не предполагает усилий, это дар родства, соседства и материальных предметов, созданных предками. «Идентичность космоса», наоборот, требует усилий — индивида или группы, и не гарантирует результата. Это не значит, что, чем сильнее личность, тем меньше она нуждается в очаге: часть сил она обретает через исследования космоса, но для получения других сил требуется очаг. То есть, как пишет Easthope, «чем больше мы полагаемся на космос в нашем развитии, тем сильнее тянемся к очагу» (Easthope, 2004, с. 13). Если рассматривать очаг как ядро дома, то таким образом вырабатывается идея о психотерапевтической функции домашнего пространства. На протяжении повседневной жизни человек совершает «челночные» движения между полюсом Космоса и полюсом дома, и в каждый конкретный момент, в таком случае, одна из идей присутствует явно (идея дома в период стабильности, идея космоса — в период приключений), а вторая — скрыто, но они остаются связанными и дополняющими друг друга.

Исследователи подчеркивают, что места и дома обладают смыслообразующей силой. «Места конструируют дважды: большую часть строят или иным образом физически создают. Также их интерпретируют, о них рассказывают, их воспринимают, чувствуют, понимают и воображают» (Gierup, 2000, с. 46). С развитием исследований миграций конвенциональное понимание дома как стабильного и зафиксированного в пространстве сменяется вопросом о нелинейности связи между принадлежностью и положением в пространстве. Как сложный и многомерный географический концепт дом — это не только место, где мы живем, но и

идея, образ, наполненный чувствами, культурными значениями и связями между ними, и через это создающий основу для идентичности. Таким образом, можно сказать, что дом является не просто физическим укрытием для человека, а сложнейшим феноменом, вносящим свой вклад в физическое и психологическое благополучие обитателя, в его отношения и развитие идентичности. Многофункциональность дома отвечает множественности потребностей человека, скрытых за его необходимостью иметь жилье. Дом является средой развития в детстве, позже — источником сравнений и интерпретаций, предметом ностальгии и содержанием воспоминаний, это одна из наиболее фундаментальных общечеловеческих категорий опыта.

Литературный критик Л. Элсбри, анализируя мировые литературные сюжеты, выделяет пять наиболее общих, из которых первый — основание и освящение дома (Elsbree, 1982). Мы можем вспомнить, например, такие произведения, как «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса, «Таинственный остров» Ж. Верна, «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка» Д. Дефо, «Дом Мапуи» Джека Лондона, «Дом, который построил Джек» С.Я. Маршака, сказка «Три поросенка» и др.

Важность сюжета построения дома может быть обнаружена в исследованиях в рамках психологии развития и акмеологии. Близкие по смыслу задачи организации стабильной жизненной структуры, пускания корней, принятия обязательств, упорядочения жизни, рождения и воспитания детей соответствуют многим возрастным задачам в периодизациях взрослого возраста.

Я.В. Быстрова, исследуя символику дома, пишет: «Дом — один из самых консервативных объектов культуры, и поэтому его можно рассматривать как один из самых надежных хранителей традиции. Дом принимает все новое, что соответствует традиционным формам, и отвергает все, что им противоречит. Дом представляет собой ансамбль застывших, выраженных в дереве или в камне древних знаний и верований. Дом — это средоточие и пересечение различных этнических и религиозных форм, часть которых восходит к самым древним историческим эпохам» (Быстрова, 2015, с. 103). Трехчастное деление дома на жилое помещение, чердак и подвал, будучи уже почти не представлено в повседневном городском быту, имеет «...сакральный смысл, так как повторяет общее для многих традиционных цивилизаций представление о космической триаде мироздания (небо, земля и подземный мир). Разумеется, эти части дома выполняют и определенные практические функции, но вместе с тем это трехчастное деление отображает общее устройство космоса: дом рассматривается нами как микрокосм культуры, и его структурная триада является продолжением и отображением мира. Сочетание же материальных, практических и духовных, символических функций дома

вполне закономерно, так как мир также представляет собой нераздельное единство материального и духовного начала... Дом — это и жилище, и сооружение, предназначенное для религиозных целей, и произведение искусства, и магическая защита от демонических сил хаоса» (Там же, с. 103–104).

3.2. Дом как пространство удовлетворения потребностей: эмпирическое исследование

Как уже говорилось, наибольшее значение для обитателя имеют не объективные, а субъективные характеристики жилища — смыслы, степень привязанности, ассоциации, история и т.п. На основе эмпирического исследования мы можем говорить о том, что субъективное представление о доме может включать в себя не меньше четырех компонентов, которые отвечают разным потребностям человека и характеризуют разные точки зрения, с которых рассматривается домашнее пространство.

3.2.1. Процедура исследования

В данной серии исследования участвовало 66 респондентов (пять мужчин и 61 женщина); собрано и обработано посредством контент-анализа 1120 единиц, в обработке участвовали три эксперта. Респондентам была предложена короткая анкета из девяти открытых вопросов.

Анкета

1	Опишите, пожалуйста, свой дом с помощью 10 определений
2	Что обязательно должно быть в доме?
3	В чем смысл дома?
4	Как дом меняет своих обитателей?
5	На что люди ориентируются, выбирая себе новое жилье?
6	Что происходит с людьми, лишенными дома?
7	Можно ли что-то изменить в себе, меняя что-то в доме? Что именно?
7*	Как вам кажется, благодаря чему это происходит?
8	С чем бы вы могли сравнить свой дом?

В качестве категорий анализа для всех вопросов, кроме 7*, были использованы семь категорий потребностей, предложенных А. Маслоу: физиологические потребности (голод, жажда, сексуальная потребность, потребность в сне, тепле и т.п.), потребность в безопасности (в защите, стабильности, порядке, ограничениях, правилах, законе), потребности в принадлежности и любви (в социальной группе, друзьях, чувстве кор-

ней, «чувстве дома»), потребности в признании (в достижениях, стремлениях, желаниях; в репутации, престиже, уважении), потребности в познании и понимании (любопытство; потребности в новом знании, информационных стимулах, обучении), эстетические потребности (в красоте, завершенности, симметрии), потребность в самоактуализации (самовоплощени, реализации способностей и потенциалов, идентичности). Классификация А. Маслоу была выбрана по причине ее лаконичности, многослойности и в то же время универсальности, которая позволяет обсуждать широкий спектр потребностей применительно к одному предмету — дому, в отличие от других классификаций, где потребности обсуждаются преимущественно в социальном либо поведенческом контексте. В основе наших гипотез лежит предположение о том, что, отвечая на вопросы, респонденты актуализировали *субъективно значимые* для них элементы опыта, то есть характеризуются успешным удовлетворением или фрустрацией потребностей. В инструкции экспертам специально оговаривалось, что ответы могут характеризовать как реализованные, так и неудовлетворенные потребности (например, такие определения дома, как «нарядный» и «страшненький» указывают на одну категорию — эстетических потребностей).

В процессе контент-анализа три эксперта с высшим психологическим образованием независимо группировали ответы по категориям. Для оценки согласованности мнений экспертов, во-первых, для каждой пары экспертов было использовано вычисление Майлса и Хубермана (число соответствий, поделенное на сумму соответствий и несоответствий), составившее 0,47, 0,48 и 0,49; во-вторых, был произведен расчет коэффициента парной согласованности каппа для ситуации разбиения данных по неупорядоченным (номинативным) категориям, который оказался равен 0,33, 0,34 и 0,35 с уровнем значимости $p \leq 0,000$ для каждой пары. Эти показатели указывают на удовлетворительную и высоко достоверную согласованность мнений экспертов, что соответствует сложности анализируемого материала и адекватности множественной интерпретации некоторых ответов. В приведенных ниже распределениях частот категорий в ответах на вопросы и расчетах процентов учтены все экспертные мнения.

3.3. Результаты и их обсуждение

Результаты контент-анализа показаны на рис. 3.1. На гистограмме отражено распределение частот ответов каждой категории в рамках вопросов. С точки зрения сходства доминирующих показателей в ответах (поскольку именно они характеризуют основное содержание ответов на вопросы) заметны четыре паттерна: вопросы 3, 4, 6, 8 (пики по по-

требностям в безопасности и в принадлежности и любви); вопросы 1 и 2 (пик по потребности в принадлежности и любви, далее – физиологические потребности, эстетические и потребность в безопасности); вопрос 5 (преобладают физиологические потребности); вопрос 7 (доминируют познавательные и эстетические потребности). Для проверки сходства частоты встречаемости категорий потребностей, доминирующих в ответах на вопросы, был использован критерий Фишера.

Вопросы 3, 4, 6, 8. По частоте встречаемости категории *потребности в безопасности* подтверждено отсутствие различий между вопросами 3 и 6, 3 и 8, 6 и 8 (соответственно, $\phi = 0,97; 0,98; 0,93, p \leq 0,01$); для вопросов 4 и 6 не подтверждено различие (значение ϕ попадает в зону неопределенности, $\phi = 1,74$). По частоте встречаемости категории *потребности в принадлежности и любви* подтверждено отсутствие различий между вопросами 3 и 4, 3 и 6, 3 и 8, 4 и 6, 6 и 8, 4 и 8 (соответственно, $\phi = 0,23; 1,20; 0,21; 0,62; 0,66; 0,02, p \leq 0,01$).

Кроме того, анализ встречаемости слабо представленных категорий показал отсутствие различий по категории *физиологических потребностей* между вопросами 3 и 4, 3 и 8, 4 и 8 (соответственно, $\phi = 0,04; 1,250; 1,23, p \leq 0,01$); отсутствие различий по частоте встречаемости *потребности в признании* между вопросами 6 и 8 ($\phi = 0,45; p \leq 0,01$), не подтверждены различия между вопросами 3 и 6, 3 и 8 (значения попадают в зону неопределенности, $\phi = 2,16; 1,68$); по категории *познавательных потребностей* подтверждено отсутствие различий между вопросами 3 и 4, 3 и 6 ($\phi = 1,33; 0,35, p \leq 0,01$), не подтверждены различия между вопросами 4 и 6, 4 и 8 (значения попадают в зону неопределенности, $\phi = 1,80$;

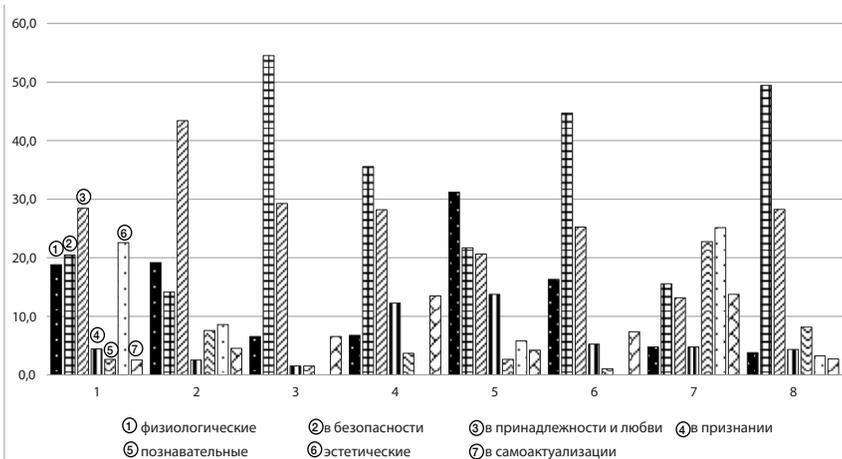

Рисунок 3.1. Распределение частот потребностей в ответах на восемь вопросов (%; 100% – все экспертные оценки ответов на отдельный вопрос)

1,66). По вопросам 3, 4, 6 отсутствуют ответы категории *эстетических потребностей*. Не подтверждены различия по категории потребности в самоактуализации между вопросами 3 и 4, 3 и 6, 3 и 8, 4 и 6, 6 и 8 (значения попадают в зону неопределенности: соответственно, $\varphi = 2,19; 2,29; 1,86; 1,88; 2,14$).

Таким образом, правомерно говорить о сходстве ответов на данные вопросы по доминирующим показателям и объединять их как характеризующих один компонент представлений о доме. Содержательно в нем акцентируются фундаментальные, универсальные свойства дома как пространства для защиты семьи, и ниже мы будем рассматривать этот компонент как *универсальный образ дома*.

Вопросы 1, 2. Подтверждено отсутствие различий между вопросами 1 и 2 по частоте встречаемости одной из ведущих категорий – *физиологических потребностей* ($\varphi = 0,13, p \leq 0,01$); различия по категории *потребности в безопасности* не подтверждены (значение попадает в зону неопределенности, $\varphi = 2,28$). Частота встречаемости категории *потребности в принадлежности и любви* различается ($\varphi = 4,18, p \leq 0,01$), однако по обоим вопросам эта категория демонстрирует наибольшие значения; нет различия в частоте встречаемости, соответственно, *потребностей в признании* и *в самоактуализации* ($\varphi = 1,41; 1,62, p \leq 0,01$). Таким образом, можно говорить о частичном сходстве распределений категорий в ответах на эти вопросы. Мы объединим их в группу, характеризующую отдельный компонент представлений о доме, включающий в себя обыденные впечатления, и ниже рассмотрим их сходства и различия в рамках *повседневного образа дома*.

Вопрос 7. Конфигурация распределения ответов на данный вопрос уникальна (частоты встречаемости доминирующих категорий – познавательных и эстетических потребностей, а также потребностей в безопасности, самоактуализации и принадлежности и любви по вопросу 7 не совпадают с частотами по другим вопросам), поэтому она будет рассматриваться ниже как характеристика отдельного компонента представлений о доме, описывающего возможности дома для самоизменения и саморазвития обитателя (*динамический образ дома*), там же будет представлен анализ ответов на вопрос 7*.

Вопрос 5. Конфигурация распределения ответов на этот вопрос также уникальна (больше нигде не встречается доминирование *физиологических потребностей*, частоты встречаемости различаются) и характеризует четвертый компонент представлений о доме, который содержит преимущественно рациональную картину желаемой домашней среды, гипотетически удовлетворяющей основные потребности; обсуждается ниже как *образ воображаемого дома*.

Таким образом, статистически подтверждается сходство конфигураций потребностей в ответах на некоторые вопросы: можно говорить о

конstellациях вопросов, объединенных схожей схемой распределения потребностей, лежащих за ответами респондентов, и о достоверных различиях между другими ответами. Мы используем данные статистики, чтобы объединить схожие по распределениям ответы на вопросы как характеризующие общий компонент субъективного представления о доме, и выделяя в отдельные компоненты конstellации распределений, отличающиеся от других. Таким образом, из ответов на восемь вопросов получаются характеристики четырех содержательно различающихся компонентов. Это согласуется с представлениями о полифункциональности феномена дома, о сложности дома как психологического конструкта и о значительных психотерапевтических возможностях дома как изменяемого пространства, потенциально отвечающего многим потребностям обитателя. Мы не можем пока утверждать, что эти компоненты иерархически организованы (как более глубинные и более поверхностные слои), не можем говорить об их равнозначности, однако можем предположить, что в разных ситуациях их удельный вес различается, и в зависимости от контекста одни компоненты становятся более субъективно значимыми, осмысленными, яркими, чем другие.

3.3.1. Универсальный (архетипический) образ дома

Тенденция к сходству отчетливо видна в ответах на вопросы 3 (В чем смысл дома?), 4 (Как дом меняет своих обитателей?), 6 (Что происходит с людьми, лишенными дома?), 8 (С чем бы вы могли сравнить свой дом?) и показывают очень близкое распределение скрытых за ответами потребностей (рис. 3.2).

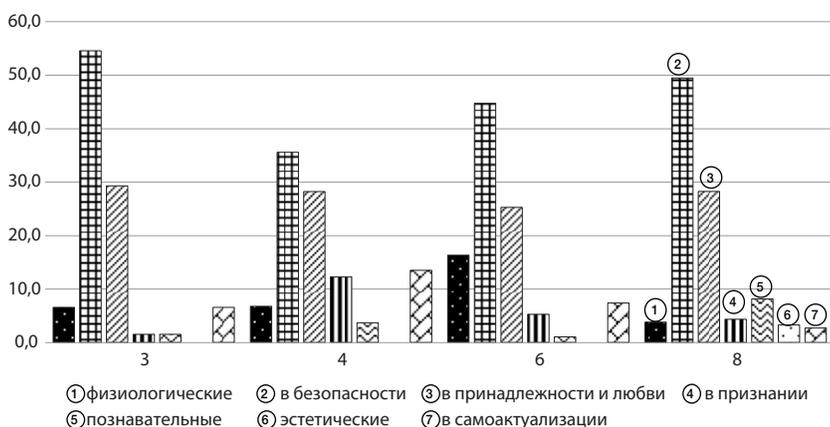

Рисунок 3.2. Распределение частот потребностей в ответах на вопросы (%; 100% – все ответы на отдельный вопрос)

На первом плане здесь оказываются свойства дома, удовлетворяющие *потребность в безопасности* — базовую потребность, которая, по всей видимости, исходно и побудила людей строить жилища и, как видно, до сих пор сохраняет свою высочайшую значимость при осмыслении опыта, связанного с домом. Безопасность — это смыслообразующая характеристика дома, в первую очередь переживание ощущения безопасности/небезопасности меняется у обитателя благодаря дому, отсутствие безопасности — базовая уязвимость для бездомных людей. При отсутствии диких зверей необходимость в безопасности жилища может показаться архаичной и избыточной, устаревшей, однако это не так — современные городские жители испытывают огромную потребность в безопасности, которую стремятся утолить дома: «Мой дом — моя крепость. Именно дома человек может расслабиться после выматывающего трудового дня и отдохнуть после взаимодействия с обществом»; «Смысл дома — дарить тепло, уют, защищать, давать возможность отдохнуть и уединиться».

Отвечая на вопрос о смысле дома, респонденты приводят такие формулировки: «Дом — это тихая гавань, где можно спрятаться от бешеного социума»; «Чтобы в него хотелось возвращаться, чтобы там можно было отдохнуть, чувствовать себя защищенным, чтобы это был личный микромир, где хорошо»; «Чтобы возвращаться в него и чувствовать себя защищенно и спокойно»; «Это безопасное место, где можно восстановиться и побыть самой с собой» и т.п. Отвечая, как дом меняет своих обитателей, сообщают, что «Он их защищает», «Он наполняет их энергией. Он успокаивает. Он вселяет уверенность в себе, он защищает. Он помогает отдохнуть», «Снижает тонус, напряжение, агрессию или тревожность, поисковую активность», «Успокаивает и уравнивает» — то есть описывают психологическую сторону пребывания в безопасной среде: расслабление, успокоение, снижение напряжения.

Респонденты сравнивают дом с «маленьким островком спокойствия посреди бушующего океана, где живут самые близкие люди, и куда почти никого не пускают — только избранных», «своей территорией, гротом, гнездышком, крепостью, замком», «тихой гаванью, местом, куда возвращаешься с радостью», «гнездом, спрятанным в густой кроне дерева».

Вторая наиболее актуальная в этой группе *потребность* — *в принадлежности и любви*, то есть привязанности, близкие отношения, семья, отнесение себя к референтной группе. Дом становится домом благодаря его обитателям, и потеря дома сильно ударяет по отношениям человека, по его чувству принадлежности, по получаемой социальной поддержке и уверенности в себе. Ответы респондентов, отражающие потребность в принадлежности и любви, характеризуют самоощущение человека, его близких и значимые отношения, влияние дома на межличностные отношения: «Смысл дома — быть собственным местом семьи, в котором хорошо всем ее членам»; «В том, что у тебя есть свое место, где тебе спо-

койно, хорошо, ты можешь обрести душевное равновесие и ты окружен любовью»; «греть своих питомцев». Влияние дома на обитателей (вопрос 4) также проявляется в отношениях между ними: «Домашнее пространство очень сильно влияет на людей, которые в нем живут. Самый простой пример — это общение в семье, если в доме нет места, которое предназначено для всех, то не может быть и ситуаций, когда все с комфортом общаются друг с другом»; «Люди, живущие в одном доме, подстраиваются друг под друга, даже неосознанно. Начинают мыслить одинаково».

Дом для большей части людей является неотрефлексированной данностью, однако встреча с ситуацией потери дома однозначно напоминает о таящихся за ней уязвимостях и о ценности собственного жилища. Ответы респондентов говорят о том, что дом олицетворяет для владельца не только физическую безопасность, но и поддерживает его личностную целостность, способность к долговременному планированию, прогнозированию и построению целей, обеспечивает ему устойчивость социальных связей и привязанности к месту: «Они становятся одинокими, одичальными. Постоянно приходится рассчитывать только на себя»; «Они теряют чувство ответственности, сопричастности, родства. Живут сегодняшним днем, не строят планов»; «Более агрессивны, менее склонны к близости и доверию»; «Кажутся неприкаянными, нервными, одинокими»; «Наверное, они чувствуют себя незащищенными и одинокими»; «Не имеют того, над чем имеют власть»; «Они нервничают. У них нет опоры под ногами, наверное. У них нет места, которое они не могут оставить ни при каких обстоятельствах».

Такие представления согласуются с эмпирическими исследованиями людей, потерявших дом. Е.А. Коваленко для описания процессов, следующих за утратой жилища, вводит метафору «воронки бездомности» и описывает последовательную утрату возможностей как сужение воронки — каждый следующий этап повышает риск человека остаться в статусе бездомного навсегда. Процесс начинается с потери права на жилье, за которой следует потеря регистрации (или регистрация в другом городе), влекущая за собой потерю постоянной работы и трудности с последующим устройством на работу, риск невозможности снимать жилье. За потерей регистрации и работы следует ухудшение здоровья и недоступность медицинской помощи. Жизнь на улице часто приводит к утрате паспорта, приводящая к утрате возможности получения любых государственных услуг. Длительное ухудшение условий жизни, по результатам исследований, тесно связано со снижением у многих людей уровня социальных потребностей, притязаний и активности, в результате чего формируется установка на выживание — «жить сегодняшним днем». Человек перестает стараться преодолеть бедность и бездомность, его шансы на восстановление регистрации и стабильной жизни становятся еще меньше, а возможности поддерживать длительные отношения с другими людьми практически исчезают. Потеря паспорта окончательно

лишает человека возможности на стабильную работу, а поиски заработка осложнены отсутствием возможностей поддерживать внешний вид, хранить одежду; остаются только низкооплачиваемые нестабильные подработки с оплатой в тот же день, которые не дают возможности скопить денег на съемное жилье. Отсутствие возможности соблюдения личной гигиены делает для бездомных практически невозможным общение с другими людьми и способствует развитию болезней и инфекций, окончательно закручивая «воронку бездомности» и лишая людей шансов на возвращение к стабильной жизни.

Подобные результаты показывают, в чем состоит безопасность, связанная с наличием дома в современных условиях, и чем чревата потеря права на жилье. Наличие стабильного жилья обеспечивает устойчивость социальных связей, возможность долговременного планирования и стабильной работы, а также социальную защищенность, возможность использования медицинских услуг и др. Это другая форма безопасности, чем защищенность от холода и диких животных, однако она не менее важна, и потребность в ней мотивирует людей на поддержание и приобретение жилищ.

Отдельно рассмотрим тему сравнений дома (вопрос 8). Задача подобрать сравнение или метафору оказалась непростой, и решили ее респонденты весьма своеобразно. В целом, скорее не решили. Большая часть ответов так или иначе дублирует идею жилища, дом ассоциируется в первую очередь с разными формами вместилища, жилищами животных или людей, а также с идеей безопасности и защищенности: дом сравнивается «с гнездом или хоббичей норой»; «с гнездом, спрятанным в густой кроне дерева»; «норкой»; «пещерой, норой»; «раковиной» и т.п. Вторая ведущая тема — это снова близкие отношения: ассоциируется «с мамой»; «с деревом. Он разветвленный, но в то же время у него есть единый корень, это мы, это кухня, где мы собираемся все вместе», «уютная изба-читальня плюс домашнее кафе, островок для встреч и отдыха». Если обращаться к когнитивной теории метафоры, то, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, концепт вместилища является одним из основополагающих в человеческом мышлении; через него объясняется множество различных элементов опыта и собственный жизненный путь в целом. В то же время дом является одной из ключевых форм вместилища в человеческой жизни, поэтому для дома очень сложно подобрать или найти метафоры (наиболее распространенная и многократно встречаемая в ответах респондентов — «мой дом — моя крепость»). Скорее напротив, дом с его элементами часто сам служит источником метафоры для объяснения самых разных явлений, например в научном мышлении (в геологии используются понятия кровли, террасы, фундамента, карниза, цирка, купола, ступеней и т.п.). Таким образом, в основной массе ответы на этот вопрос моделируют фундаментальные свойства дома — безопасность и поддержание семьи. Можно сказать, что дом в общем виде тяготеет к

тому, чтобы быть сказуемым, но не подлежащим. «Нора – дом», «автобус – не дом» – легко достижимые конструкции; определение «дом – это...» – вызывает сложности. Можно сводить другие понятия к понятию дома, но оно само лежит в слишком глубоких пластах опыта, чтобы его легко можно было свести к чему-то еще.

Можно предположить, что «универсальный» слой представлений о доме в общем виде сводится к двум смыслообразующим аспектам жилища: «безопасность» (защита, границы) и «семья», этот слой связан с архетипическим, существующим в коллективном бессознательном домом, который является во снах, в мечтах и некоторых произведениях искусства. Этот образ может служить психотерапевтическим ресурсом в условиях отъезда и тоски по дому (учеба в чужом городе, служба в армии, работа вахтовым методом и т.п.), когда идеи безопасности и объединения семьи позволяют хотя бы отчасти компенсировать переживаемые в настоящем небезопасность и одиночество.

3.3.2. Повседневный образ дома

Данный компонент субъективных представлений о доме объединяет ответы на вопросы 1 (Опишите, пожалуйста, свой дом с помощью 10 определений) и 2 (Что обязательно должно быть в доме?) (рис. 3.3). На первом месте в ответах – характеристики дома, демонстрирующие потребность в принадлежности и любви, следом в списке определений дома идут те, что подчеркивают эстетические потребности (частота которых низка в вопросе 2), а затем высокие значения демонстрируют по обоим вопросам ответы, акцентирующие физиологические потребности и потребность в безопасности.

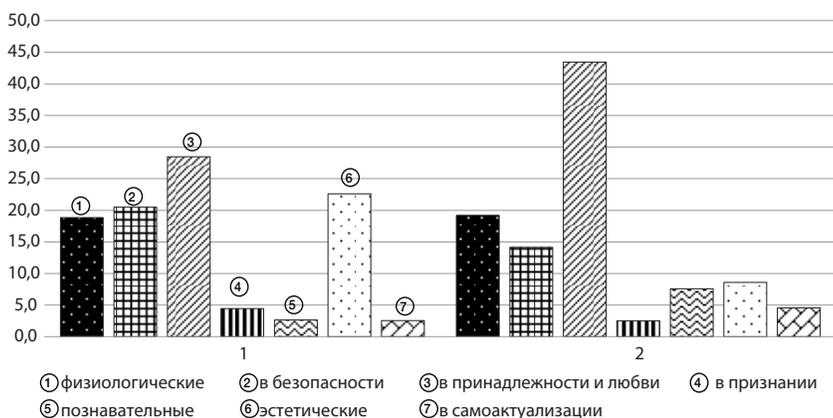

Рисунок 3.3. Распределение частот потребностей в ответах на каждый вопрос (%; 100% – все экспертные оценки ответов на отдельный вопрос)

В содержании этого компонента по сравнению с предыдущим можно предположить большую обыденность, «заземленность» и привязанность к повседневному опыту. Потребность в принадлежности и любви актуальна более всего. Респонденты описывают свой дом как *гостеприимный* (15 упоминаний), *добрый, ждущий, с любимыми людьми, родной* и т.п. Перечисляя, что обязательно должно быть в доме, респонденты в первую очередь называют *близких людей, детей, счастливую семью, домашних животных* и т.п.

«Муми-папа и Муми-мама принимали всех незнакомцев с невозмутимым спокойствием — лишь ставили новые кровати да расширяли обеденный стол. Так вот и выходило, что в доме всегда было полно народу и каждый занимался чем хотел, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Ну и, разумеется, время от времени в доме случались потрясающие, прямо-таки ужасные вещи, но зато уж на скуку никто пожаловаться не мог» (Т. Янссон. «Шляпа волшебника»).

Физиологические потребности и потребность в безопасности также обладают здесь высокой значимостью: речь идет об удовлетворении базовых потребностей, комфорте, а также персональном понимании уюта, домашней атмосферы, личного пространства и границ. В доме обязательно должны быть *«еда и кровать», «горячая вода, еда, свет, тепло, окна, стол, стул, место для сна, коврик»* и пр. Что касается определений дома, то в них встречается много сложных характеристик, которые сочетают в себе отражение нескольких категорий потребностей — чаще всего демонстрация физиологических потребностей сочетается с оценкой их удовлетворения через эстетические предпочтения (*маленький, низкий, полон воздуха, с приятным запахом*) либо с их связанностью с отношениями обитателей (*«дома вкусная еда»*; определение *чистый* встречается 17 раз, *теплый* — 44 раза, *уютный* — 52 раза).

Понятие уюта вообще непростое — в нем есть составляющие эмоциональной удовлетворенности, в том числе отношениями, физического комфорта, эстетического удовольствия. Это тот собирательный образ, который характеризует, возможно, квинтэссенцию дома в его прикладном значении — в его повседневном образе. Да, дом должен обеспечивать безопасность и быть надежным, но настоящий дом — это уютный дом. 52 из 66 (0,78%) респондентов характеризуют свое жилье таким образом.

Если в вопросе 2 речь идет о «кристаллизованных» необходимостях, и они практически однозначны, то в вопросе 1 они опосредованы социальным контекстом, персональными предпочтениями, потребностью в безопасности — то есть сплетаются в более сложные конфигурации, чем чисто физиологическая потребность в пище или во сне. Особенно хорошо это видно на показателях эстетических потребностей на гистограмме (рис. 3.3): мало кто воспринимает красоту как нечто теоретически необходимое (вопрос 2), однако в фактическом проживании опыта (вопрос 1;

определение *красивый* встречается 13 раз) эстетические критерии имеют огромное значение, оказываясь на втором месте после близких отношений и влияя на удовлетворенность других потребностей.

Потребность в безопасности представлена в ответах на эти вопросы прямолинейно: дом *безопасный* (11 упоминаний), *надежный* (11), *спокойный* (10), *дающий защиту* (9); также присутствуют характеристики *незащищенный, непостоянный, тревожный*.

Таким образом, «повседневный» образ дома включает в себя ценность и реальность отношений, которые во многом вкупе с эстетическими представлениями обуславливают воспринимаемую степень удовлетворенности физиологических потребностей и потребности в безопасности, важность которых очень велика, но они не самодостаточны. По всей видимости, именно на этом слое актуальны такие не имеющие точной дефиниции конструкты, как «атмосфера» и «уют». Они объединяют межличностные отношения, персональные предпочтения обитателей и возможность удовлетворения базовых сочетаний, которые обеспечивают или не обеспечивают желание находиться в доме и возвращаться туда снова. Этот образ дома в своем позитивном воплощении может работать как противоядие, антидот к токсическому влиянию другой, недружелюбной повседневной среды – нелюбимой работе, негативной социальной ситуации, политическому кризису.

3.2.3. Динамический образ дома

В ответах на вопрос о том, можно ли что-то изменить в себе, меняя что-то в доме, присутствует уникальная композиция описаний, в которой (единственной среди всех) доминируют эстетические и познавательные потребности (рис. 3.4).

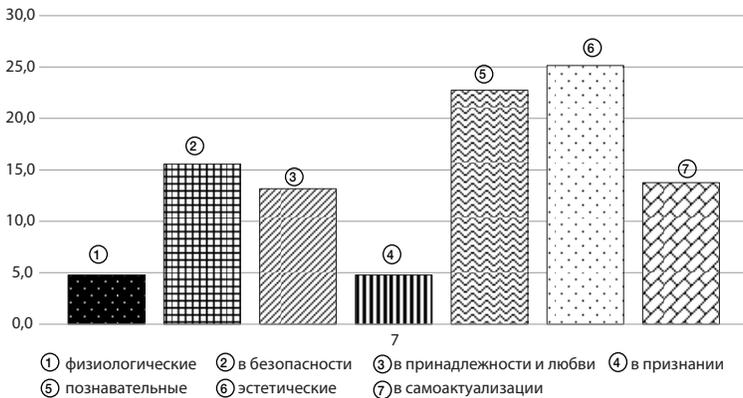

Рисунок 3.4. Распределение частот потребностей в ответах на вопрос (%; 100% – все экспертные оценки ответов на отдельный вопрос)

Речь здесь идет о том, как можно обитателю использовать дом для регуляции своего состояния, отношений и др., то есть как респонденты воспринимают и оценивают потенциал дома с точки зрения его психотерапевтических ресурсов. Постановка вопроса отличается от предыдущих – если раньше речь шла о реальных фактах или уже имеющихся убеждениях, то здесь вопрос о возможностях, о потенциальном будущем, и композиция доминирующих потребностей сильно меняется. В этом вопросе много сложных, длинных и сочетанных ответов, в которых связываются физические характеристики среды (и тем самым часто отчасти физиологические потребности) с переживанием красоты, познания, развития и самоактуализации. Например: «Можно изменить свои привычки, а это постепенно приведет и к некоторым внутренним изменениям. Вряд ли можно начать много читать, если негде сесть или прилечь с книгой, но если устроить такое место, то это будет легче сделать. А то, что чтение меняет, едва ли можно оспорить»; «Можно купить прозрачные шторы и просыпаться от лучей солнца. И радоваться каждому дню. Можно смазать скрипучие петли и перестать раздражаться». Если потребности, связанные с близкими, с безопасностью и удовлетворением физиологических потребностей, постоянно на переднем плане, то фокус саморазвития часто оказывается подавленным – в универсальном и обыденном образе дома почти не признается место ни познания, ни самоактуализации. Однако гипотетически, опираясь на разные идеи дизайна интерьеров, на интуицию и опыт, респонденты утверждают, что наиболее перспективны преобразования внутреннего пространства дома – именно для «внутреннего пространства личности», для удовлетворения потребностей в обучении, в новом знании, в красоте, в реализации своих способностей и возможностей. Упоминаемые объекты изменений – по большей части сложные конструкции, не сводимые к одной из категорий потребностей: речь идет о преобразовании настроения, состояния, привычек, отношений с прошлым, навыков: «Да. Вынести старый хлам или определенные предметы – расстаться с прошлым»; «Да. Изменяя обстановку в доме можно избавиться от тяжелых воспоминаний или просто почувствовать обновление своей жизни»; «имея кухню, больше времени проводить времени дома; получать удовольствие (слушать музыку, принимать ванну); быстрее восстанавливаться, обустроив рекреационную комнату; поощрить свое стремление к искусству (поставив мольберт)»; «Да! Например, развивая склонность к украшательству и уборке, можно развить в себе ммм... флегматичность и уравновешенность. Чувство вкуса появляется»; «Да. Изменяя обстановку в доме, можно избавиться от тяжелых воспоминаний или просто почувствовать обновление своей жизни. Очень часто, стремясь изменить свою жизнь, люди выкидывают старые вещи или делают ремонт».

Ответы на вопрос 7*, посвященный предполагаемым механизмам преобразования себя через преобразование дома («Как вам кажется, благодаря чему это происходит?»), классифицировались не в соответствии с потребностями по А. Маслоу, а группировались целиком эмпирически, по сходству. Ответы на этот вопрос отчасти описывали содержание изменений, а не объясняющий их механизм, однако удалось выделить несколько идей о том, как устроен процесс изменения себя посредством изменения дома.

• *Дом — метафора, отражение внутреннего мира человека*, поэтому преобразование одного неизбежно порождает изменение в другом, человек присваивает характеристики среды, а среда — человека. «Мы то, что мы едим, мы то, в чем живем». «Дом — метафора внутренней жизни, состояния. Через изменение физического мира меняется и состояние». «Может быть, вещи в доме символизируют наши мысли и интересы. Меняем одно — меняется другое». «Обстановка дома напрямую влияет на настроение потому, что дом может выступать как отражение души». «Дом, в котором мы живем, влияет на нас так же, как и мы на него. Мы ухаживаем и заботимся о нем, он дарит нам атмосферу покоя и уюта».

• *Дом — это хранитель и свидетель истории*, вещи могут напомнить что-то важное, избавление от старых вещей ассоциируется с началом новой жизни. «Чтобы изменить себя, нужно изменить то, что тебя окружает. На место старых вещей всегда приходят новые, неся в себе новый смысл, новые ощущения. Всегда, что бы что-то изменить, обновить, нужно избавиться от старого. Это справедливо как для простых вещей, так и для жизни человека». «Для меня наведения порядка в доме ассоциируется с наведением порядка в душе. Избавляться от ненужных вещей равносильно освобождению места для нового в жизни. Какие-то памятные вещицы, фото всегда передают дому часть твоей души, он становится теплее». «Благодаря тому, что в вещах иногда хранится память о событиях и людях». «Благодаря процессу чистки и выкидывания старого».

• *Задача дома — обеспечивать определенное настроение, состояние*. Если этого не происходит, следует что-то поменять (исходя из концепций дизайна интерьера, энергетики, фен-шуй, ауры и пр.). «Находясь в условиях, которые нам приятны, мы раскрепощаемся, мы чувствуем себя свободно, тем самым место “лечит” нас, дает нам все необходимое». «С ощущением себя на своем месте, с ощущением потребности заботиться и проявлять себя, с потребностью развиваться и меняться». «Чем комфортнее в доме, тем лучше в нем можно отдыхать и набираться сил. Дом для сил». «Течение энергий от цвета, мебели». «Интерьер влияет на настроение и поведение». «Человек получает полноценное восстановление утраченной за день на работе энергии». «Чувство собственного пространства успокаивает».

• *Среда предоставляет возможности*, благодаря которым человек развивается, приобретает новые навыки. «Предметы дают возможности». «Человек способен раскрываться при создании соответствующих условий». «Больше места и воздуха, чтобы думать».

• В частности, сама *необходимость ведения хозяйства стимулирует появление новых навыков*. «Благодаря выработке определенных качеств для ухода за домом». «Ежедневные упражнения воли меняют личность. Дома — легко приучить себя ежедневно делать что-то и радоваться мелким результатам. Все наглядно».

• Кроме того, *повседневная работа (по дому) сама по себе оказывает воздействие на личность*: «Благодаря ежедневному труду»; «Физические действия дают свободу, отключая ум»; «Благодаря физическому и моральному труду, вложенному в изменение дома».

• Наконец, *изменения могут быть связаны не с домом, а с гибкой природой человека*: «Благодаря потенциалу, который внутри человека»; «Благодаря тому, что человек приспосабливается к среде, в которой живет, то есть он перестраивается под то или иное изменение в доме».

В целом можно говорить о том, что домашнее пространство действительно может предоставлять много возможностей для саморазвития, саморегуляции, в меньшей степени — регуляции отношений. Динамический образ дома, как преобразуемое пространство, оказывающее влияние на психологическое состояние обитателя, включает в себя возможности для расслабления и успокоения, сосредоточения и упорядочения, сохранения или прерывания контакта с семейной и персональной историей, расширения репертуара привычных видов деятельности, приобретения новых навыков, реализации скрытых возможностей. Такой образ дома может служить важнейшим источником психологической помощи, «стихийной психотерапии» как при личностных кризисах и серьезных изменениях — позволяя изменить обстановку, отдалиться от прошлого, дать пространство новому, так и при внешних кризисах — давая ощущение опоры, стабильности, неизменности в меняющемся мире.

3.2.4. Образ воображаемого (желаемого) дома

Еще одна уникальная конфигурация распределения потребностей возникает в ответах на вопрос о покупаемом жилье (вопрос 5 — На что люди ориентируются, выбирая себе новое жилье?). Появляется еще один ракурс рассмотрения дома, где на первый план выходят физиологические потребности, а все остальные проявляются значительно слабее, причем на последних местах — потребности в познании и в самоактуализации (рис. 3.5).

Рисунок 3.5. Распределение частот потребностей в ответах на вопрос (%; 100% – все экспертные оценки ответов на отдельный вопрос)

Похоже, что это сочетание ценностно противоположно предыдущему, «динамическому» образу дома: если там речь шла о богатых возможностях уже имеющегося дома для развития личности обитателя, то здесь характеризуются критерии выбора нового жилья, в которых развитие личности не имеет никакого значения. Такое рассогласование может указывать на не-эгоистические установки субъекта – в жилище должно быть физически комфортно, оно должно быть безопасно и способствовать поддержанию близких отношений в первую очередь, а самоактуализация может происходить в любых условиях, поскольку человек адаптивен. С другой стороны, за таким рассогласованием может скрываться потенциальное разочарование, когда человек выясняет, что приобрел жилье, подходящее его близким, но не ему.

В этой группе наибольший удельный вес получают объективные характеристики жилья – цена, транспортная доступность, планировка, ответы звучат как описания в рекламе недвижимости – «Месторасположение, удобство расположения комнат, уровень комфорта, цена»; «На удобства и условия проживания»; «На удобства, красоту, престиж». Эти показатели можно выбирать, но почти нельзя регулировать, и они зачастую фигурируют в сочетании с персональными предпочтениями, в которых наиболее универсальным конструктом является «комфорт» (используется 15 раз в ответах на этот вопрос, во всех остальных вопросах вместе взятых встречается девять раз). «На свое самоощущение в нем. Люди смотрят, комфортно или нет находиться в доме, удобная ли планировка (в том случае, если это позволяет доход)»; «На размер, на место, где это жилье расположено, на атмосферу. Должно быть вокруг красиво, уютно, зелено. Внутри красиво и уютно можно сделать и позже». «Про

людей не знаю. Я ориентируюсь на комфорт и окружение. Поближе к природе, дальше от дорог и соседей». Полнос комфортa и персональных предпочтений может проявляться очень ярко («Внутреннее ощущение «мое / не мое»; энергетика дома и квартиры; в чем владении раньше был дом»; «На свои интересы. Кому-то важен размер, кому-то — местоположение, кому-то — количество комнат или цена»; «На функции необходимого для них дома: кто-то дома только ночует, кто-то устраивает приемы, кто-то спасается, а кто-то отдыхает»), однако ценностные содержания указываются редко. Преимущественно речь идет об образе жизни и «физике» актуальных потребностей: «Наверное, самое главное, чтобы новый дом подходил жизненной ситуации каждой семьи и в идеале каждого человека в семье. Выбирая дом, всегда приходится ранжировать задачи и приоритеты. Вряд ли можно удачно купить жилье, не задумавшись о том, что важнее: быть близко от родителей, иметь рядом хорошую школу или быстро добираться до работы».

Таким образом, в описании воображаемого дома преобладают прагматичность и свобода от эмоций — в отличие от вышеописанных компонентов, где ответы, напротив, очень эмоционально насыщены — здесь речь идет о рассудочном проецировании образа жизни на физические параметры: доступность или наличие чего-либо, с учетом предпочтений и представлений о комфорте, однако без указаний или развернутых описаний каких-то долговременных личностных перспектив. Приобретаемый дом — это еще не обжитой дом, а преимущественно семейный и организационный проект, финансовое вложение. Интегрировать туда ценности — задача другого этапа. Однако размышления о будущем, другом доме могут стать инструментом самопомощи, поддержания надежды при переживании острых фрустраций в настоящем моменте, связанных с нарушениями личного пространства, перенаселенностью жилища, неудобными и плохими физическими условиями проживания и связанным с ними низким качеством общения и отношений между обитателями.

Выводы

Итак, субъективные представления о доме являются сложным, составным феноменом, включающим по меньшей мере четыре сосуществующих компонента, которые отчетливо различаются по доминирующим потребностям и, предположительно, могут служить ресурсами повышения субъективного благополучия человека в разных ситуациях.

Универсальный (архетипический) образ дома составляют основополагающие, ядерные идеи дома — пространства для безопасности и поддержания семьи. Универсальный образ обобщен и над-опытен, он присутствует у всех людей независимо от биографии, восходя к общему

для всех живых существ «чувству гнезда». Он может быть универсальным психотерапевтическим ресурсом, особенно эффективным в ситуациях оторванности от дома или его отсутствия вообще.

Повседневный образ дома акцентирует в первую очередь близкие отношения, которые вкупе с персональными предпочтениями задают оценку удовлетворенности физиологических потребностей и потребности в безопасности, позволяя возникнуть такому феномену, как «уют». Неосознаваемая связь между качеством отношений и субъективно переживаемым благополучием на территории дома («уютом») может приводить к конфликтам из-за личной территории, побегам из дома, частым переездам, тяге к перемене мест, в то время как осознание таких связей открывает перспективу для системных изменений в семье обитателей и повышению качества жизни. Дом как источник ощущений эмоционального тепла и безопасности может служить защитой от других, негативных средовых влияний.

Динамический образ дома включает представления о возможностях самоизменения через преобразование домашнего пространства — регуляции эмоционального и когнитивного состояния, изменения контакта с семейной и персональной историей, расширения репертуара привычных видов деятельности, приобретения навыков и реализации возможностей. Наличие и изменение деталей персонального пространства обеспечивает достаточно широкий спектр возможностей развития и изменения; динамический образ — это реальный пластичный ресурс самоподдержки человека, который, впрочем, может осознаваться и использоваться в различной мере. Этот образ дома может использоваться человеком как в ситуациях личностных изменений, давая возможность преобразования домашней территории и смены старого на новое, так и в ситуациях необходимости поддержания стабильности в условиях внешних кризисов, позволяя воспринимать дом как место, приносящее спокойствие и безопасность.

Образ воображаемого (идеального) дома представляет собой прагматическое представление о наиболее комфортной среде для реализации определенного образа жизни. Оно акцентирует те стабильные потребности человека, которые недостаточно удовлетворены или не насыщаемы, но осознаются как наиболее значимые, задающие рамки остальных функций и характеристик дома. Образ воображаемого дома может использоваться для самоподдержки в ситуации каждодневной фрустрации базовых потребностей; кроме того, он позволяет человеку отчетливее представлять своеобразие собственного образа жизни и необходимые для него условия.

Заключая, можно заметить, что каждый человек имеет прижизненный или до-индивидуальный опыт, связанный с нахождением дома, с «чувством гнезда», и потому мы можем рассматривать домашнюю среду

и даже образ дома как универсальный психологический ресурс, подходящий каждому человеку. В то же время мы предполагаем, что конституция потребностей, лежащих за необходимостью иметь дом, вариативна и непостоянна, и что в зависимости от ситуации актуализируются разные сочетания потребностей — то есть на первый план выходит какой-то один из компонентов, составляющих субъективное представление о доме.

Многогранность образа дома, его полифункциональная представленность в персональном опыте делают чрезвычайно интересным и перспективным дальнейшее исследование психотерапевтических возможностей домашнего пространства. Представляется важным изучить взаимное соотношение описанных компонентов представлений о доме — возможно, соотношение интенсивности, яркости этих компонентов меняется в онтогенезе, зависит от биографических событий и особенностей индивидуальности, поскольку за ними стоят разного рода ресурсы — универсальные, ситуативные, компенсаторные, которые позволяют человеку справляться с различными нарушениями укорененности. Возможно, эти компоненты представляют собой слои, имеющие иерархическую организацию.

Однако прежде мы представим исследование вариантов использования дома как психологического ресурса, контекстуально заданных полом, возрастом, социальной средой человека, наконец, самим качеством жилища, стремясь показать, к каким именно характеристикам дома чувствителен человек на разных стадиях жизненного пути и в разных ситуациях и какие качества и состояния личности изменяются под воздействием этих средовых характеристик. Итак, наш путь — изучение дома как предиктора и качеств личности как эффектов взаимодействия с ним.

ГЛАВА 4. МОДЕЛИ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ¹

Да, не в том чудо, что дом укрывает нас и греет, что эти стены – наши. Чудо в том, что незаметно он передает нам запасы нежности – и она образует в сердце, в самой его глубине, неведомые пласты, где, точно воды родника, рождаются грезы...

Антуан де Сент-Экзюпери. «Планета людей»

В двух фразах великий писатель изобразил, пожалуй, самое важное, что дает нам взаимодействие с собственным домом, – это образ родного гнезда, который, говоря словами другого великого писателя, Э. Хемингуэя, «всегда с тобой», который в самый нужный момент оказывается «под рукой» или всплывает в памяти, если мы далеко от дома, и помогает переживать самые ответственные периоды жизни. Действительно, жилище может дать своему хозяину гораздо больше, чем просто кров над головой. Дом заряжает и подпитывает нас, когда мы устаем; он защищает не только от непогоды и чужих глаз, но и помогает справиться с негативными переживаниями и стрессом, накопившимися в течение дня; он способен укрепить нашу уверенность в себе, просто потому что устроен так, как хотим мы. Иногда даже мимолетная мысль о доме способна стать мощным ресурсом в сложных ситуациях. Но не всякая домашняя среда отвечает потребностям своих обитателей и поддерживает позитивное функционирование в каждодневной жизни; дом может подходить человеку, а может – не подходить, ставя под угрозу психологическое благополучие обитателей. Кроме того, нередко бывает и так, что человек

¹ Материалы главы частично были представлены в кандидатской диссертации Н.С. Дмитриевой «Домашняя среда как ресурс психологического благополучия и аутентичности подростков» (2015).

в повседневной рутине уже не замечает, что какие-то из его желаний и потребностей постоянно игнорируются (или находятся под запретом) в домашнем пространстве, что, конечно, может приводить к различным негативным последствиям. Например, специалисты детских домов отмечают, что выпускники испытывают трудности при попытке наладить самостоятельный быт за пределами учреждения — даже в случае, когда им достается отдельное жилье, ребята стремятся жить группами, как бы воссоздавая жизнь в интернате. По всей видимости, многолетняя привычка жить по установленному расписанию и использовать домашнюю среду в соответствии с определенным регламентом может приводить к своего рода редукции потребности или неумению «обживать» свой угол, руководствуясь именно собственным представлениям об удобстве, уюте, границах и величине личного пространства и т.д.

Очевидно, что подробное изучение дома человека даст возможность использования этой жизненной среды на новом уровне — не просто как стихийного источника позитивной (или негативной) энергии для индивида, но как систематического, чувствительного, экосоциального инструмента поддержания и повышения уровня позитивного функционирования человека.

4.1. Дружественный дом глазами подростков – иллюстративное исследование

Так как же определить, подходит ли человеку его дом и какими характеристиками он должен обладать, чтобы быть тем самым инструментом? С нашей точки зрения, концепция дружественности среды наиболее полноценно отвечает на этот вопрос. Наиболее подходящий человеку дом обладает высоким уровнем дружественности, которая, в свою очередь, определяется мерой соответствия (*congruity*) объективных возможностей жизненного пространства потребностям человека (Coolen, 2011). Л. Хорелли определяет дружественность среды — один из ключевых терминов нашей работы — как сложное многомерное и многоуровневое понятие, относящееся к таким средам или условиям, которые обеспечивают поддержку индивиду или группе в реализации своих целей и проектов, потенциально способствующих субъективному благополучию на обоих уровнях — индивидуально-средового соответствия (*person-environment congruity*) и соответствия среды группе (*collective-environment congruity*) (Дмитриева, 2013; Norelli, 2006).

Говоря о дружественной домашней среде, мы выделили несколько ее уровней. Напомним, что среда может быть угрожающей (базовые потребности человека не удовлетворены), безопасной (выполняет поддерживающую функцию, но не обеспечивает развитие, «движения вперед»

человека) и дружественной (обеспечивает все ресурсы для гармоничного развития). Вариацией последней может служить психотерапевтическая среда, основная задача которой – функции восстановления и реабилитации (Дмитриева, 2013; Нартова-Бочавер, 2012).

При этом очевидно, что невозможно создать универсальную домашнюю среду, которая была бы «идеальной» для всех, ведь для каждой характеристики дома наполнены субъективным смыслом. Ярким примером служат ответы учеников школы-интерната для одаренных детей, которые мы получили в ходе подготовки нашего исследования домашней среды подростков. Мы просили респондентов дать описания трем из четырех типов домашней среды, указанных выше. Так, например, среди характеристик угрожающего жилища были такие:

- «неприятный цвет, мало места, много людей, агрессивные цвета (красный), желтый свет; желание как можно меньше находиться»;
- «темный, мокрый, большой, высокие потолки, винтовые лестницы, массивный, мощный, необхватный»;
- «тусклость, серость, сырость, старые вещи; нужно все ремонтировать, можно только ночевать».

Дружественная домашняя среда также была очень вариативна:

- «большой деревянный дом, лес, поддерживающее в тонусе место, много вещей для развлечения, возможность пригласить много гостей, своя комната; можно делать все»;
- «очень много света и пространства, много интересных вещей (излишеств), мольберт, предметы для творчества, техника, функциональность, качественные и креативные вещи, много окон; можно делать все, что хочешь»;
- «как музей в Дании, незнакомые и неизведанные вещи как стимул узнавать новое и исследовать, полезные и приятные вещи; есть место, где удобно читать».

Понятие дружественности дома несет в себе глубокий интимный смысл и уникально в каждом конкретном случае, при этом сами конструкты, по которым оценивается домашняя среда, могут быть одними и теми же. Так, в приведенных выше примерах мы видим, как наличие большого пространства в одном случае характеризует угрожающее жилище, а в другом – является признаком дружественного дома.

Поэтому перед нами и встала задача – создать такой инструмент диагностики дружественности домашней среды, который, с одной стороны, был бы универсальным в использовании, а с другой стороны, отражал бы личностную оценку своего дома обитателем. Создание авторских методов мы подробно описали в главе 2 и других наших работах (Нартова-Бочавер и др., 2015), а сейчас хотели бы обратиться к обсуждению специфики дружественности дома в подростковом возрасте.

4.2. Домашняя среда как ресурс позитивного функционирования подростков

Домашняя среда представляется особо важным ресурсом поддержки развивающейся личности подростка. Дом — это не только пространство повседневной жизни подростка и один из источников внешних воздействий, но и его «микрокосм», модель взаимоотношений с окружающим миром. В переходном возрасте происходит осознание своей индивидуальности, развиваются рефлексия и самосознание (Выготский, 1984; Шпрангер, 1931), закладывается представление о себе как о взрослом (Эльконин, 1995), при этом все процессы сопровождаются амбивалентностью чувств и стремлений (Обухова, 1996), а также повышенной чувствительностью психики к внешним воздействиям (Авдулова, 2011). Хрупкое состояние позитивного функционирования подростка как будто всегда находится «под угрозой», поэтому так важно давать ему постоянную поддержку извне, и в этом смысле трудно придумать источник лучше, чем родной дом, при условии его дружелюбности.

Мы постарались узнать, какова реальная домашняя среда подростков с их точки зрения, о каком жилище они мечтают и какими характеристиками должен обладать дружелюбный дом, чтобы позитивно влиять на их психологическое благополучие и аутентичность. Будут ли различаться домашняя среда и представления подростков о дружелюбности дома в различных социально-экономических контекстах? А как выглядит домашняя среда девочек и мальчиков, каким образом дом поддерживает тех и других?

4.2.1. Процедура исследования

Для решения поставленных вопросов была выделена группа из 124 респондентов-подростков, имеющих различный социально-экономический контекст развития ($M_{\text{возраст}} = 14,6$ года, $M_{e_{\text{возраст}}} = 15,2$, $SD_{\text{возраст}} = 1,1$). Среди них: 34 ученика гимназии, 31 ученик общеобразовательной школы, 30 воспитанников детских домов, 29 сельских школьников; всего — 58 мальчиков, 66 девочек.

Группы подростков были уравнены по полу и возрасту, однако сильно различались по социально-экономическим условиям: формально четыре группы респондентов привязывались к образовательным организациям (городская и сельская школы, гимназия, детский дом), но по факту находились и в различных жизненных условиях (устройство жилища, достаток семьи). Так, семьи гимназистов имеют средний подушевой доход 75,3 тыс. рублей; подростки обучаются по усложненной программе, как правило, дополненной большим количеством кружков и факультативов. Ученики общеобразовательной школы обучаются по стандартной про-

грамме, доход их семей в среднем составляет 30,2 тыс. рублей на человека. Сельские дети происходят из семей со средним доходом 15,3 тыс. рублей, обучаются также по стандартной программе. Они часто привлекаются для помощи в домашнем хозяйстве, родители обычно имеют сельскохозяйственные профессии (тракторист, доярка), но в некоторых случаях семьи бывают заняты только выращиванием овощей на собственном земельном участке и уходом за домашним скотом в силу отсутствия рабочих мест. В этих семьях достаточно высок уровень алкоголизации; подростки и молодые люди стремятся уехать в город жить или хотя бы найти там работу. Воспитанники детских домов, безусловно, изначально имеют различное социальное происхождение, определение которого не всегда доступно, однако на момент участия в исследовании подростки находились в равных средовых условиях, постоянно находясь в детском доме стандартного типа проживания и внутреннего распорядка.

Мы остановились на таких исследовательских группах по нескольким причинам. Как мы уже упоминали, специалисты, работающие с воспитанниками детских домов, отмечают тенденцию у выпускников продавать или сдавать полученную жилую площадь, что, возможно, связано с неумением или нежеланием жить самостоятельно как следствиями не вполне успешной социализации. В этом разрезе крайне интересны данные Н.Н. Толстых и А.М. Прихожан о специфике психического развития детей-сирот, говорящие о несформированности внутреннего плана, незрелости внутренних механизмов опосредования, которые, в свою очередь, затрудняют переход к свободному и активному поведению. Такие дети могут хорошо приспосабливаться к жизненным условиям интернатного учреждения, но не будут проявлять самостоятельности поведения и решений, не обнаруживая стремления к личностной активности и скорее следуя архетипу, принятым шаблонам, а не своей внутренней установке (Прихожан, Толстых, 2005). Эти данные очень хорошо соотносятся с нашим предположением, что у таких детей могут быть недостаточно сформированы процессы персонализации и сигнификации жилого пространства из-за особенностей проживания в учреждении интернатного типа. Другими словами, средовые потребности могут иметь свернутый характер из-за длительной невозможности их реализовать (эффект «выученной беспомощности»). Устройство детского дома, как правило, предполагает ограниченное количество средовых возможностей, начиная от интерьерных характеристик и заканчивая труднодоступностью приватности и личного пространства. В свете вышесказанного изучение домашней среды подростков-сирот представляется особенно актуальным.

Другая не менее актуальная проблема, которая затрагивает все больше маленьких населенных пунктов (поселков, сел, деревень и т.д.), — это массовый отъезд молодежи из родного дома. В перспективе весьма скромной оплаты труда и высокого уровня безработицы, да и в целом — ограниченных возможностей в силу расположения и внутреннего устройства

таких территорий, ребята стремятся уезжать в города в поиске учебы и работы. Такая ситуация будет неизбежно сказываться на представлениях сельских подростков о своей домашней среде, уровне ее дружелюбности и на образе дома в целом.

И, наконец, нам было интересно посмотреть, каким образом устроен дом и как его воспринимают подростки из города и села — населенных единиц, различающихся по многим территориальным, экономическим, социальным критериям. Кроме того, нас интересовали и вариации среды городских подростков, получающих различное по своей структуре и наполненности образование (гимназия и общеобразовательная школа).

Таким образом, можно говорить, что подростки из четырех разных групп находятся в различных социальных жизненных условиях, что позволяет нам предположить вариативность организации домашней среды и личностного отношения к своему дому.

В качестве основной методик определения дружелюбности среды были использованы дополняющие друг друга опросники Релевантность домашней среды (РДС) и Функциональность домашней среды (ФДС). Таким образом, у нас была возможность посмотреть, насколько дружелюбным представляют свой реальный дом респонденты и какими функциями с их точки зрения должно обладать «идеальное» жилище. Мы предполагали, что высокий показатель по шкалам первой методики будет говорить о субъективно высоком уровне дружелюбности актуального жилища, тогда как высокий показатель второй методики, предъявляемой в идеальной модальности, можно интерпретировать в двух направлениях. С одной стороны, такой показатель может говорить о мере неудовлетворенности потребностей в жилой среде (то есть, респондент стремится иметь дом, который отвечал бы этим потребностям, в то время как сейчас они реализованы не вполне); с другой — может быть свидетельством ненасыщаемости этих потребностей в силу различных причин, связанных с контекстом развития.

Необходимо добавить, что мы рассматриваем поддерживающие функции домашней среды, приводящие к сохранению позитивного функционирования человека, в двух аспектах: психологического благополучия и аутентичности личности. Для определения уровня психологического благополучия была выбрана Шкала психологического благополучия (ШПБ) Варвик-Эдинбург (*The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale*, WEMWBS), автором которой является Р. Теннант с коллегами. Методика содержит 14 пунктов и отражает психологическое благополучие человека с точки зрения переживания им ощущения удовольствия и счастья в целом, оптимизма и удовлетворенности от качества социального взаимодействия и собственного функционирования (Tennant et al., 2007).

Уровень аутентичности определялся с помощью Шкалы аутентичности, включающей 12 пунктов и три субшкалы, которые отражают основные элементы аутентичности личности: Аутентичную жизнь (соответствие между восприятием своих особенностей и эмоционально-

поведенческими реакциями личности), Самоотчуждение (расхождение между когнитивным пониманием и реальным опытом) и Подверженность внешним влияниям (ориентирование на представления других и принятие влияния извне). Таким образом, благоприятен для развития личности высокий показатель по первой субшкале, а показатели по двум другим отражают меру подчиненности субъекта обстоятельствам, отдаленности от линии самоактуализации. Методика разработана британскими исследователями (Wood et al., 2008), переведена на русский язык и адаптирована на российской выборке.

4.2.2. Результаты и их обсуждение

4.2.2.1. Модель домашней среды у подростков, живущих в разных социально-экономических условиях

Первый вопрос, который нас интересовал, – различается ли конфигурация характеристик домашней среды в зависимости от жизненных условий подростков? Каким видят свое жилище и о каком доме мечтают ребята из села и города, как воспринимают домашнюю среду подростки из детского дома?

Итак, мы сравнили показатели оценки реального дома (опросник РДС) и функциональности дома в идеальных представлениях (опросник ФДС), а также проанализировали взаимосвязь параметров среды с показателями Шкалы психологического благополучия и Шкалы аутентичности в каждой из четырех групп подростков.

Таблица 4.1

**Средние показатели РДС, ФДС, ШПБ и Шкалы аутентичности
(критерий Н Крускала–Уоллиса)**

Шкала	Сельские школьники	Гимназисты	Школьники	Воспитанники детского дома
ФДС*	20,56	21,87	20,77	22,97
Прагматичность*	5,42	6,01	5,66	5,92
Развитие*	5,35	5,02	4,88	5,77
Стабильность	5,48	5,86	5,56	6,00
Защищенность*	4,31	4,99	4,67	5,28
РДС	18,11	18,86	18,30	19,79
Управляемость**	3,57	3,96	3,85	3,77
Ресурсность	3,75	3,80	3,86	4,01
Самопрезентация*	3,42	3,52	3,13	3,69
Эргономичность**	3,58	3,34	3,48	3,84
Отчужденность	2,60	2,17	2,31	2,37
Пластичность	3,06	2,97	2,79	3,22
Историчность	3,33	3,44	3,50	3,62
ШПБ	51,03	50,38	51,77	53,63
Аутентичная жизнь	19,30	19,60	19,50	19,30
Подверженность внешним влияниям	15,80	15,50	15,40	15,70
Самоотчуждение	12,80	12,50	12,50	12,60

Примечание: Сельские школьники – n = 29, гимназисты – n = 34, школьники – n = 31, воспитанники детского дома – n = 30. * – различия значимы в тенденции при $0,05 \leq p < 0,1$; ** – различия значимы при $p \leq 0,05$.

Наиболее высокие показатели РДС и ФДС наблюдаются в группе респондентов из детских домов: они в большей степени склонны оценивать свою реальную домашнюю среду как дружественную в сравнении с тремя остальными группами (табл. 4.1). Основываясь на реальном контексте жизни в учреждении такого типа и согласно мнению специалистов, работающих с сиротами, мы предполагаем, что такие результаты отражают завышенные представления о своем доме, которые, в свою очередь, могут быть связаны с низким уровнем рефлексии собственных средовых предпочтений; высокий показатель ФДС в идеальной модальности говорит о сильной депривированности потребностей и, таким образом, носит скорее компенсаторный характер.

Наиболее низкие показатели дружелюбности среды были получены в группе сельских школьников, что в целом вписывается в картину их бытия: подростки еще со школы стремятся и планируют уехать из села в город, чтобы учиться и потом работать, и, возможно, поэтому не стремятся «обживать» свой реальный дом, не рассматривают его как источник ресурсов и, в целом, жизненного благополучия (табл. 4.1). Однако, парадоксальным образом, невысокая оценка своей реальной домашней среды у сельских ребят не ведет к стремлению «оздоровить» и обогатить ресурсами свой дом хотя бы в идеальном образе. Таким образом, по всей видимости, мы не сталкиваемся в этом случае с депривацией потребностей, значимых для психологического благополучия; сельские школьники в принципе не видят свой дом источником ресурсов и поддержки.

С помощью анализа средних показателей опросников РДС и ФДС мы можем представить себе модели реального и идеального дома подростков четырех групп (рис. 4.1 и 4.2).

Рисунок 4.1.
Конфигурация качеств
реальной домашней среды
в четырех группах подростков

Так, реальный дом гимназиста в первую очередь дает возможность контролировать и предсказывать средовые сигналы, управлять ими (Управляемость), обеспечивает поддержку и стабильность (Ресурсность), потребность в персонализации (Самопрезентация), далее позволяет поддерживать связь с историей семьи и прошлым (Историчность); в меньшей степени отличается легкостью и удобством в использовании и удовлетворяет потребность в эстетичности (Эргономичность); еще менее выражена возможность переделывать, перестраивать пространство (Пластичность) и, наконец, в самой меньшей степени дом вызывает чувство отчуждения и неприятия (Отчужденность) (рис. 4.1). При этом среди желаемых характеристик идеального дома на первом месте стоит Прагматичность (удобство выполнения простых повседневных функций), далее Стабильность (как узнаваемость и предсказуемость среды) и только потом Развитие и Защищенность (рис. 4.2). Таким образом, можно заключить, что дом гимназиста обеспечивает значимые потребности в контроле и управлении средой, обладая узнаваемостью и предсказуемостью, однако подросткам этой группы не хватает большего удобства в пользовании домашними ресурсами.

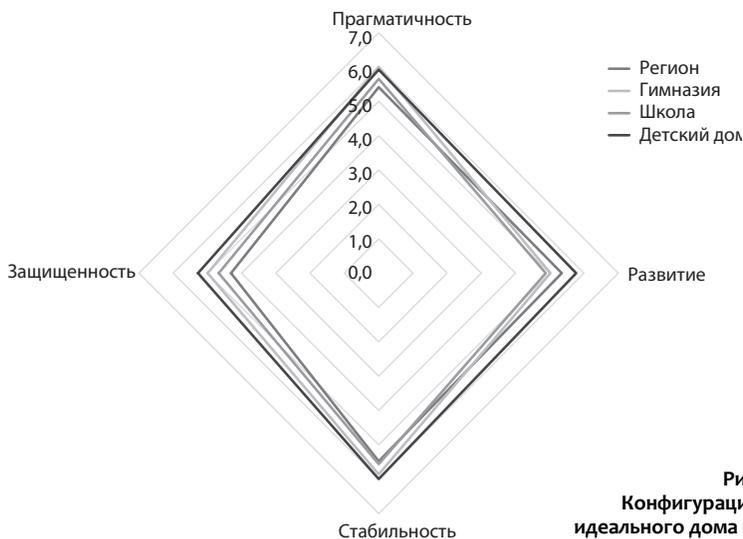

Рисунок 4.2.
Конфигурация качеств идеального дома в четырех группах подростков

Жилище подростка из общеобразовательной школы содержит в себе следующие возможности (согласно их субъективной оценке): Ресурсность, Управляемость, Историчность, Эргономичность, Самопрезентация, Пластичность, Отчужденность. У городских школьников так же, как

и у гимназистов, более всего выражены потребности в Прагматичности и, далее, в Стабильности дома. Подростки-школьники также хотят видеть свой дом более удобным и прагматичным. Как мы видим, в доме школьника возможность управления и контролирования среды выражена менее ярко, в то время как сама потребность в этом находится на том же уровне, что и у гимназистов.

Воспитанники детского дома видят свою реальную среду следующим образом: в первую очередь она отличается Ресурсностью и Эргономичностью, Управляемостью, далее дает возможность Самопрезентации, в меньшей степени обеспечивает Историчность и Пластичность, Отчужденность так же, как и в других группах, проявляется в последней очереди. Более всего проявляется желание иметь Стабильный дом и только затем – Прагматичный; потребности в развитии и экспозиции себя (Защищенности) так же, как и в других подгруппах, располагаются на последних местах. Таким образом, по мнению подростков-сирот, их дом обеспечивает поддержку и защиту, но в меньшей степени дает возможность контролировать и предсказывать средовые сигналы, что является для них значимой потребностью (Стабильность). При этом интересно, что в этой подгруппе потребность в эргономичности, удобстве пользования домашними ресурсами отражена в среде более всего в сравнении с другими выборками (Прагматичность).

В группе сельских школьников мы видим идентичную представлениям сирот картину реального и идеального дома. Так, для подростков из села жилище обеспечивает Ресурсность, Эргономичность, Управляемость, возможность Самопрезентации, Историчность, Пластичность; показатель Отчужденности домашней среды наиболее низок. Также на первом месте стоит потребность в Стабильности и затем – в Прагматичности (рис. 4,1 и 4,2).

Кроме того, при анализе данных с применением критерия Крускала–Уоллиса были обнаружены значимые различия в четырех группах по обоим опросникам.

Так, в представлениях о реальном доме были выявлены значимые различия по шкалам Самопрезентация ($H = 15,85$ при $p = 0,001$), Управляемость домашней среды ($H = 7,45$ при $p = 0,059$) и Эргономичность ($H = 7,63$ при $p = 0,054$).

Подростки из детских домов наиболее высоко по сравнению с другими группами оценивают реальное домашнее пространство с точки зрения возможности проявить в нем свои индивидуальные особенности; персонализировать его. Опять же, соотнеся эти данные с реальным контекстом их жизни, можно сделать вывод о синергетическом направлении взаимоотношений с домом: в объективно бедном ресурсами для самопрезентации жилище подростки из детского дома радуются даже маленькой возможности проявить себя в средовом плане. Например, при наличии

возможности повесить свой рисунок (фотографию, картинку и т.д.) на стену около кровати потребность в самопрезентации подростка-сироты может быть уже удовлетворена, тогда как для гимназиста этого может оказаться недостаточно. Интересно, что наиболее низкий балл по шкале Самопрезентация получили подростки из общеобразовательной школы: субъективно в их домашнем пространстве меньше всего, по сравнению с другими подростками, представлена возможность рассказать о себе с помощью своего жилища.

Наиболее высокий показатель Управляемости домашней среды обнаружили гимназисты: у них более всех остальных удовлетворена потребность контролировать свой дом, предсказать те или иные сигналы среды и, если нужно, избежать их. Самую низкую оценку возможности управления своей домашней средой дают ребята из села – в их доме потребность в контроле и управлении представлена наиболее слабо.

Подростки из детских домов также обнаружили наиболее высокий балл по шкале Эргономичности: они оценивают свой дом как удобный в использовании – для них это красивый дом, в котором все работает и для всего есть свое место. Это коррелирует с мнением психологов детского дома в Москве: интернат «живет» по строгим правилам и стандартам, разработанным профессионалами специально для того, чтобы оптимизировать все процессы. Помещения четко разбиты на зоны для различной деятельности, существуют расписание и режим дня, все поломки достаточно быстро устраняются; в учреждениях, как правило, есть вся необходимая техника, пусть не всегда современная, но исправно работающая. Примечательно, что именно гимназисты в меньшей степени оценивают свою домашнюю среду как удобную и функциональную (шкала Эргономичности) по сравнению с другими группами. Принимая во внимание развитие в условиях повышенной интеллектуальной нагрузки, можно предположить, что подростки из гимназических классов нуждаются в большем комфорте и продуманности в обустройстве среды – с одной стороны, им требуется больше удобных ресурсов для отдыха, восстановления сил, выполнения домашней работы, так как их учебный день очень энергозатратен. С другой стороны, более высокий доход семьи может быть причиной и большей избирательности, разборчивости в оценке возможностей пространства своего дома: они знают, что их дом может быть красивее, удобнее, современнее; им есть с чем сравнивать. Эти данные хорошо соотносятся с результатами регрессионного анализа в подгруппе гимназистов, который представляет эту характеристику домашней среды предиктором снижения уровня Аутентичной жизни за счет роста Самоотчуждения.

В представлениях об идеальном жилище были обнаружены значимые различия по трем шкалам: Прагматичности ($H = 10,23$, $p = 0,017$), Развитию ($H = 11,98$, $p = 0,007$), Защищенности ($H = 12,70$, $p = 0,005$) (рис. 4.2).

Так, по шкале Прагматичность гимназисты обнаруживают наивысший балл среди всех групп, что говорит о высокой значимости в идеальных представлениях иметь удобный дом, способствующий успешному выполнению повседневных функций и возможной депривации этой потребности в актуальных домашних условиях. И действительно, схожая по своему описанию шкала Эргономичности в реальном образе дома получила наиболее низкую оценку в этой группе подростков. Менее всего Прагматичность отражена в идеальном образе дома сельских школьников. Далее, воспитанники детского дома более всех остальных «мечтают» о жилище, которое бы стимулировало их развитие, предоставляя разнобразную информацию и помогая налаживать связь с внешним миром и выполняло бы защитную функцию, удовлетворяя потребность в саморепрезентации и персонализации в пространстве. Интересно, что городские школьники в самой меньшей степени по сравнению с остальными подростками желают, чтобы дом выполнял развивающую функцию. Защитная функция наименее всего выражена в воображаемой домашней среде сельских школьников.

Таким образом, можно говорить о различиях представлений о реальном и идеальном доме у подростков из разных социальных контекстов. Тем не менее в условно менее благополучных группах из детского дома и села наблюдаются схожие представления о своей реальной домашней среде и о том, что бы они хотели иметь в своем идеальном доме. Гимназисты и школьники обнаруживают большую вариативность в представленности конструктов домашней среды. Реальный дом сирот и сельских подростков в меньшей степени обладает Управляемостью, а жилище подростков из гимназии и городской обычной школы субъективно не такое эргономичное в использовании. Для гимназистов и школьников в образе идеального дома на первом месте стоит Прагматичность, отражая желание видеть свой дом более функциональным, предоставляющим разные повседневные возможности, на втором месте — желание большей Стабильности. У сельских школьников и воспитанников детского дома эти отношения инвертированы — сначала Стабильность, лишь затем — Прагматичность. На наш взгляд, это связано с тем, что потребности, удовлетворяемые домашней средой, имеют различную природу и относятся к разным уровням. Стабильность — потребность базовая, которая недостаточно удовлетворена у сирот и сельских детей; это условие существования. А желание большей прагматичности домашнего пространства представляется условием развития обитателя. Анализируя эти результаты, мы можем задуматься также и о том, что готовность и желание выйти за пределы стабильного равновесия присущи людям достаточно благополучным, а возвращение к нему, гомеостатическая модель жизни, в целом свидетельствует о разбалансировке основных жизненных векторов.

4.2.2.2. Модель дома как ресурс позитивного функционирования подростков

В предыдущем разделе мы рассмотрели, какими качествами обладает дом подростков из разных социально-экономических контекстов и каким они видят свое идеальное жилище. Следующий вопрос – какие характеристики домашней среды, как в реальном, так и в идеальном образе, обеспечивают поддержку позитивного функционирования подростков и тем самым характеризуют дружественный дом?

В Финляндии исследовательницей М. Кютте были получены интересные результаты о дружественной ребенку среде, которая определяется двумя основными факторами: количеством содержащихся в ней позитивных допущений (возможностей) и уровнем самостоятельной активности ребенка (Kytta, 2002, 2004). Во многом опираясь на данное исследование, мы решили пойти дальше, рассмотрев более подробно, какие именно позитивные допущения – возможности среды определяют уровень дружественности дома подростков, делая вклад в их позитивное функционирование.

Необходимо добавить, что мы рассматриваем поддерживающие функции домашней среды, приводящие к сохранению позитивного функционирования человека, в двух аспектах. Первый аспект – психологическое благополучие – это устойчивое свойство психики, при котором доминируют положительные аффекты (Созонтов, 2003; Фесенко, 2005; Bradburn, 1969), наблюдаются тесные взаимоотношения со значимыми другими (Рушак, Мясникова, 2014), а также высокий уровень осмысленности и осознанности жизнедеятельности (Водяха, 2013). Второй аспект – переживание аутентичности – предполагает присутствие чувства подлинности, уместности в заданных пространственно-временных обстоятельствах, искренности бытия (Бардадымов, 2012; Нартова-Бочавер, 2011).

Используя корреляционный анализ, мы обнаружили интересные связи между показателями опросников РДС и ФДС, Шкалы психологического благополучия Варвик-Эдинбург (ШПБ) и Шкалы аутентичности (табл. 4.2)

Таблица 4.2

Связь показателей дружественности среды и позитивного функционирования по всей выборке (rs)

Шкала	ШПБ	АЖ	ПВС	СО
ФДС	0,05	-0,10	0,04	0,01
П	0,06	-0,02	-0,02	-0,04
Р	0,18**	-0,07	0,08	0,03
С	-0,03	-0,05	0,00	-0,03
З	-0,06	-0,10	0,05	0,03
РДС	0,34***	0,07	0,07	-0,03
У	0,19**	-0,06	0,03	0,06
Ре	0,27**	0,00	0,09	-0,01
Са	0,17*	-0,10	0,21**	0,10

Э	0,30***	0,08	-0,03	-0,01
О	-0,22***	-0,31***	0,16	0,41***
Пл	0,32***	-0,09	0,17	0,17**
И	0,04	0,12	-0,01	-0,02

Примечание: N = 124. * – связи значимы в тенденции при $0,05 \leq p \leq 0,1$, ** – связи значимы при $p \leq 0,05$, *** – связи значимы при $p \leq 0,01$. ФДС – Функциональность домашней среды, П – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность; РДС – Релевантность домашней среды, У – Управляемость, Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, Э – Эргономичность, Пл – Пластичность, И – Историчность, ШПБ – Шкала психологического благополучия, АЖ – Аутентичная жизнь, ПВС – Подверженность внешним влияниям, СО – Самоотчуждение.

Подсчет коэффициента Ч. Спирмена по всей выборке респондентов (N = 124) выявил 12 значимых положительных связей между показателями дружелюбности домашней среды и позитивного функционирования. Было обнаружено, что параметры реального дома сильнее связаны с состоянием обитателей, чем качества идеального дома.

Результаты анализа по первому опроснику позволяют нам сделать выводы о различной степени связи психологического благополучия с теми или иными потребностями-конструктами, реализуемыми подростками в своем актуальном жилище. Так, на первом месте стоит Пластичность домашней среды: удовлетворение потребности изменять свое пространство, преобразовывать в соответствии со своей личностью в наибольшей степени значимо для поддержания психологического благополучия подростков. Далее, весомый вклад в благополучие вносит актуализация потребности иметь удобное и эстетически привлекательное жилище, в котором все работает и используется в соответствии со своим предназначением (Эргономичность). Субъективная оценка своего жилища как стабильного и поддерживающего (Ресурсность), а также дающего возможность управления, обладающего предсказуемостью средовых сигналов (Управляемость) в меньшей степени, но все же сопряжена с уровнем психологического благополучия. Можно говорить о тенденции связи потребности в персонализации своего домашнего пространства (Самопрезентация) и уровня благополучия на общей выборке подростков. Примечательно, что была обнаружена отрицательная связь между субшкалой Отчуждение и психологическим благополучием: неприятие человеком своего дома, стремление его избегать и отвергать негативно сказывается на душевном состоянии, истощает ресурсы самоподдержки и психологического восстановления. Также интересно, что для достижения психологического благополучия подросткам не обязательно ощущать связь с семьей и собственным прошлым (Историчность).

Таким образом, параметры дружелюбности домашней среды действительно сопряжены с переживанием благополучия подростками.

Убедителен тот результат, что показатели Функциональности идеального жилища практически не дают связей с показателями позитивного

функционирования. Так, важной видится только связь между благополучием и Развитием – благополучные подростки достаточно сильны и защищены, чтобы ожидать от домашней среды большей стимуляции к развитию. Верно и обратное: если подростки не готовы использовать возможности домашней среды для собственного развития, возможно, они испытывают тревожность или недоверие дому как части мира, то это знак неблагополучия, неспособности испытывать положительные эмоции и стремиться к самоактуализации.

Также среди всех подростков с помощью подсчета коэффициента Спирмена были получены данные о связи различных характеристик домашней среды с параметрами аутентичности личности, которые, впрочем, менее убедительны (табл. 4.2).

Так, переживание Отчужденности от своего дома негативно связано с уровнем Аутентичной жизни ($r_s = -0,31$ при $p \leq 0,05$) и, в свою очередь, положительно коррелирует с чувством Самоотчуждения ($r_s = 0,41$ при $p \leq 0,05$). Интересно, что высокая субъективная оценка своего реального жилища с точки зрения Самопрезентации сопряжена с увеличением Подверженности внешним влияниям подростков ($r_s = 0,21$ при $p \leq 0,05$). Однако в подростковом возрасте только начинает происходить становление собственной картины мира, и ориентировка на внешние воздействия и представления других значимых людей является нормальным этапом взросления личности; персонализуя себя в предметной среде, они, так или иначе, все равно будут искать одобрения этих проявлений среди окружающих и оглядываться на реакцию взрослых. Возможность изменения, преобразования дома (Пластичность) положительно взаимосвязана с уровнем Самоотчуждения ($r_s = 0,17$ при $p \leq 0,05$). Опять же, учитывая возраст респондентов, можно предположить, что высокая пластичность среды будет в большей степени связана с решениями живущих в ней взрослых, а не с собственными предпочтениями подростков, таким образом увеличивая расхождение между их представлениями «как должно быть» и реальным опытом. Поэтому вполне можно говорить о взаимосвязи дружелюбности среды с уровнем аутентичности личности.

Результаты регрессионного анализа также говорят о том, что ресурсы домашней среды являются предикторами психологического благополучия и аутентичности личности.

Так, предиктором психологического благополучия является возможность преобразовывать свой реальный дом, изменять его согласно своим личностным характеристикам (Пластичность) ($\beta = 0,25$ при $p \leq 0,05$). При этом чувство отчуждения, неприятия своего жилища (Отчужденность) вносит отрицательный вклад как в психологическое благополучие ($\beta = -0,2$ при $p \leq 0,05$), так и в показатель Аутентичной жизни ($\beta = -0,31$ при $p \leq 0,05$), тем самым становясь антипредиктором благополучия подростка. Также Отчужденность дома является предиктором Самоотчуждения как показателя отдаленности личности от переживания Аутентичной жизни ($\beta =$

0,42 при $p \leq 0,05$); это означает, что некомфортная домашняя среда вносит вклад в нарушение чувства собственной подлинности как личности.

Итак, дружелюбность домашней среды оказывается важным источником позитивного функционирования подростков. Для психологического благополучия важны такие качества реального дома, как Пластичность, Эргономичность, Ресурсность, Управляемость и в идеальном образе – Развитие. Наличие чувства Отчужденности собственного дома негативно сказывается на уровне благополучия. Чувство отчуждения домашней среды негативно воздействует и на переживание аутентичности подростком, повышая также уровень самоотчуждения. В целом, отдельные ресурсы среды оказываются значимыми для поддержания равновесия между восприятием себя и взаимодействием с реальным миром. В силу возрастных особенностей излишняя Пластичность среды может снижать аутентичность бытия подростка, а возможность самому преобразовывать и обживать пространство (Самопрезентация) согласно своему еще не окрепшему мировоззрению запускает механизм ориентирования на чужое мнение. Также важным оказывается то, что только идеальные представления о функциях дома в отрыве от реальной ситуации оказываются недостаточными для воздействия на психологический комфорт и позитивное функционирование подростков.

Теперь рассмотрим, каким образом дом может поддерживать подростков из разных социально-экономических контекстов развития.

В четырех группах ни психологическое благополучие, ни параметры аутентичности не обнаруживают вариативности в зависимости от социального контекста жизни подростков, однако связь этих показателей с уровнем дружелюбности имеет свою специфику в каждой группе (табл. 4.3а–4.3г).

Таблица 4.3а

**Связь показателей дружелюбности среды
и позитивного функционирования у гимназистов**

Шкала	ШПБ	АЖ	ПВС	СО
ФДС	-0,04	-0,01	0,25	-0,04
П	0,08	0,06	-0,01	-0,07
Р	0,25	0,13	0,31*	-0,13
С	-0,12	-0,03	0,24	-0,09
З	-0,27	-0,09	0,04	0,10
РДС	0,49***	0,33**	0,16	-0,15
У	0,43***	0,09	0,03	-0,01
Ре	0,39**	0,22	0,33*	-0,18
Са	0,18	0,06	0,13	-0,14
Э	0,39**	0,21	0,23	0,00
О	-0,51***	-0,29	-0,07	0,13
Пл	0,53***	0,35**	-0,26	-0,04
И	0,53***	0,35**	-0,07	-0,13

Примечание. N = 34. Расшифровку см. в табл. 4.2.

Таблица 4.36

Связь показателей дружелюбности среды и позитивного функционирования у московских школьников

Шкала	ШПБ	АЖ	ПВС
ФДС	0,26	0,23	-0,31
П	0,26	0,23	-0,31
Р	0,23	-0,09	0,01
С	-0,01	-0,24	0,10
З	0,31	0,02	-0,09
РДС	0,49***	0,19	-0,06
У	0,29	0,12	-0,11
Ре	0,43***	0,10	-0,11
Са	0,40***	0,08	-0,07
Э	0,57***	0,33*	-0,28
О	-0,12	-0,02	-0,21
Пл	0,09	-0,02	0,09
И	0,29	0,21	-0,07

Примечание: N = 30. Расшифровку см. в табл. 4.2.

Таблица 4.36

Связь показателей дружелюбности среды и позитивного функционирования у сельских школьников

Шкала	ШПБ	АЖ	ПВС	СО
ФДС	-0,18	-0,37**	0,21	0,35*
П	-0,16	-0,39**	0,28	0,34*
Р	-0,18	-0,20	0,07	0,23
С	-0,17	-0,12	0,00	0,13
З	-0,09	-0,33*	0,28	0,26
РДС	0,00	-0,39***	0,37***	0,41***
У	-0,05	-0,47***	0,37***	0,49***
Ре	0,02	-0,45***	0,31*	0,35
Са	0,00	-0,63***	0,60***	0,74***
Э	-0,07	-0,17	0,17	0,25
О	-0,09	-0,49***	0,42***	0,68***
Пл	0,16	-0,54***	0,59***	0,58***
И	-0,27	-0,10	0,05	0,21

Примечание: N = 29. Расшифровку см. в табл. 4.2.

Таблица 4.3г

Связь показателей дружелюбности среды и позитивного функционирования у воспитанников детского дома

Шкала	ШГБ	АЖ	ПВС	СО
ФДС	0,23	-0,13	0,04	0,01
П	0,27	-0,09	0,01	0,00
Р	0,25	-0,12	0,10	-0,04
С	0,21	-0,01	-0,07	-0,09
З	0,00	-0,18	0,06	0,13
РДС	0,47***	0,03	-0,12	-0,07
У	0,29	-0,14	-0,10	0,11
Ре	0,37**	-0,01	-0,01	0,05
Са	0,38**	-0,20	0,22	0,15
Э	0,38**	0,07	-0,21	-0,12
О	-0,40**	-0,36**	0,48***	0,56***
Пл	0,32*	-0,14	0,16	0,13
И	0,25	0,14	0,01	-0,05

Примечание: N = 31. Расшифровку см. в табл. 4.2.

Субъективная оценка своего реального дома как дружелюбного положительно взаимосвязана с уровнем психологического благополучия у подростков из детского дома, гимназистов и городских школьников. Интересно, что у сельских школьников уровень дружелюбности среды оказывается незначимым для психологического благополучия, тем самым подтверждая нашу мысль о том, что дом для них не является источником поддержания и реализации своих потребностей; сельские подростки не видят в нем «опору», стремясь покинуть его как можно раньше и, видимо, в большей степени, чем другие, черпают жизненные силы из других ресурсов.

Как и при анализе всей выборки подростков, здесь мы также не можем говорить об образе идеального дома как факторе благополучия, причем это применимо ко всем группам. Возможно, это связано с возрастными особенностями респондентов, которые всерьез задачу построения собственного дома пока не принимают и потому не могут дать дифференцированных правдоподобных ответов. Однако обнаружены взаимосвязи характеристик реальной домашней среды и психологического благополучия.

Так, в группе гимназистов ресурсными для поддержания психологического здоровья являются такие функции и возможности дома, как способность меняться в зависимости от желаний обитателя (Пластичность), быть управляемым и контролируемым (Управляемость), давать поддержку и обеспечивать стабильность (Ресурсность), быть удобным и удовлетворять эстетическую потребность (Эргономичность). Отчуждение своего дома негативно сказывается на уровне благополучия; подростки этой группы оказываются очень уязвимы, если возникает чувство неприятия, дискомфорта в доме. Интересно, что наличие связи с историей дома и семьи, собственным прошлым (Историчность) не является

психологическим ресурсом для этой группы, что, возможно, объясняется возрастом респондентов и актуально для всех четырех сравниваемых групп: подростки стремятся жить не воспоминаниями или планами на будущее, а настоящим моментом (табл. 4.3а).

Ощутимый вклад в уровень психологического благополучия московских подростков из общеобразовательной школы вносят: поддержка и чувство стабильности (Ресурсность), возможность Самопрезентации и наличие в доме ресурсов для удобного использования пространства (Эргономичность). Такие возможности среды, как контролируемость, динамичность (Пластичность) и Историчность, не представляют собой ресурсов для поддержания благополучия. Интересно, что чувство отчуждения своего дома не дает значительного негативного эффекта на общее психологическое состояние только в этой группе подростков (табл. 4.3б).

В детском доме у подростков на первый план также выступает ощущение поддержки и стабильности (Ресурсность), возможность персонализировать пространство (Самопрезентация) и возможность дома быть удобным, практичным и одновременно нарядным и красивым (Эргономичность). Также отметим тенденцию: способность домашней среды изменяться и подстраиваться под ее обитателя также важна для благополучия подростков-сирот (Пластичность), однако эта возможность слабо представлена в их реальном жизненном пространстве. Подростки из детского дома так же, как и гимназисты, оказываются очень чувствительны к ощущению Отчужденности от своего дома (табл. 4.3в).

Наиболее интересные и вместе с тем самые дискуссионные результаты мы получили в группе подростков из села. Не было выявлено ни одной значимой связи, которая бы указывала на вклад уровня дружелюбности актуальной среды в показатель психологического благополучия. Это еще раз подтверждает наши предположения, что подростки из села не стремятся привязываться к дому, не рассматривают его как ресурс развития, восстановления сил и самопрезентации, так как изначально нацелены на смену обстановки и жизненных условий. Также это может быть связано с низким уровнем рефлексии собственных потребностей и переживания состояния благополучия, что, однако, требует дополнительного изучения (табл. 4.3г).

Обобщая полученные данные, можно отметить, что личностная оценка своей реальной домашней среды как дружелюбной действительно взаимосвязана с общим уровнем психологического благополучия подростков. Возможность получить дома поддержку и ощутить чувство постоянства, а также возможность контроля и управления средой с определенной долей предсказуемости являются важными ресурсами поддержания душевного равновесия подростков, обучающихся в гимназии, в общеобразовательной школе и проживающих в детском доме. Для этих трех групп также важна функция дома быть удобным в использовании и при этом снабжать информацией для эстетического восприятия. Интересно, что возможность успешной самопрезентации влияет на уровень благо-

получия только в группах школьников и подростков-сирот; гимназисты оказываются не чувствительны к этому конструкту среды. Однако только для подростков из гимназии значимо иметь возможность изменить что-либо в своей среде, «настроить» ее под себя (в группе подростков из детского дома отмечается тенденция без ярко выраженной значимости к связи Пластичности с показателем благополучия). Уровень благополучия школьников из региона в целом оказывается не чувствительным к субъективной оценке актуальной домашней среды как дружественной, что может быть связано с рядом причин, одной из которых может являться восприятие дома не как ресурса самоподдержки, а как временного «пристанища», в котором они не планируют надолго задерживаться.

Также нами был проведен анализ взаимосвязи характеристик домашней среды (как реального, так и идеального ее образа) и уровня аутентичности в каждой группе подростков.

Для гимназистов с переживанием аутентичности значимо связана Пластичность их реального дома, в то время как наличие ресурсов для поддержания Стабильности и потребность иметь дом, который бы стимулировал Развитие, обнаруживают тенденцию к положительной взаимосвязи с Подверженностью внешним влияниям. Мы уже высказывали выше мысль о том, что для подростков, не имеющих пока еще собственного жилья, многие функции среды могут быть доступны через деятельность взрослых, и поэтому логичным будет предположить, что удовлетворение потребности в стабильности домашней среды и развивающем и стимулирующем познание доме связано или опосредствовано их готовностью воспринимать внешние влияния, что само по себе, однако, для развития личности не полезно.

В группе городских школьников для Аутентичной жизни важно, чтобы дом был удобным и красивым, комфортным для выполнения простых повседневных функций (Эргономичность).

Для подростков-сирот Отчужденность дома негативно связана с переживанием аутентичности жизни, при этом увеличивая Подверженность внешним влияниям и делая вклад в состояние Самоотчуждения. Таким образом, чувство единения с домом оказывается сильно связанным с переживанием собственной аутентичности.

Интересно, что именно в группе сельских подростков выявлено наибольшее количество значимых взаимосвязей и тенденций (13 и 3 соответственно), однако почти все они указывают на негативную взаимосвязь ресурсов жилища и аутентичности личности. Так, Прагматичность и Защищенность в представлениях об идеальном доме и такие возможности в реальном жилище, как Управляемость среды, Самопрезентация, Пластичность, ведут к снижению показателей Аутентичной жизни, причем последние три характеристики дома также делают свою вклад в увеличение Подверженности внешним влияниям и в уровень Самоотчуждения. Интересно, что чувство Отчуждения от своего дома тем не ме-

нее негативно воздействует на уровень аутентичности личности в целом: таким образом, жилище как совокупность ресурсов для удовлетворения потребностей, раскрытия своих особенностей в предметной среде не является значимым источником для поддержания аутентичности подростков из села, однако для них остается важным чувство принятия, не-отчужденности от своего дома. Они не умеют или не могут пользоваться ресурсами домашней среды для поддержания психологического благополучия и аутентичности личности, но боятся потерять чувство принадлежности к своему дому.

Таким образом, мы видим, что в четырех подгруппах подростков характеристики домашней среды как в реальных, так и в идеальных образах дома по-разному взаимодействуют с элементами, составляющими аутентичности личности. Для Аутентичной жизни гимназистов важна возможность среды изменяться и быть пластичной, в то время как городские школьники для ощущения подлинности бытия нуждаются в красивом и удобном, эргономичном доме. Подросткам из детских домов необходимо чувствовать свою принадлежность к дому, не отчуждаться от него. Сельские школьники не чувствуют в своей домашней среде поддержку Аутентичности личности и жизни, однако Отчужденность дома для них является все же важным негативным показателем.

С помощью регрессионного анализа были получены данные о ресурсах домашней среды как предикторах и антипредикторах позитивного функционирования в разных подгруппах респондентов (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Вклад показателей дружественности среды в показатели позитивного функционирования (регрессионный анализ, $p \leq 0,05$)

β	Благополучие	Аутентичная жизнь	Подверженность внешним влияниям	Самоотчужденность
Сельские школьники (N = 29)				
Прагматичность (ид.)			1,09	
Ресурсность (р.)		-0,98		
Пластичность (р.)			0,73	
Воспитанники детского дома (N = 30)				
Отчужденность (р.)		-0,57		0,73
Московские школьники (N = 31)				
Отчужденность (р.)			-0,46	
Гимназисты (N = 34)				
Стабильность (ид.)				-0,72
Управляемость (р.)				0,54
Самопрезентация (р.)				-0,51
Эргономичность (р.)				0,94
Пластичность (р.)			-0,49	-0,50
<i>Примечание:</i> (р.) – качества реального образа дома; (ид.) – качества идеального образа дома				

Было обнаружено, что жилище практически не вносит вклад в переживание психологического благополучия в отдельных группах, однако его качества весьма существенны для переживания Аутентичности.

Пластичность дома для гимназистов является антипредиктором Подверженности внешним влияниям ($\beta = -0,49$ при $p \leq 0,05$) и Самоотчуждения ($\beta = -0,50$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, возможность что-либо изменять в домашней среде, перестраивать ее в соответствии со своими потребностями и личностными характеристиками благоприятно влияет на зависимость от внешнего воздействия, поддерживая ценность собственных представлений и самостоятельность в принятии решений и в то же время имеет позитивное воздействие на степень расхождения между когнитивным пониманием действительности и реальным опытом подростков. Желание Стабильности в образе идеального дома ($\beta = -0,72$ при $p \leq 0,05$) и удовлетворение потребности в Самопрезентации в реальной домашней среде ($\beta = -0,51$ при $p \leq 0,05$) также являются антипредикторами Самоотчуждения. Интересно, что такие характеристики актуального жилища, как Эргономичность ($\beta = 0,94$ при $p \leq 0,05$) и Управляемость среды ($\beta = 0,54$ при $p \leq 0,05$), наоборот, являются предикторами состояния Самоотчуждения. Можно предположить, что удобный и красивый дом, в котором ничего не ломается и в котором легко можно контролировать и предсказывать внешние сигналы, будет стимулировать более завышенные притязания к окружающей среде в целом, тем самым делая подростков из гимназии более уязвимыми при столкновении с реальной действительностью.

Так, интересно, что для сельских школьников возможность что-то изменять, перестраивать в их реальной домашней среде (Пластичность) оказывается предиктором подверженности внешним влияниям ($\beta = 0,73$ при $p \leq 0,05$). Такая характеристика жилища, как Ресурсность, казалось бы, дающая ощущение поддержки и стабильности, является антипредиктором Аутентичной жизни ($\beta = -0,98$ при $p \leq 0,05$). Эти парадоксальные результаты могут быть проинтерпретированы с учетом зрения стремления сельских школьников скорее покинуть дом ради жизни в более социально и экономически разнообразной городской среде: дома они не чувствуют, что находятся «в своей тарелке», и им сложно достигнуть высокого уровня аутентичности своей жизни. В то же время возможность что-либо поменять в своем реальном жилище ведет к необходимости быть активным в принятии решений, и в этом случае сельские подростки скорее примут готовое решение и поддержат чужую инициативу, не проявляя интереса к изменениям в доме, который не является для них источником ресурсов и жизненной опоры. В представлениях подростков этой группы об идеальном жилище такая характеристика, как Прагматичность, также положительно связана со склонностью быть зависимым от внешних воздействий ($\beta = 1,09$ при $p \leq 0,05$): видимо, желание иметь

такой дом, в котором уже все продумано – удобно и легко выполнять повседневные жизненные функции, комфортно вести хозяйство, – становится предиктором подверженности к более «конформному» типу мышления и поведения, склонности выстраивать свои представления, ориентируясь на других, а не на себя.

Для подростков-сирот чувство неприятия дома, Отчужденность является антипредиктором Аутентичной жизни ($\beta = -0,57$ при $p \leq 0,05$) и, в свою очередь, предиктором Самоотчуждения ($\beta = 0,73$ при $p \leq 0,05$).

В подгруппе городских школьников выявлена отрицательная связь между субшкалами Отчужденности и Подверженности внешним влияниям ($\beta = -0,46$ при $p \leq 0,05$), другими словами, потеря чувства единения со своим жилищем не становится предиктором большей склонности следовать влиянию извне.

Таким образом, конструкты домашней среды включают в себе функции предикторов или антипредикторов аутентичности личности и, в меньшей степени, психологического благополучия. В свою очередь, в разных подгруппах более разнообразные результаты были получены об антипредикторах аутентичности, чем о ее предикторах.

Результаты позволяют нам выделить четыре модели дружественного дома в зависимости от жизненных условий подростков (рис. 4.3). Основываясь на данных корреляционного анализа, выделим четыре модели дружественного дома в зависимости от жизненных условий подростков: изобразим их, поместив в порядке значимости в средний блок такие качества домашней среды, наличие которых является важным для поддержания психологического благополучия и ниже под чертой – те качества домашней среды, потребность в которых наиболее выражена (функции «идеального» дома). В «чердак» поместим конструкты, которые сопряжены с развитием аутентичности подростка из той или иной группы; кроме того, во всей схеме выделим полужирным те свойства среды, которые и по результатам регрессионного анализа вносят вклад в развитие аутентичности подростков в разных жизненных условиях. Таким образом, каждый из «домов» отражает характеристики дружественной среды с точки зрения поддержания позитивного функционирования (психологического благополучия и аутентичности), а также представляет наиболее желаемые функции домашней среды подростков из каждой подгруппы.

Модель дружественного пространства сельских школьников говорит о необходимости, с одной стороны, более глубокого изучения представлений о домашней среде этой подгруппы с увеличением выборки. С другой стороны, интерпретация этих данных также является значимым результатом: сельские подростки не рассматривают дом как источник ресурса и поддержки благополучия и аутентичности, следовательно, не нуждаются в такой же мере, как другие, в его дружественности. Однако стоит задуматься о природе синергетических взаимоотношений с домом

и возможностях личностноразвивающей работы с такими подростками с целью обогатить личностную сферу развития подростков из села ресурсами и новыми источниками поддержания психологического благополучия и чувства подлинности бытия.

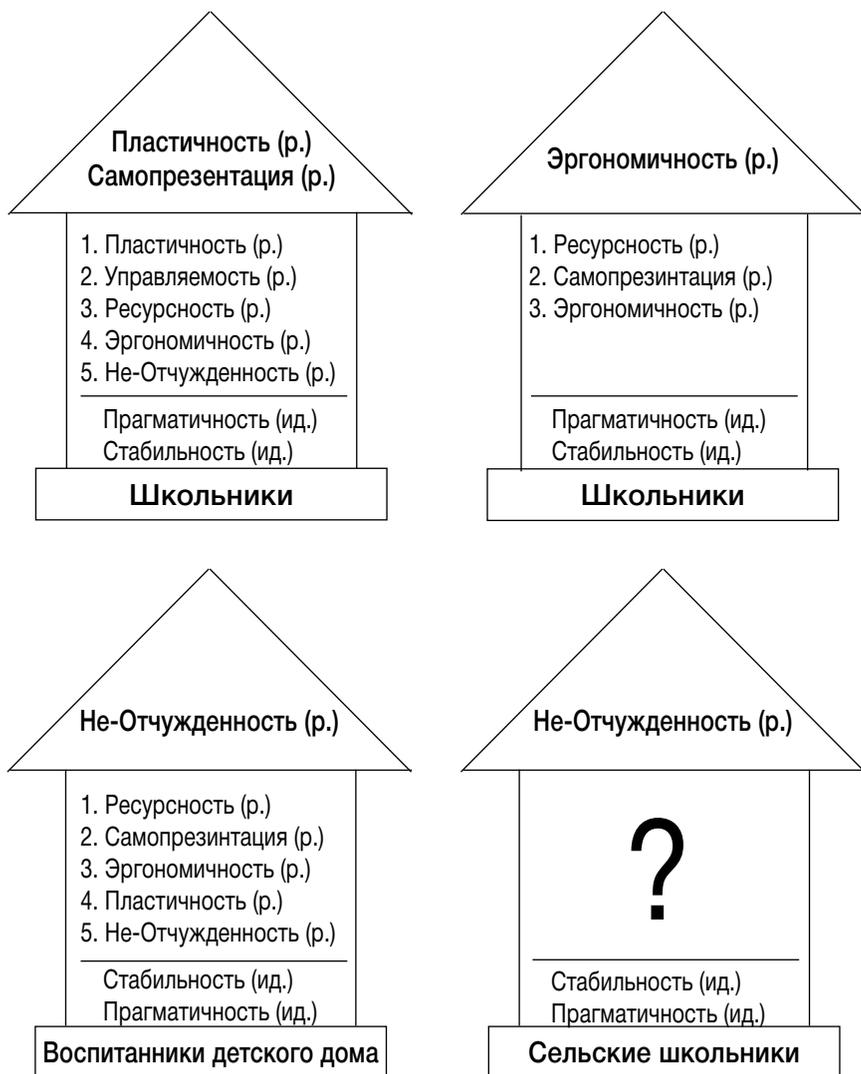

Рисунок 4.3. Модели дружественного дома в зависимости от социально-экономических условий развития подростков

(р.) – качества реального образа дома;

(ид.) – качества идеального образа дома

Итак, изучение моделей домашней среды дало нам интересные результаты. Во-первых, было показано, что дружественный дом — важный источник позитивного функционирования подростка. Также были обнаружены характеристики, составляющие модель дружественного дома подростков, причем образ реального жилища оказался более значимым для психологического благополучия и аутентичности личности, чем идеальная картина домашней среды. Кроме того, дом по-разному поддерживает подростков из разных групп, будучи сильным ресурсом позитивного функционирования для гимназистов и при этом представляя собой антиресурс для сельских школьников. Для подростков из детского дома и городских школьников дом представляет собой меньшую значимость как ресурс по сравнению с гимназистами, однако эти две группы также чувствительны к признакам недружественности домашней среды.

4.2.2.3. Модели домашней среды у подростков разного пола

Наконец, третий интересующий нас вопрос — существуют ли гендерные различия в представлениях о дружественности домашней среды и ее вкладе в позитивное функционирование? Каким видят свой дом подростки мужского и женского пола, мечтают ли о разных или об одних и тех же качествах идеального дома?

С детства нас окружают стойкие убеждения о том, что «положено» мальчикам и девочкам; это знание наследуется из поколения в поколение и очень архетипично. Достаточно наглядны и особенности взаимодействия с окружающим миром. Традиционно, согласно сложившимся стереотипам маскулинности и фемининности (Шабанов и соавт., 2009; Шустова, 2006) женщина считается «хранительницей домашнего очага», она заботится об уюте и о порядке в доме; мужчина же — добытчик пищи и ресурсов, заботится о безопасности дома. Еще Э. Эриксон заметил, что мальчики и девочки по-разному строят свою игру в пространстве (Эриксон, 1996). Первых интересуют события, происходящие за пределами дома, например аварии и катастрофы; они строят башни и замки — направленные вверх, вовне. Сюжет игры у девочек обычно происходит внутри дома — это «дочки-матери» или, скажем, приготовление пищи; они изображают равномерно распределенные по поверхности постройки, обычно замкнутые, окруженные рвом, стеной, дорогой. Получается, уже в раннем детстве проявляются различные гендерные модели отношения к пространству вообще, и к домашней среде в частности: для мальчиков это плацдарм перед выходом в открытое пространство и место для возвращения на отдых, для девочек — место постоянного пребывания, условия бытия (Нартова-Бочавер, 2003).

Учитывая такие разные взаимоотношения с домом, логично предположить, что существуют различия и в том, как этот дом поддерживает мальчиков и девочек. В нашем исследовании домашней среды подростков мы получили интересные данные о гендерной вариации в представлениях о дружественности дома. Для этого та же выборка подростков была разделена по полу (66 девочек и 58 мальчиков). Нам было интересно посмотреть, есть ли значимые различия в мужских и женских группах по показателям опросников РДС, ФДС и их связи с показателями позитивного функционирования (табл. 4.5). Использовался непараметрический критерий Манна–Уитни для выборок больше 20.

Таблица 4.5

Показатели значимых различий в подгруппах мальчиков и девочек (критерий U Манна–Уитни)

Шкала	Девочки (N = 66)	Мальчики (N = 58)
ФДС	21,81	21,27
Прагматичность*	5,91	5,59
Развитие	5,30	5,18
Стабильность	5,76	5,69
Защищенность	4,83	4,81
РДС**	19,44	18,00
Управляемость**	3,96	3,61
Ресурсность*	3,94	3,76
Самопрезентация**	3,54	3,32
Эргономичность**	3,68	3,41
Отчуждение	2,31	2,41
Пластичность**	3,15	2,85
Историчность	3,48	3,47

Примечание: * – различия значимы при $p \leq 0,05$, ** – различия значимы при $p \leq 0,01$.

Результаты нашего исследования дают возможность описать, каким образом представляют себе свое реальное жилище девочки в сравнении с мальчиками (рис. 4.4). Во-первых, девочки в целом ощущают свой дом более дружественным по сравнению с мальчиками; при этом у них же выше уровень благополучия, в то время как показатели аутентичности личности оказались не чувствительны к полу подростков. Дом девочек в большей степени, по сравнению с мужской подгруппой, обеспечивает потребность в управлении и контроле среды, дает возможность персонализации и Самопрезентации, является удобным и эстетичным (Эргономичность) и обладает Пластичностью. Мальчики склонны оценивать свое жилище как менее ресурсное по сравнению с девочками, однако среди всех качеств среды выделяют этот параметр более всего. При этом в обеих группах подростки в наименьшей мере чувствуют отчуждение от дома.

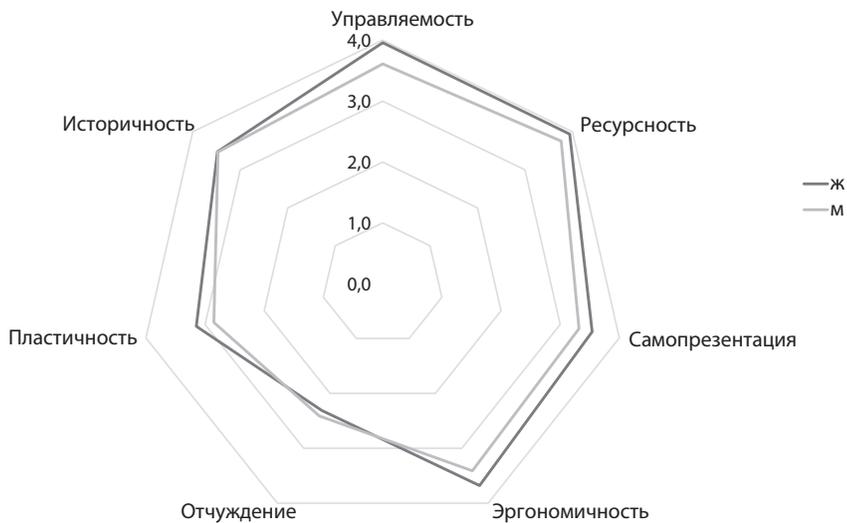

Рисунок 4.4. Конфигурация качеств реальной домашней среды у мальчиков и девочек

Рисунок 4.5. Конфигурация качеств идеального дома у мальчиков и девочек

Различаются и представления об идеальном доме (рис. 4.5). Если для мальчиков важнее всего Стабильность, то девочки желают видеть свой дом мечты более Прагматичным. Это вполне отвечает различию гендерных социальных задач (освоение среды – для мужчин, использование – для женщин).

Теперь рассмотрим, как распределились взаимосвязи показателей дружелюбности среды с позитивным функционированием в обеих гендерных группах. Результаты корреляционного анализа показали, что в женской выборке система коррелятов дружелюбности домашней среды намного богаче и лучше нюансирована, чем у мальчиков. Так, у девочек среди потребностей, реализации которых в актуальной домашней среде дает существенную поддержку психологического благополучия, обнаружены: Пластичность, Ресурсность, Самопрезентация, Эргономичность и Управляемость домашней среды (табл. 4.6а). Возможность Развития как качество идеальной домашней среды также сопряжена с уровнем благополучия. Для поддержания аутентичности личности важно, чтобы дом не вызвал чувства отчуждения. При этом Пластичность и возможность Самопрезентации, важные для психологического комфорта, вступают в противоречие с переживанием аутентичности, увеличивая зависимость от внешних влияний среды. Как уже было сказано, это может быть связано со сложным, наполненным амбивалентными переживаниями возрастным периодом, для которого все еще актуальна зависимость от мнений и действий взрослых при возрастающем желании самостоятельности в принятии решений.

Таблица 4.6а

**Связь показателей дружелюбности среды
и позитивного функционирования у девочек (rs)**

Шкала	ШПБ	АЖ	ПВС	СО
ФДС	0,16	-0,08	0,14	-0,08
П	0,08	-0,10	0,06	-0,03
Р	0,29**	0,00	0,17	-0,06
С	0,03	-0,04	0,09	-0,11
З	0,17	-0,11	0,14	-0,02
РДС	0,47***	0,07	0,18	-0,04
У	0,24	-0,13	0,12	0,11
Ре	0,36***	0,05	0,16	-0,05
Са	0,29**	-0,05	0,23	-0,04
Э	0,27**	0,02	0,02	0,03
О	-0,19	-0,28**	0,06	0,38**
Пл	0,55***	-0,10	0,21*	0,11
И	0,13	0,18	0,05	0,04

Примечание: N = 66. * – связи значимы в тенденции при $0,05 \leq p \leq 0,1$, ** – связи значимы при $p \leq 0,05$, *** – связи значимы при $p \leq 0,01$. Расшифровку см. в табл. 4.2.

С психологическим благополучием мальчиков связан такой параметр домашней среды, как Эргономичность, что хорошо соотносится с житейскими представлениями: для мужского пола важна функциональность и удобство использования пространства. Несмотря на то что потребности, значимые для психологического благополучия, представлены не так ярко и не в таком объеме, как у девочек, у мужской группы обнаружена тенденция к отрицательной связи Отчуждения с психологическим благополучием: они действительно остро переживают чувство отчужденности, неподтвержденности в собственном доме. Для Аутентичности жизни мальчиков также важным является чувство принятия, неотчуждения своего дома. По-другому, в сравнении с женской подгруппой, на уровень Аутентичности воздействуют возможности что-либо поменять в доме (Пластичность) и проявить свои личностные особенности (Самопрезентация) – мальчики переживают ощущение Самоотчужденности в связи с этими качествами среды. Тем не менее и здесь мы можем предположить обусловленность таких результатов возрастными особенностями: хрупкое состояние аутентичности личности как равновесия между ощущением себя и поведением, получением опыта в реальности может быть нарушено излишней изменчивостью и непредсказуемостью среды, а результаты персонализации своего жилища могут быстро «устаревать», не успевая за только крепнущими представлениями и, в целом, мировоззрением подростка.

Таблица 4.66

**Связь показателей дружелюбности среды
и позитивного функционирования у мальчиков (rs)**

Шкала	ШПБ	АЖ	ПВС	СО
ФДС	-0,07	-0,09	-0,05	0,08
П	0,02	0,02	-0,08	0,01
Р	0,09	-0,18	0,04	0,15
С	-0,07	-0,06	-0,07	0,05
З	-0,22*	-0,04	-0,04	0,07
РДС	0,15	0,01	0,01	0,06
У	0,05	-0,07	0,01	0,12
Ре	0,13	-0,12	0,09	0,15
Са	0,00	-0,20	0,21	0,28**
Э	0,28**	0,05	0,01	0,07
О	-0,22*	-0,34***	0,27**	0,43***
Пл	0,04	-0,14	0,18	0,30**
И	-0,08	0,08	-0,07	-0,05

Примечание: N = 58. * – связи значимы в тенденции, $0,05 \leq p \leq 0,1$, ** – связи значимы при $p \leq 0,05$, *** – связи значимы при $p \leq 0,01$. Расшифровку см. в табл. 4.2.

Мы также можем говорить о характеристиках домашней среды как предикторах и антипредикторах позитивного функционирования в группах мальчиков и девочек (табл. 4.7). Отчасти эти данные повторяют результаты корреляционного анализа, но в то же время они открывают нам

полученные взаимосвязи с новой стороны. Образ реального дома вносит вклад в позитивное функционирование как у мальчиков, так и у девочек, однако связи различаются. Так, у мальчиков предиктор благополучия – это Ресурсность дома, у девочек – Пластичность среды, а Отчужденность и у мальчиков, и у девочек отрицательно влияет на переживание Аутентичности собственной жизни и положительно – на Самоотчуждение; обе связи, по сути, дублируют друг друга.

Качества идеального дома также вносят вклад в уровень психологического благополучия, однако мы не можем говорить о них как о предикторах аутентичности личности. У девочек предиктором благополучия является желание иметь дом с высокими возможностями Развития, но при этом – нестабильный. Это хорошо объясняется, так как потребность развиваться предполагает достаточно высокий уровень энергии и доверия миру, что, собственно, и составляет содержание благополучия как психологического феномена. При этом стабильный дом в большей степени отвечает потребности в гомеостатическом состоянии, тоже важной и нужной, но, возможно, присущей в большей степени на других возрастных этапах. Интересная обратная связь обнаружилась у мальчиков: если мальчик хочет видеть свой дом более защищенным, это желание оказывается антипредиктором его благополучия. Понятно, что за таким желанием стоит неуверенность в окружающей среде, а может быть, и недостаток базовой безопасности, что скорее характеризует состояние неблагополучия.

Таблица 4.7

**Вклад показателей дружественности домашней среды (В)
в позитивное функционирование подростков
(регрессионный анализ, $p \leq 0,05$)**

Субшкалы	Психологическое благополучие	Аутентичная жизнь	Подверженность внешним влияниям	Самоотчуждение
Мальчики (N = 58)				
Защищенность (ид.)	-0,51			
Ресурсность (р.)	0,50			
Отчужденность (р.)		-0,34		0,44
Девочки (N = 66)				
Развитие (ид.)	0,37			
Стабильность (ид.)	-0,42			
Отчужденность (р.)		-0,27		0,36
Пластичность (р.)	0,39			
<i>Примечание:</i> (р.) – качества реального образа дома; (ид.) – качества идеального образа дома				

Таким образом, в мужской и женской подгруппах по-разному представлены характеристики дружественной среды, представляющие собой ресурсы психологического благополучия и аутентичности жизни. Девоч-

ки, в целом, более чувствительны к дружелюбности среды как к ресурсу, чем мальчики, однако и в мужской группе остро переживается чувство отчуждения от собственного дома.

4.2.2.4. Образы идеального и реального дома

В предыдущих разделах мы много говорили о двух составляющих модели домашней среды — ее реальном и идеальном образе, но всегда в контексте изучения других интересующих нас вопросов. В этой главе мы попробуем сделать акцент на данных о доме, в котором живут подростки и в котором хотели бы жить, предполагая, что различие образов идеального и реального дома будет оказываться существенным еще неоднократно на протяжении нашей книги.

Мы рассматривали модель домашней среды в двух ракурсах. Во-первых, это конфигурация качеств реального и идеального дома — то, каким видят свой дом подростки и о каком доме мечтают. Во-вторых, это те качества реальной и идеальной домашней среды, которые позитивно воздействуют на психологическое благополучие и аутентичность личности подростка.

В первом случае образ реального и идеального дома до этого момента был представлен только в отдельных группах, и мы не будем подробно повторять здесь вышеописанные результаты; для всех же подростков в целом модель домашней среды в двух модальностях выглядит следующим образом (рис. 4.6 и 4.7).

Реальный дом подростка в первую очередь обеспечивает ресурсами и дает возможность управлять средой, он достаточно эргономичен, также отвечая потребности в связи с историей семьи и в той же степени давая

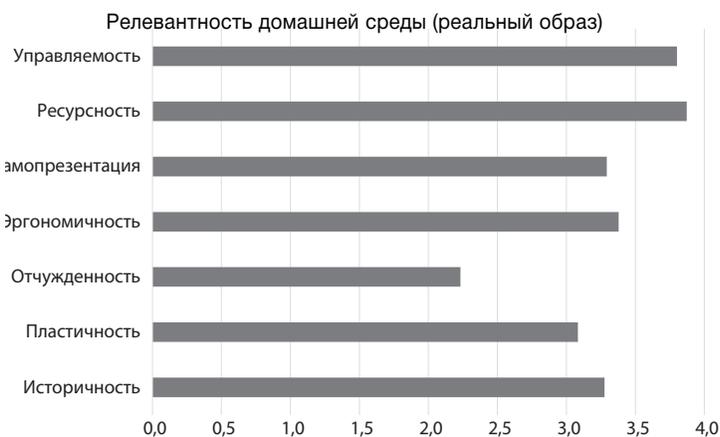

Рисунок 4.6. Конфигурация качеств реального дома по всей выборке подростков (n = 124)

возможность Самопрезентации; менее выражена Пластичность среды. Самый низкий из всех полученных показателей — по шкале Отчужденности дома.

Среди желаемых характеристик первое место делят между собой Прагматичность и Стабильность домашней среды, далее — потребность в развивающей функции дома, в меньшей степени подросткам нужна Защищенность.

Таким образом, жилище подростка выполняет ресурсную функцию и хорошо управляется, в то время как потребности в Стабильности и Прагматичности не встречаются дома желаемой поддержки. Учитывая, что Стабильность среды в идеальной модальности по замыслу авторов означает психологический и физический комфорт, узнаваемость и предсказуемость средовых сигналов, общее чувство безопасности, а реальная среда подростков, согласно их собственной оценке, как раз лучше всего раскрывает эти возможности (шкалы Управляемости и Ресурсности в опроснике РДС), мы наблюдаем, по всей видимости, труднонасыщаемую потребность подростка в этих важнейших переживаниях, что, в целом, хорошо соотносится с особой сензитивностью этого возрастного периода. Также мы помним, что конфигурация качеств реального дома отличается больше вариативностью в разных социально-экономических группах подростков, тогда как идеальный образ дома представлен схожим образом в условно благополучных и неблагополучных группах. Это говорит о том, что идеальные представления о домашней среде могут заключать в себе и архетипический образ дома.

Далее мы рассматривали качества идеального и реального дома в связи с позитивным функционированием подростка. Мы не будем подробно пересказывать результаты, которые мы обсудили выше, остановимся лишь на общих моментах.

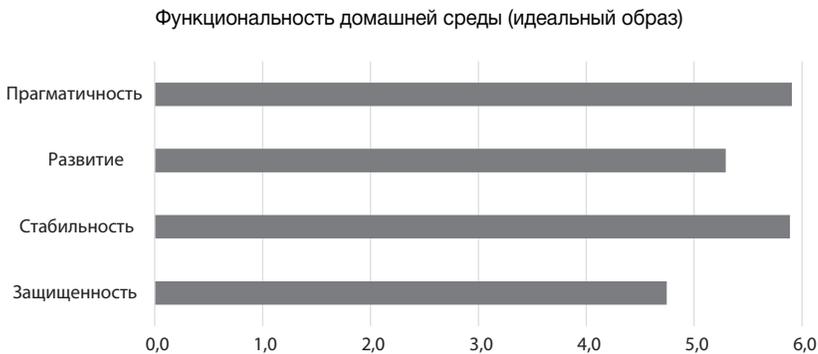

Рисунок 4.7. Конфигурация качеств идеального дома по всей выборке подростков (n = 124)

В целом, можно сказать, что идеальный образ дома скорее дополняет общую картину домашней среды, практически не представляя собой самостоятельного источника поддержки позитивного функционирования подростков в целом, в то время как реальный образ дома эффективно решает эту задачу. Во всей выборке подростков для психологического благополучия значимы такие качества дома, как Пластичность, Эргономичность, Ресурсность и Управляемость; для аутентичности важно не чувствовать отчуждения от своего дома, в то время как в идеальном образе важной для поддержания позитивного функционирования оказывается лишь одна характеристика – возможность Развития в домашней среде.

Как и при анализе всей выборки подростков, в отдельных группах мы также не можем говорить об образе идеального дома как факторе благополучия. Это может быть связано с возрастными особенностями респондентов, которые всерьез задачу построения собственного дома пока не принимают и потому не могут дать дифференцированных правдоподобных ответов. Однако обнаружены многочисленные взаимосвязи характеристик реальной домашней среды и психологического благополучия, причем более всех жилище поддерживает подростков из гимназии, тогда как для сельских школьников не только не представляет собой источника позитивного функционирования, но и является антиресурсом.

Картины реального и идеального дома различаются и в гендерных группах. Девочки в целом более чувствительны к параметрам дружелюбности домашней среды. Интересно, что и у мальчиков, и у девочек обнаружены антипредикторы психологического благополучия среди качеств идеального дома: в первом случае – это Защищенность среды, во втором – Стабильность. При этом желание Развития в домашней среде делает вклад в психологическое благополучие девочек, как и всех подростков в целом.

Таким образом, идеальные представления о доме являются важной составляющей модели домашней среды, указывая на возможные депривированные или ненасыщаемые потребности подростков, однако представляют собой слабый ресурс поддержки позитивного функционирования, в некоторых случаях представляя собой, напротив, антипредиктор психологического благополучия. Реальный же образ дома является мощным ресурсом позитивного функционирования подростков в целом и в разных жизненных условиях, за исключением сельских школьников, которые не обретают в домашней среде источника благополучия.

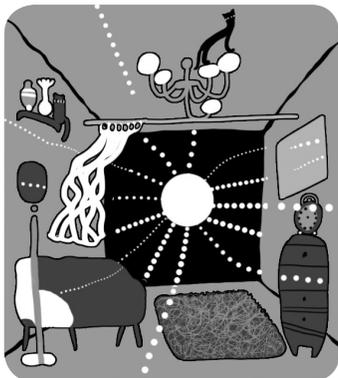
Выводы

Итак, в этой главе мы постарались разобраться, что представляет собой дружественный по отношению к живущим в нем подросткам дом и как в домашней среде может быть поддержано позитивное функционирование подростка. Дружественный дом – понятие, заключающее

в себе исключительно субъективный смысл для каждого человека. Тем не менее можно говорить о модели домашней среды, специфичной для разных групп подростков в зависимости от социально-экономического контекста жизни, и также — для мужской и женской групп. Так, дом в большей степени поддерживает девочек; их позитивное функционирование в первую очередь обеспечивается Пластичностью, а также — Ресурсностью, возможностью Самопрезентации, Эргономичностью и Управляемостью домашней среды. У мальчиков переживание благополучия связано с Эргономичностью и Ресурсностью дома, однако они так же, как и девочки, будут остро переживать чувство Отчуждения в домашней среде. В целом, исследование домашней среды подростков показало большой вклад дома в развитие личности и поддержание ее позитивного функционирования. Однако реальный образ дома видится гораздо более значительным, чем представления об идеальном жилище. Были получены интересные данные и о различном уровне взаимодействия с домашней средой среди подростков в разных контекстах развития. Для позитивного функционирования гимназистов важны Пластичность, Управляемость, Ресурсность и Эргономичность домашней среды. Для подростков из общеобразовательной школы и воспитанников детского дома значимы Ресурсность, Самопрезентация и Эргономичность дома. При этом для сельских школьников качества дома не представляют собой ресурсов для поддержания психологического благополучия и аутентичности. Обнаруженные идеализированные представления подростков-сирот о своем доме при наличии депривированных средовых потребностях и неспособность сельских подростков видеть в домашней среде источник благополучия подтверждают необходимость включения экспертизы дружелюбности дома при работе с разными категориями подростков и открывают новые возможности для диагностической и психолого-развивающей работы. Полученные данные в группах подростков из детских домов и сельской местности показывают новые пути решения таких проблем, как несформированность умения или нежелание самостоятельной жизни в отдельном пространстве у сирот и стремление скорее покинуть родное село, слабая привязанность к дому у сельских подростков.

В то же время результаты показывают, что, хотя дом — это универсальный ресурс поддержки человека, его универсальность обусловлена тем, что в нем содержатся все функции для всех деятельностей людей любого возраста, пола, социального положения и индивидуальных склонностей. Однако все эти дополнительные переменные способствуют тому, что каждый человек находит в доме и использует то, что отвечает его потребностям, сложившимся в заданной жизненной ситуации. Наша следующая глава посвящена тому, что наиболее важным для себя считают представители юношеского возраста и молодежь.

ГЛАВА 5. ДОМ КАК РЕСУРС ПОЗИТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ И МОЛОДОСТИ¹

Я с домашней борюсь энтропией
Как источник энергии божественной
Незаметные силы слепые
Побеждаю в борьбе неторжественной...
В день посуду помою я трижды
Пол помою-протру повсеместно
Мира смысл и структуру я зиждю
На пустом вот казалось бы месте.

Д.А. Пригов. «Домашнее хозяйство»

Отталкиваясь от культурологических и антропологических исследований, мы развивали мысль о том, что дом для человека — это нечто большее, чем дом; что это символ его личности, знак состоятельности, основа личной идентичности и источник аутентичности, архетип. Однако, будучи для человека всем, дом выполняет свои задачи не одновременно; в ходе жизненного пути он то приобретает сверхзначимость, то становится объектом сепарации. Дом проявляет себя в контексте жизненных задач, которые решает человек: в стабильные периоды стимулирует своего обитателя, побуждая к изменениям, а в критические — стабилизирует посредством рутинных практик. И то и другое содержится в его функционале универсальной жизненной среды человека. В этой главе мы

¹ В главе использованы материалы статей: *Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинцев Е.И., Подлишняк М.Б.* Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности // *Социальная психология и общество.* 2015. С. 9–22; *Нартова-Бочавер С.К.* Принцип дополнительности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей // *Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы* / Под ред. А.А. Журавлева, М.И. Воловиковой, Н.Е. Харламенковой. М., 2016. С. 192–213; *Нартова-Бочавер С.К.* Дом как источник чувства личной безопасности в юношеском возрасте // *Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание* / Под ред. А.А. Журавлева, Н.В. Тарабриной, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенковой. М., 2016.

планируем возвратиться к обыденным, первоначальным функциям дома, чтобы изучить, насколько сильным ресурсом он оказывается в жизни представителей юношеского возраста и молодости – дает ли переживание благополучия, чувство безопасности и защищенности. Ответ на эти вопросы тем более актуален, что, как свидетельствуют социологические исследования, в настоящий момент домашняя среда начинает терять свои поддерживающие функции, и домашние стрессы переживаются сильнее, чем служебные (Hochschild, 1997; Damaske, 2014). Убежищем от домашних рутинных перегрузок, в которых нет перерыва и которые невозможно точно оценить и адекватно вознаградить, все чаще становится работа. Трудно считать этот процесс социально гармоничным; и потому изучение того, что дает дом современным людям, что он мог бы дать и с какими качествами дома (или обитателей) это может быть связано, становится совершенно неотложной задачей.

Попытка ее решения представлена в трех нижеописанных исследованиях.

5.1. Вклад образов реального и идеального дома в позитивное функционирование человека

Взаимодействие человека и мира на всех уровнях опосредовано картиной, образом мира, который проецируется на реальность, приписывает ей ожидаемые качества, наконец, подобно всем ожиданиям, обладает программирующим смыслом. В психологии нередко, наряду с представлением человека о реальных объектах изучаемого представления о том, какими бы они могли быть в идеале. В двух ракурсах исследуют образы себя самого как личности, Другого, родителей, возлюбленных, учителей. Представление об идеальном объекте выполняет несколько диагностических и регуляторных функций: указывает дефицитарную область, точки приложения усилий по исправлению объекта.

Однако, если идеальное «Я» к настоящему моменту изучено почти всесторонне, существует крайне мало исследований, посвященных идеальным объектам внешнего мира. Возможно, это связано вообще со слабой дифференцированностью представлений об идеальном мире: не случайно К.Г. Юнг добивался значительных терапевтических успехов, используя методiku активного воображения (Юнг, 1994). В ходе применения этой методики оказывалось, что человек способен поменять «фигуру и фон» в своем образе мира, заметить то, что уходило из сознания прежде, и ослабить значимость «стрессорирующих» объектов и явлений.

В настоящем исследовании мы сосредоточились на изучении образов реального и идеального дома, домашнего пространства как наиболее существенной жизненной среды человека, мотивирующей его к деятельности, достижениям, и поддерживающей в случае негативных жизненных

событий и энергетического истощения. Дом может быть исследован с разных сторон, и образ дома также обладает многомерностью: будучи элементом персонального дискурса, он предстает в универсальном, повседневном, динамическом образе, а также в образе будущего дома, которые существенно различаются между собой и выполняют разные ориентирующие и организующие функции (Бочавер, 2015; Нартова-Бочавер, 2006). Кроме того, исследования говорят о том, что связь человека с домом, представляя важнейший экосоциальный ресурс, гендерно специфична и что у женщин поддерживающая функция домашней среды выражена сильнее (Дмитриева, 2013).

Цель исследования состояла в том, чтобы изучить связь образов реального и идеального жилища с параметрами позитивного функционирования — психологическим благополучием и аутентичностью личности. Помимо частной эмпирической цели, нам также важно было узнать, какой из образов дома играет более важную роль в регуляции благополучного и эффективного функционирования человека, какой дает больше эвристических связей, что предпочесть в дальнейших исследованиях, не перегружая их.

В данной серии мы проверяли следующие эмпирические гипотезы. 1. Образы идеального и реального дома значимо различаются. 2. Образы реального и идеального дома положительно связаны с позитивным функционированием личности. 3. Эта связь обладает гендерной специфичностью.

5.1.1. Процедура исследования

Выборка: 222 студента, 177 — женского пола, 45 — мужского, $M_{\text{возраст}} = 20,9$, $SD_{\text{возраст}} = 4,5$. В силу несбалансированности выборки по полу мы анализировали данные без учета фактора пола. Поскольку в других исследованиях показано, что образ домашней среды гендерно специфичен, расширение выборки представляет собой одну из ближайших перспектив нашей работы.

Методы исследования. Применялось три опросника. Опросник Функциональность домашней среды (ФДС) использовался дважды для оценки образов реального и идеального дома.

Для оценки показателей позитивного функционирования применялись адаптированные нами Шкала психологического благополучия (ШПБ) R. Tennant et al. и Шкала аутентичности A. Wood et al. (Tennant et al., 2007; Wood et al., 2008). Напомним, что Шкала психологического благополучия содержит 14 пунктов, отражающих наличие позитивного отношения к миру и себе, удовлетворенность качеством своей жизни. Шкала аутентичности содержит 12 пунктов и три субшкалы: Аутентичную жизнь, Подверженность внешним влияниям, Самоотчуждение. Две последние вносят отрицательный вклад в переживание аутентичности. Можно сказать, что психологическое благополучие и аутентичность —

разные аспекты позитивного функционирования; благополучие характеризует скорее уровень адаптации, аутентичность – уровень развития и самоактуализации.

Для обработки результатов использовалась программа *Statistica7*, применялся корреляционный и регрессионный анализ, подсчитывался непараметрический критерий U Манна–Уитни.

5.1.2. Результаты и их обсуждение

Полученные результаты показывают, что показатели функциональности идеального дома выше, чем реального, как в мужской, так и в женской подвыборке.

Таблица 5.1

Среднее значения и стандартное отклонение изучаемых показателей в мужской и женской подвыборке

Шкала	Юноши (N = 45)		Девушки (N = 177)	
	М	SD	М	SD
ФДС _р	20,5	4,2	20,9	3,9
Пр	5,4	1,1	5,5	1,1
Р _р	5,0	1,2	5,1	1,0
С _р	5,5	1,3	5,4	1,2
З _р	4,6	1,2	4,8	1,0
ФДС _{ид}	23,3	3,1	22,9	2,1
Пи _{ид}	6,3	0,8	6,3	0,5
Р _{ид}	5,7	1,0	5,4	0,7
С _{ид}	6,2	0,8	6,2	0,6
З _{ид}	5,2	0,9	5,0	0,8
ФДС _{ид} – ФДС _р	2,8	4,2	2,1	3,6
ШПБ	51,7	9,5	50,1	8,8
АЖ	18,9	4,7	18,0	5,3
ПВВ	14,5	5,3	14,8	4,9
С-е	12,5	6,3	12,4	5,9

Примечание: ФДС_р – Функциональность реальной домашней среды, Пр – Прагматичность реальной домашней среды, Р_р – Развитие реальной домашней среды, С_р – Стабильность реальной домашней среды, З_р – Защищенность реальной домашней среды; ФДС_{ид} – Функциональность идеальной домашней среды, Пи_{ид} – Прагматичность идеальной домашней среды, Р_{ид} – Развитие идеальной домашней среды, С_{ид} – Стабильность идеальной домашней среды, З_{ид} – Защищенность идеальной домашней среды, ФДС_{ид} – ФДС_р – разница между показателями функциональности идеального и реального дома, ШПБ – Шкала психологического благополучия, АЖ – Аутентичная жизнь, ПВВ – Подверженность внешним влияниям, С-е – Самоотчуждение.

Сравнение полученных значений показало, что в оценке параметров домашней среды между юношами и девушками обнаружено только одно значимое различие: у юношей существенно выше показатель Развития в образе идеального дома ($U = 3106,00$, $p = 0,020$), хотя, как ни странно, при меньшем объеме выборки многие показатели вариативности (стандартное отклонение) в мужской группе выше.

Обратимся к анализу внутригрупповых данных для получения ответа на вопрос о том, различаются ли, и если да, то насколько, оценки образов реального и идеального дома у юношей и девушек?

У юношей обнаружено, что все пять рассмотренных показателей значимо выше при оценке образа идеального дома: общей Функциональности ($U = 605,00$, $p = 0,001$), Прагматичности ($U = 510,00$, $p = 0,000$), Развития ($U = 634,00$, $p = 0,002$), Стабильности ($U = 660,00$, $p = 0,004$), Защищенности ($U = 757,50$, $p = 0,040$). С этим сочетается и то, что показатель дополнительного коэффициента $\Phi ДС_{ид} - \Phi ДС_{р}$ у них более высок по сравнению с девушками. Таким образом, образ реального дома действительно уступает по своим параметрам образу дома идеального – воображаемого и желаемого.

У девушек четыре показателя функциональности идеального дома (кроме Защищенности) значимо выше: общей Функциональности ($U = 10831,50$,

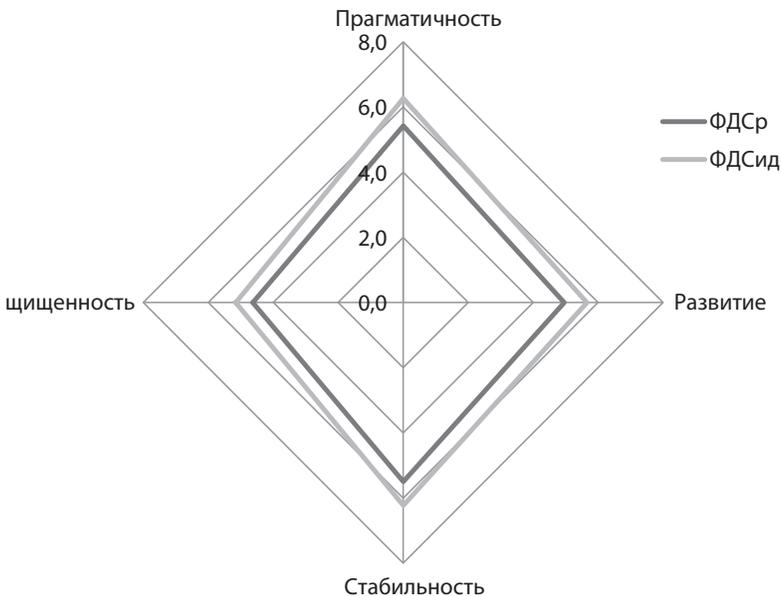

Рисунок 5.1. Образ реального и идеального дома у юношей

$p = 0,000$), Прагматичности ($U = 8253,00$, $p = 0,000$), Развития ($U = 13442,00$, $p = 0,020$), Стабильности ($U = 9113,00$, $p = 0,000$).

Это расхождение образов реального и идеального дома может свидетельствовать о депривированности некоторых повседневных потребностей, удовлетворять которые призван дом, а возможно, может отражать ненасыщаемость этих потребностей. У девушек реальное место обитания ближе к идеалу, у юношей — дальше от него (рис. 1 и 2). Как бы то ни было, мы убедились в том, что люди располагают образом идеального дома, который поддается описанию и даже исчислению. Проведенное исследование подтвердило первую гипотезу.

Следующий шаг нашего исследования состоял в проверке связи между характеристиками образов реального и идеального дома и показателями позитивного функционирования личности. Подсчеты показали, что действительно обнаружена положительная связь между дружественностью дома и позитивным функционированием, причем связей больше у образа реального дома по сравнению с образом идеального дома и значительно больше в группе девушек по сравнению с юношами (18 связей и три тенденции у девушек против двух связей и двух тенденций у юношей). Таким образом, образ дома коррелирует с психологическим благополучием и аутентичностью жизни, особенно такими ее составляющими, как

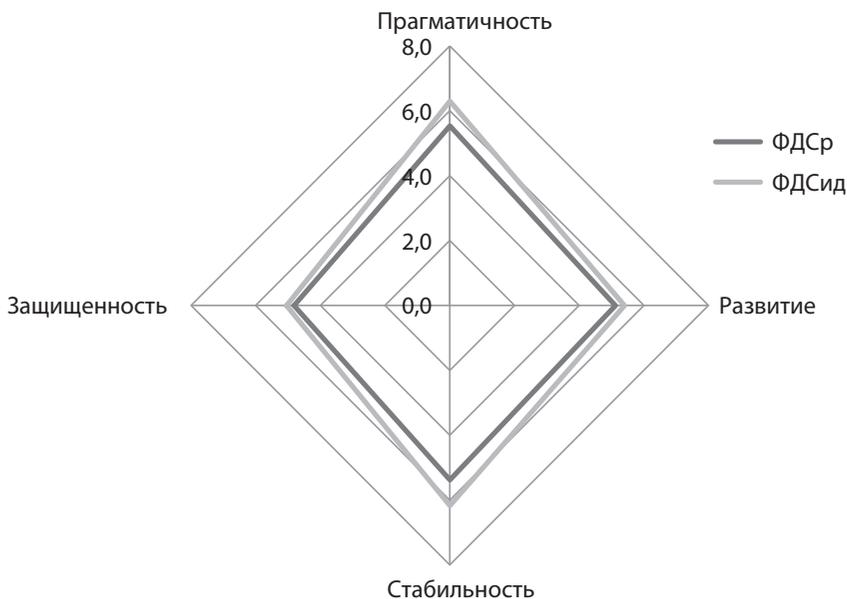

Рисунок 5.2. Образ реального и идеального дома у девушек

Аутентичная жизнь и Самоотчуждение. Введя дополнительный показатель разницы между функциональностью идеального и реального дома, мы также получили положительные связи с Благополучием и Аутентичной жизнью, отрицательную связь и тенденцию – с Подверженностью внешним влияниям и Самоотчуждением. Таким образом, чем меньше похож реальный дом на идеальный, тем хуже состояние и переживание человека. Связи хорошо интерпретируемы и не содержат в себе неожиданностей; связи с Самоотчуждением отрицательные.

Таблица 5.2

Связь характеристик образов реального и идеального дома (rs) и показателей позитивного функционирования личности

Шкала	Юноши (N = 45)				Девушки (N = 177)			
	ШПБ	АЖ	ПВВ	С-е	ШПБ	АЖ	ПВВ	С-е
ФДСр	0,12	-0,11	0,21	0,14	0,40***	0,18***	-0,14*	-0,26***
Пр	0,13	-0,07	0,19	0,16	0,36***	0,12	-0,13*	-0,26***
Рр	0,08	-0,09	0,19	0,13	0,36***	0,19***	-0,13*	-0,24***
Ср	0,13	-0,15	0,18	0,10	0,34***	0,18**	-0,12	-0,24***
Зр	0,01	-0,18*	0,28	0,17	0,36***	0,12	-0,10	-0,15**
ФДСид	0,26*	-0,04	0,19	-0,03	0,17**	0,09	0,01	0,00
Пид	0,30**	0,03	0,13	-0,05	0,06	0,07	-0,07	0,06
Рид	0,26*	-0,02	0,18	0,04	0,24***	0,08	-0,02	-0,02
Сид	0,30**	0,09	0,07	-0,15	0,12	0,06	-0,06	-0,01
Зид	0,09	-0,16	0,25*	0,02	0,13	0,07	0,11	0,01
ФДСид – ФДСр	0,06	0,10	-0,13	-0,13	-0,31***	-0,14*	0,18***	0,25***

Примечание: Расшифровку названий шкал см. в примечании к табл. 5.1.

Интересно, что у юношей относительно сильнее по сравнению с девушками просматриваются связи образа идеального дома, что может быть использовано в практической психологии: вполне возможно, что для девушек поддерживающим и психотерапевтическим оказывается повседневное, бытовое взаимодействие со своим домом, а для юношей – мечты о доме воображаемом. Образ реального дома у юношей слабо связан с позитивным функционированием; этот результат подводит нас к предположению о гендерной специфичности использования домашней среды как поддерживающей. Для проверки этого предположения нами был предпринят регрессионный анализ, в котором зависимыми переменными выступили параметры позитивного функционирования, а независимыми – характеристики функциональности домашней среды.

Регрессионный анализ показал, что, в соответствии с нашими ожиданиями, у девушек Защищенность реального дома и показатель шкалы Развития оказались предикторами психологического благополучия (со-

ответственно $\beta = 0,22$ и $\beta = 0,25$ при $p \leq 0,000$), Прагматичность дома антипредиктором благополучия ($\beta = -0,21$ при $p \leq 0,000$), а дополнительный коэффициент различия между функциональностью идеального и реального дома оказался антипредиктором Аутентичной жизни ($\beta = -0,34$ при $p \leq 0,000$).

Отметим, что в логике основного инструмента исследования, опросника Функциональность домашней среды, Защищенность подразумевает именно социальную защищенность – конкретизацию социальной идентичности с использованием дома как послания, как отчетливости социальных амбиций и межличностных предпочтений обитателей. Другой предиктор – показатель шкалы Развития – содержит в себе возможность стимулирующие активность человека, существенную для его личностного роста, а не бытового комфорта. Именно эти две характеристики дома оказались для девушек наиболее значимыми, привносящими свой вклад в переживание благополучия. Очевидно, что ранняя молодость является центральным возрастным периодом человека для социального, личностного и профессионального развития. Учитывая, что все респонденты на момент проведения исследования – учащиеся высших учебных заведений, их потребность в стимулирующем эффекте жилой среды кажется оправданной. Информационно обогащенная среда конструктивно влияет на профессиональное и социальное благополучие.

Что же касается Прагматичности, то, как ни странно, удобный в бытовом отношении дом стимулирует переживание психологического неблагополучия. Этот достаточно неожиданный результат мы можем объяснить возрастными особенностями исследуемой выборки: большинство респондентов продолжают жить в родительском доме, и его бытовые возможности обслуживают потребности и давно сложившиеся привычки более взрослых обитателей.

В группе юношей регрессионный анализ не выявил никаких связей. Этот результат свидетельствует о высокой гендерной специфичности поддерживающей функции домашней среды, что неудивительно в контексте уже описанных программ маскулинного поведения и в свете данных о коллизии «очаг–космос» в ходе становления человеческой личности.

Итак, данная серия исследований показала, что действительно образ дома связан и вносит вклад в параметры позитивного функционирования личности – переживание психологического благополучия и аутентичности личности. Образ реального дома более весом в позитивном функционировании по сравнению с образом дома идеального, который практически не связан с состоянием личности. Образ идеального дома ближе к совершенному, и все изучаемые показатели его дружественности в нем выше. Интересно, что расхождение образов реального и идеального дома более выражено в группе юношей, однако это обстоятельство не сказывается на их самооощущении: те немногочисленные связи, что об-

наружены между образом идеального дома и благополучием, найдены преимущественно в мужской группе. Это вполне сочетается и с другими наблюдениями, подтверждающими более высокую реалистичность женщин и аутистичность устремлений мужчин (Нартова-Бочавер, 2011). В то же время этот факт наделяет нас онтологическим оптимизмом: даже в отсутствие благоустроенного или, возможно, любого собственного дома существует его идеальный образ, присутствие которого небезразлично для благополучия человека. Таким образом, все три выдвинутые нами гипотезы нашли свое подтверждение.

С другой стороны, наши исследования показывают относительность любого бытийного ресурса, его гендерную и, вероятно, возрастную специфичность: повседневные усилия женщин по обживанию и персонализации собственного дома иллюстрируют, как женщины улучшают реально существующий мир, в то время как мужчины стремятся сделать его идеальным.

5.2. Границы физические и психологические: исследование психологической суверенности и дружелюбности домашней среды

Следующее исследование, также посвященное позитивным коррелятам дружелюбности домашней среды, продолжает незавершенную тему психологии личности — взаимодействие и взаимовлияние человека и мира. На этот раз мы планировали исследовать, есть ли соответствие между «объективной» и субъективной защищенностью человека, между качествами его дома и способностью защищать свои личностные границы, которую мы обозначаем как психологическую суверенность. Суверенность позволяет сохранять баланс между своими потребностями и потребностями других людей, и в этом состоит ее высокий адаптивный и социальный смысл (Валединская, Нартова-Бочавер, 2002; Нартова-Бочавер, 2013). Согласно нашим данным, психологическая суверенность представляет собой черту личности второго порядка, которая складывается в повседневных ситуациях по ходу жизненного пути и сопутствует переживанию собственной онтологической уместности в заданных пространственно-временных обстоятельствах, аутентичности, личностной компетентности (Нартова-Бочавер, 2007, 2015). Суверенность проявляет себя по отношению к разным составляющим психологического пространства личности — собственному телу человека, его территории, личным вещам, временной самоорганизации, контактам, вкусам. Низкий уровень суверенности мы называем депривированностью; он знаменует неспособность субъекта оберегать свою эмпирическую личность и сопротивляться влияниям извне. Высокий уровень, сверхсуверенность,

отражают тенденцию внедряться в пространство других. И то и другое свидетельствует о дезадаптированности человека, но в первом случае — по невротическому, во втором — по психотическому типу.

На примере такого внутриличного феномена, как психологическая суверенность, и такого бытийного объекта, как домашняя среда, нам бы хотелось продемонстрировать не прямой и неоднозначный характер взаимодействия человека и мира: ведь в соответствии с принципом дополнительности психологические сущности иногда продолжают и дублируются, а иногда компенсируются в реальном бытии. И суверенность, и дружелюбность домашней среды есть феномены границ, внутренних или внешних; обе переменные — корреляты психологического благополучия человека. И потому было интересно исследовать, действительно ли дети, растущие в хороших домашних условиях, вырастают устойчивыми субъектами, умеющими контролировать свои границы и не позволяющими миру внедряться в них слишком сильно?

Гипотеза исследования: чем выше уровень дружелюбности домашней среды, тем выше уровень психологической суверенности субъекта.

5.2.1. Процедура исследования

Выборку составили 160 добровольцев ($M_{\text{возраст}} = 20,8$, $SD_{\text{возраст}} = 4,3$, 121 — женского пола, 39 — мужского, москвичи, студенты). Состав выборки был обусловлен задачами исследования (обнаружено, что подростково-юношеский возраст очень сензитивен к развитию суверенности) и реальной ситуацией проведения исследования (респонденты — студенты гуманитарных факультетов, поэтому выборку было сложно выровнять по полу).

Методы исследования. Для изучения психологической суверенности использовалась обновленная версия опросника, включающая 67 пунктов и шесть субшкал (СПП-2019) (Нартова-Бочавер, 2014). Для диагностики качества домашней среды использовался комплект опросников: опросник Функциональность домашней среды (ФДС) и Релевантность домашней среды (РДС).

Для анализа данных использовались непараметрические статистические методы — подсчет критерия U Манна–Уитни, корреляционный и регрессионный анализ.

5.2.2. Результаты и их обсуждение

5.2.2.1. Связь суверенности и дружелюбности домашней среды

Обратимся к анализу полученных данных. В полном соответствии с гипотезой, показатели дружелюбности домашней среды положительно связаны с разными аспектами суверенности, причем наиболее сильной эта связь оказалась для двух субшкал, а именно — для Суверенности террито-

рии и Социальных контактов. Это вполне отвечает двум главным функциям дома в жизни каждого человека — защищать и дать возможность быть с близкими людьми. Нет ни одного измеряемого нами аспекта дружелюбности дома, который не имел бы хорошо интерпретируемых связей, согласующихся с ранее полученными данными. Неудивительно также и то, что показатели Отчужденности связаны с суверенностью отрицательно — в доме ломающемся, неудобном, ненадежном чувство прочности собственных границ, очевидно, страдает, и «средовая цена» субъекта падает.

Таблица 5.3

**Связь (rs) уровня психологической суверенности
с функциональностью и личностной релевантностью
домашней среды**

Шкала	ФДС	П	Р	С	З	РДС	У	Ре	Са	Э	О	Пл	И
СПП-2010	0,18**	0,14*	0,21**	0,17**	0,13*	0,20**	0,20**	0,14*	0,13*	0,25***	-0,26***	0,05	0,09
СФТ	0,16**	0,09	0,23***	0,12	0,11	0,09	0,10	0,06	0,06	0,20***	-0,11	-0,07	0,05
СТ	0,18**	0,15*	0,17**	0,16**	0,15**	0,18**	0,20*	0,17**	0,11	0,19**	-0,24***	0,08	0,18**
СВ	-0,01	0,11	0,06	0,12	0,12	0,10	0,06	0,03	0,06	0,06	0,16**	-0,15**	-0,06
СП	0,01	-0,01	0,05	-0,01	-0,02	0,19**	0,19**	0,08	0,13*	0,17**	-0,20***	0,05	0,14*
СС	0,21**	0,19**	0,23***	0,20***	0,14	0,23***	0,24***	0,13**	0,13	0,21***	-0,19***	0,12	0,16**
СЦ	0,13*	0,12	0,13	0,13	0,09	0,18**	0,21***	0,14*	0,10	0,19**	-0,26***	0,09	0,05

Примечание: N = 160. * – связи значимы в тенденции при $0,05 \leq p \leq 0,1$; ** – связи значимы при $p \leq 0,05$, *** – связи значимы при $p \leq 0,01$.
ФДС – Функциональность домашней среды, П – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность; РДС – Релевантность домашней среды, У – Управляемость, Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, Э – Эргономичность, О – Отчужденность, Пл – Пластичность, И – Историчность, СФТ – Суверенность физического тела, СТ – Суверенность территории, СВ – Суверенность вещей, СП – Суверенность временных привычек, СС – Суверенность социальных контактов, СЦ – Суверенность ценностей.

Но некоторые факты выпадают из логики анализа, и они связаны в основном с Суверенностью личных вещей. Оказывается, что в доме, где все ломается (высокий уровень Отчужденности), человек сильнее привязывается к своим личным принадлежностям, возможно, представляющим для него оплот порядка в хаотичном домашнем мире. Если в доме везде беспорядок, — все же можно беречь свою одежду, сумку и пр., не меняться этими вещами, никому их не одалживать.

Пластичность домашней среды также имеет отрицательные связи и тенденции к связям с суверенностью. Это может быть понятным с учетом возраста выборки: наши респонденты недавно вышли из подросткового периода и еще не имеют, как правило, собственного жилища. Пластичность дома обычно связана не с их собственными инициативами, а проявляется в решениях родителей, которых, как и в подростковом возрасте, студенты все еще продолжают воспринимать агентами внедрения.

Пластичность, видимо, выступает не как трансформируемость, а скорее как непредсказуемость — кто знает, как еще родители переставят мебель или даже стены? Лучше бы они оставили все как есть.

Таким образом, большинство характеристик домашнего пространства связаны с суверенностью синергетически — надежный дом укрепляет границы, вновь и вновь подтверждает их. Однако высокая отчужденность пробуждает компенсаторное желание что-то противопоставить миру, не принимать его вызовы, создать очаг порядка, которым, по-видимому, и оказываются личные вещи как наиболее управляемый элемент среды.

5.2.2.2. Модерирование полом

Для уточнения полученных связей мы разделили выборку по полу (табл. 5.4). Сравнение показателей (как суверенности, так и дружелюбности домашней среды) не обнаружило значимых различий, за исключением Суверенности социальных связей, показатель которой значимо выше в мужской подгруппе ($U = 1570,50$, $p \leq 0,001$).

Таблица 5.4

Показатели дружелюбности домашней среды и суверенности в группах разного пола

Дружелюбность домашней среды													
Шкала	ФДС	П	Р	С	З	РДС	У	Ре	Са	Э	О	Пл	И
Юноши	20,20	5,30	5,00	5,20	4,70	18,40	3,90	3,70	3,30	3,30	2,30	3,00	3,40
Девушки	18,60	4,90	4,60	4,80	4,30	18,30	3,90	3,80	3,30	3,20	2,10	3,00	3,10
Психологическая суверенность													
Шкала	СПП-2010		СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ					
Юноши	25,10		3,40	3,70	4,40	3,80	3,90	5,90					
Девушки	19,20		2,80	3,10	4,30	3,10	1,90	3,90					
<i>Примечание:</i> мужчины $n = 39$, женщины $n = 121$. Расшифровка названий шкал приведена в примечании к табл. 5.3.													

Однако подсчет корреляций для всех переменных в группах разного пола показал, что отношения с домом строятся неодинаково у юношей и девушек (табл. 5.5 и 5.6). Если в женской группе было обнаружено 25 значимых связей и восемь тенденций к связи между суверенностью и дружелюбностью домашней среды, то в мужской группе было всего семь связей и девять тенденций. Возможно, этот результат связан с небольшим объемом выборки; однако можно ожидать, что он отражает различие отношения к дому, который женщины используют для того, чтобы жить, а мужчины — чтобы выходить из него, возвращаться и восстанавливаться между перемещениями по иным территориям. Интересно, что у юношей с надежным домом связана в первую очередь Суверенность социальных

связей, а у девушек – территории; это определяет нюансы переживания собственной онтологической уместности – для девушек это чувство, что они на своей земле, «у себя», для юношей – что в группе близких, «среди своих», и могут проявлять избирательность. Если принять во внимание гендерные различия поведения, можно полагать, что жилище помогает «нарастить» то, что первоначально дефицитарно в силу наличия гендерных программ поведения (Нартова-Бочавер, 2008).

Таблица 5.5

Связь (rs) уровня психологической суверенности с функциональностью и релевантностью домашней среды у юношей

Шкала	ФДС	П	Р	С	З	РДС	У	Ре	Са	Э	О	Пл	И
СПП-2010	0,69	0,75	0,80	0,74	0,59	1,61	1,25	2,41**	1,15	1,89*	-0,35**	0,09	0,04
СФТ	0,20	0,18	0,17	0,17	0,16	0,22	0,18	0,37**	0,17	0,25	-0,32**	0,09	0,00
СТ	-0,11	-0,12	-0,18	-0,15	0,00	0,03	0,05	0,23	-0,03	0,09	-0,16	0,03	-0,23
СВ	0,01	0,00	0,06	0,04	0,09	0,21	0,12	0,24	0,13	0,27	-0,20	0,05	0,07
СП	0,01	0,03	0,01	0,03	0,00	0,23	0,15	0,23	0,23	0,29*	-0,30*	0,07	0,09
СС	0,30*	0,30*	0,31*	0,33**	0,21	0,24	0,28*	0,27	0,20	0,22	-0,30*	0,18	0,09
СЦ	0,15	0,12	0,16	0,12	0,16	0,19	0,15	0,31*	0,10	0,23	-0,41***	0,06	0,07

Примечание. N = 39. * – связи значимы в тенденции при $0,05 \leq p \leq 0,1$; ** – связи значимы при $p \leq 0,05$, *** – связи значимы при $p \leq 0,01$.

Впрочем, все связи и тенденции синергетичны: в дружественном доме и у мужчин, и у женщин уровень суверенности выше, однако вклад дома в формирование суверенности более значителен в женской группе.

Таблица 5.6

Связь (rs) уровня психологической суверенности с функциональностью и релевантностью домашней среды у девушек

Шкала	ФДС	П	Р	С	З	РДС	У	Ре	Са	Э	О	Пл	И
СПП-2010	0,16*	0,11	0,19**	0,16*	0,10	0,18**	0,20**	0,07	0,10	0,22***	-0,24***	0,05	0,08
СФТ	0,14	0,06	0,24***	0,10	0,09	0,05	0,09	-0,03	0,01	0,17*	-0,06	-0,09	0,06
СТ	0,25***	0,21**	0,25***	0,23***	0,19**	0,23***	0,25***	0,16*	0,16*	0,23***	-0,26***	0,10	0,04
СВ	0,12	0,06	0,12	0,12	0,09	0,01	0,00	-0,01	0,02	0,12	-0,14	-0,10	0,00
СП	-0,02	-0,04	0,04	-0,04	-0,06	0,17*	0,20**	0,03	0,07	0,12	-0,18***	0,06	0,14
СС	0,15*	0,14	0,17*	0,14	0,09	0,22**	0,22**	0,10	0,10	0,19**	-0,22**	0,13	0,13
СЦ	0,10	0,10	0,09	0,11	0,04	0,18**	0,24***	0,09	0,09	0,18**	-0,24***	0,12	0,01

Примечание. N = 121. * – связи значимы в тенденции при $0,05 \leq p \leq 0,1$; ** – связи значимы при $p \leq 0,05$, *** – связи значимы при $p \leq 0,01$.

Чтобы уточнить данные, был осуществлен регрессионный анализ, в котором независимыми переменными были показатели дружелюбности жилища, а зависимыми – аспекты суверенности.

Получены хорошо интерпретируемые результаты. У юношей было обнаружено, что качеством жилища определились всего три аспекта суверенности. Ресурсность домашней среды оказалась предиктором общего показателя и Суверенности тела ($\beta = 0,54$, $p = 0,05$; $\beta = 0,59$, $p = 0,05$). Иначе говоря, телесность обретает прочные считываемые границы, если дом предоставляет много практических возможностей развития, то есть человек имеет возможность экспериментировать над средой. Поскольку тело включено в это взаимодействие, то постоянные насыщенные информацией средовые ответы повышают компетентность в самопознании и самоуправлении, то есть укрепляют границы. Однако Суверенность временных привычек ниже, если высока Пластичность среды ($\beta = -0,63$, $p = 0,03$). Этот результат тоже понятен: в слишком изменчивой среде временной порядок, стабильные привычки противостоят хаосу.

У девушек оказались обусловлены качеством дома, в котором они жили, четыре из семи показателей суверенности. Суверенность тела выше в доме, дающем возможность Развития, и Эргономичном ($\beta = 0,64$, $p = 0,002$; $\beta = 0,38$, $p = 0,007$). Суверенность вещей ниже, если дом слишком Прагматичен – возможно, в таком доме личные вещи доступны другим членам семьи или экономно используются по очереди ($\beta = -0,65$, $p = 0,03$). Если же дом обладает высокой Ресурсностью, то Суверенность временных привычек у девушек также ниже ($\beta = -0,36$, $p = 0,02$): трудно сохранять свой режим, потому что существует много внешних причин, чтобы он был нарушен; возможности жилища манят, отвлекают, развлекают. Наконец Суверенность социальных контактов ниже у обитателей дома Отчужденного, куда сложно кого-то пригласить ($\beta = -0,27$, $p = 0,02$), но выше у тех, кто живет в доме Историчном, связанном с личной биографией и историей семьи ($\beta = 0,19$, $p = 0,05$).

Заключая, можно сказать, что параметры дружелюбности домашнего жилища действительно вносят вклад в предсказание становления психологической суверенности как черты личности в разных ее аспектах, причем в женской группе эта закономерность выражена сильнее. Но не всегда дружелюбность дома стимулирует развитие суверенности: иногда суверенность усиливается «от противоположного», и наоборот, по-видимому, оказывается избыточной и уменьшается в доме дружелюбном. Таким образом, в этой серии исследования мы обнаружили присутствие как синергетических, так и компенсаторных отношений между домом и его обитателями. Однако связи значимы и убедительны: зная, в каком доме живет человек, можно прогнозировать уровень и содержание психологической суверенности как черты личности.

5.2.2.3. Модерирование уровнем суверенности (контрастные группы)

Следующий шаг в изучении специфики взаимодействия дома и его обитателей был подсказан ранее полученной информацией о том, что те респонденты, которые имеют показатели суверенности ближе к «хвостам» распределения, хуже адаптированы. Нами были выделены крайние группы распределения по значению первого и третьего квартилей, которые составили соответственно пять и 34 единицы. Объем групп был приблизительно одинаковым: 39 попали в группу депривированных, 41 – сверхсуверенных, в первой группе было шесть юношей, во второй – 13.

Данные показывают, что в подгруппе депривированных условия жизни практически по всем параметрам хуже (рис. 5.3): показатели дружелюбности ниже, а показатель Отчужденности – выше. Подсчет критерия U Манна–Уитни позволил выделить семь значимых различий и четыре тенденции по шкалам Функциональности домашней среды ($U = 568,00$, $p = 0,03$), Прагматичности ($U = 607,00$, $p = 0,06$), Развития ($U = 561,50$, $p = 0,02$), Стабильности ($U = 600,00$, $p = 0,05$), Защищенности ($U = 616,50$, $p = 0,08$), Релевантности домашней среды ($U = 526,00$, $p = 0,01$), Управляемости ($U = 519$, $p = 0,01$), Ресурсности ($U = 608,50$, $p = 0,07$), Самопрезентации ($U = 621,00$, $p = 0,09$) и Эргономичности ($U = 506,00$, $p = 0,00$). Эти результаты вполне согласуются с идеей о том, что домашняя среда формирует чувство защищенности и собственного достоинства, отражаясь в переживании суверенности.

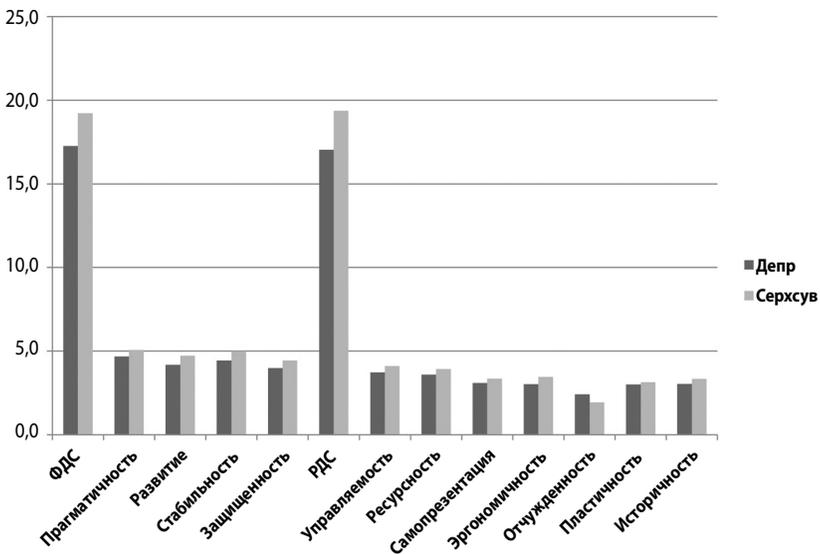

Рисунок 5.3. Показатели дружелюбности домашней среды в подгруппах депривированных и сверхсуверенных юношей и девушек

Однако дальнейший анализ приводит к очень нетривиальным выводам.

Корреляционный анализ позволил обнаружить всего одну значимую связь и одну тенденцию между домашней средой и показателями суверенности у депривированных, они положительны: Суверенность ценностей выше, если жилище Управляемо ($r_s = 0,32$, $p = 0,05$), а Суверенность социальных связей выше, если дом предоставляет возможность Самопрезентации ($r_s = 0,31$, $p = 0,06$).

В группе сверхсуверенных оказалось восемь связей и три тенденции, но самое примечательное – они имеют отрицательный характер. Для экономии места мы представили только значимые зависимости (табл. 5.7).

Таблица 5.7

Связь (r_s) показателей суверенности и дружелюбности домашней среды в группе сверхсуверенных

Шкала	ФДС	П	Р	С	З	У	Ре	Э	Пл
СПП-2010			-0,34**					-0,31**	-0,29*
СФТ			0,30*						
СВ						-0,29*			
СП	-0,37**	-0,35**	-0,40**	-0,35**	-0,36**		-0,33**		

Примечание. N = 41. * – связи значимы в тенденции при $0,05 \leq p \leq 0,1$; ** – связи значимы при $p \leq 0,05$, *** – связи значимы при $p \leq 0,01$.

Для уточнения полученных связей был предпринят регрессионный анализ. Обнаружено, что в группе депривированных показатели дружелюбности домашней среды предсказывают четыре аспекта суверенности, все предикторы положительны. Так, Управляемость среды вносит вклад в общую Суверенность ($\beta = 0,67$, $p = 0,05$) и Суверенность вкусов ($\beta = 0,66$, $p = 0,04$), Развитие – в Суверенность привычек ($\beta = 1,04$, $p = 0,04$) и Социальных контактов ($\beta = 1,08$, $p = 0,04$). Таким образом, дом, жилище – это то, что укрепляет своих обитателей, если те изначально слабо защищены. В группе депривированных просматриваются синергетичные отношения обитателей с домом, несмотря на то, что этот дом не очень уютен и даже не слишком им подходит.

В группе сверхсуверенных обнаружены только два антипредиктора. Респонденты особенно сильно защищают свое имущество, собственность (Суверенность вещей), если дом не дает возможности Развития ($\beta = -1,35$, $p = 0,03$) и, напротив, легкомысленно относятся к собственности, если дом – значимый источник Развития. Помимо этого, Суверенность социальных связей ниже в доме с высокой Ресурсностью, то есть дом манит других людей, оказывается очень проницаем для контактов, в том числе, возможно, и не самых желательных. А вот если Ресурсность дома невелика, то обитатели начинают особенно оберегать и ценить свой социальный круг ($\beta = -0,55$, $p = 0,05$). Возможно, потому что люди – это тоже ресурс.

Как бы то ни было, установление личных границ сверхсуверенными интенсифицируется, когда условия жизни становятся хуже, то есть этот механизм имеет выраженный компенсаторный характер. Однако запускается он при достижении некоторого, причем достаточно высокого, порогового значения дружелюбности жилища: если же параметры домашней среды с самого начала неблагоприятны, то субъект «сливается» со средой, настраивается на нее, ищет ресурсы, но не в силах противостоять ей, подниматься над «полем» своего жилища.

Этот парадоксальный эффект связан, возможно, с запасом психологической прочности, которой располагают люди, живущие в разных условиях. Позволим себе некоторую спекуляцию, которая, несомненно, нуждается в дальнейшем эмпирическом подтверждении.

Можно предположить, что депривированные существуют на грани выживания — условия их жизни столь неблагоприятны, что у них нет ни возможности укрепить себя в достаточной мере, ни готовности сепарироваться от этих условий. Если дома все становится хуже, уровень их суверенности тоже падает. Зато они ищут и находят все то небольшое полезное, что в их жилище все же присутствует. Они чувствительны к ресурсам дома и с благодарностью их используют, продолжая жить на нижнем уровне комфорта, в состоянии симбиоза со своей скудной домашней средой. Эта форма существования экономна и не требует расходов энергии, избытка которой у депривированных обычно не отмечается.

У сверхсуверенных радикально иная ситуация. Живя в условиях объективно дружелюбных, они достаточно сильны, чтобы не сливаться с окружающей средой. В отличие от депривированных, они имеют запас прочности, и потому ухудшение жилищных условий (которые, по-видимому, все равно остаются достаточно хорошими) стимулирует эффекты укрепления границ, возможно, через сепарацию. Чем хуже мир вовне, тем важнее защищать мир внутри; таким образом, представители этой группы умеют извлекать психологические бонусы, принимая вызовы извне.

Итак, можно заключить, что гипотеза подтвердилась лишь частично. В зависимости от начальных средовых условий мы получаем два механизма взаимодействия человека и его дома. Оба они условно адаптивны (поскольку характерны для крайних групп) и могут приводить к укреплению личностных границ, однако разными путями. Депривированные живут в не очень благоприятных условиях, имеют слабые личностные границы, реагируют на изменение дружелюбности домашней среды прямым способом. Сверхсуверенные живут в хороших условиях, имеют даже избыточно прочные границы и повышают их прочность, если дружелюбность домашней среды понижается.

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволяет заключить, что отношения между личностью и ее домом, а возможно, повседневным миром вообще неоднозначны, контекстуальны, зависят от начальных условий, состояния личности, момента ее развития, меняя

свою направленность вплоть до противоположной. Принцип дополнителности в исследовании динамики личностных черт ориентирует на уточнение характера этой связи и сущности адаптивных механизмов личности. Очевидно, что в условиях дефицита внешних и внутренних ресурсов наиболее выигрышная стратегия — использовать все возможности своего жилища, проявляя высокую чувствительность к этим ресурсам. Личность функционирует гомеостатически, адаптивно, стремясь достигнуть среднего уровня психологической суверенности.

В условиях изобилия внешних и внутренних ресурсов человек может себе позволить роскошь риска, противопоставления, эксперимента. Между домом и его обитателем складываются компенсаторные отношения, и человек укрепляет свои личностные границы в ответ на признаки недружественности домашней среды. Однако надо принимать во внимание, что это ухудшение все равно не доходит до самых высоких показателей дружественности в группе депривированных. То есть личностные эксперименты осуществляются в защищенных условиях, в «заповеднике», это своего рода игра барышни в крестьянку. В этом случае человек может себе позволить безопасно для себя выйти за границы своей личности, повести неадаптивно. В первом случае бытийное и феноменальное дублируются, во втором — дополняют друг друга, образуя единый жизненный мир.

Таким образом, связи между внешними и внутренними границами оказались неоднозначными, как неоднозначными были попытки философов соотнести между собой внешнее и внутреннее в человеческом бытии вообще. Полученные результаты могут быть использованы в прикладной психологии для уточнения возможности психоразвивающих программ в зависимости от актуального состояния личностных границ и характеристик объективно домашней среды.

5.3. Дом как источник личностной защищенности, безопасности и психологического благополучия

Еще один ракурс исследования дома с его рутинными практиками, стабилизирующими состояние человека и упорядочивающими его жизнь, подводит нас к необходимости изучить характеристики дома и уровень психологического благополучия его обитателей юношеского и молодого возраста. В этой серии мы вновь возвращаемся к важнейшей для отечественной психологии теме соотношения внешнего и внутреннего. В самом деле, дом как предметно-пространственное явление возник, чтобы защищать человека — телесное, материальное существо. Однако может ли дом сделать его психологически более защищенным, благополучным, спокойным?

Личностную (психологическую) защищенность мы понимаем как субъективную уверенность в отсутствии внешних и внутренних угроз, которой сопутствует позитивный эмоциональный фон, готовность проти-

востоять вызовам, выражающаяся в высокой жизнестойкости, и уверенность в себе. Очевидно, это сложный феномен, который может быть описан только комплексом психологических качеств и измерен при помощи нескольких взаимодополняющих методик. Поскольку черты личности и ее состояния высоко коррелируют, для нас методологически не существенно в рамках данной работы разведение двух модусов защищенности, однако в прагматических целях мы все же различаем ее ситуативно-эмоциональные маркеры (позитивный и негативный аффекты, симптоматическая депрессия) и диспозиционные (самооценка, устойчивость, благополучие) (Харламенкова, 2015, 2015б). Понятие защищенности во многом пересекается с понятием психологического благополучия.

Переживание ситуативной защищенности или присутствие защищенности как черты личности напрямую связано с условиями жизни человека — требованиями среды по отношению к нему и теми ресурсами, «несущей способностью», которую ему предоставляет среда. Связь человека и его жилища неистребима и глубока; даже те, кто имел только временное жилище, чувствуют себя более защищенными, чем бездомные люди, которые не просто лишены комфорта, но приобретают особые личностные деформации, приводящие к неспособности уважать себя и других людей (Dovey, 1985; McNaughton, 2010; Wright, Bret, 2007). Образ дома имеет многослойный характер, и, наряду с представлением реально существующего жилища, включает архетипическое представление дома как убежища, восходящее к «чувству гнезда» и инстинкту территориальности, которое есть у каждого (Бочавер, 2015; Нартова-Бочавер, 2001; Филиппова, 2001; Фландерс, 2016). Во многих культурах детские игры используют волшебную реплику «Я в домике!» для обозначения неприкосновенности ребенка, его особого статуса в игровой ситуации.

В этнографии и антропологии неоднократно отмечалось, что первоначально жилище возникло именно для защиты от опасностей внешнего мира. Социальные антропологи и исследователи фольклора отмечают, что дом — диалектичный феномен, который укрывает человека благодаря крыше, однако предполагает контакт с внешним миром посредством отверстий — дверей и окон; если их не будет, дом превращается в гроб и становится синонимом смерти (Филиппова, 2001; Ingold, 2002). В народном творчестве, отражающем стихийно сложившиеся бытийные практики самопомощи, присутствуют правила и нюансы использования этих отверстий, которым необходимо следовать в целях собственной безопасности: так, дверь предназначена для людей, а окно или полуоткрытая дверь — для нечистых сил. В русском эпосе отмечался (хотя и нарушаемый) запрет на убийство человека внутри его жилища; экзекуции должны были осуществляться за его пределами. Многообразие функций дома, отмеченное нами в предшествующих главах, делает его важным фактором развития человеческой идентичности, и потому неудивительны психоаналитические параллели дома и личности его обитателей, облада-

ющей противоречиями, умеющей противостоять внутренним и внешним искушениям (Easthope, 2004; Korosez-Serfaty, 1985).

В то же время нами показано, что функционал дома как универсальной жизненной среды человека обладает специфичностью в зависимости от дополнительных переменных — пола и возраста его обитателей, а также качеств самого жилища (Дмитриева, 2015; Нартова-Бочавер и др., 2015a; Vorkinn, Riese, 2001; Bochaver et al., 2015a; Bochaver et al., 2015b; Reznichenko et al., 2016). Диалектическая природа дома проявляется в том, что он не только укрывает от внешнего мира, но также дает возможность подготовиться к встрече с ним и спланировать эту встречу — взять таймаут, включить «модель психического» и увидеть свой дом глазами чужака.

«Инженер намеревался разделить правую половину пещеры на ряд комнат с общей прихожей и осветить их с помощью пяти окон и двери. Пенкроф охотно согласился на пять окон, но не понимал, к чему нужна дверь. Ведь водоспуск представляет собою естественную лестницу, по которой всегда будет легко войти в Гранитный Дворец.

— Друг мой, возражал ему Сайрес Смит, — если нам с вами легко проникнуть в наше жилище через водосток, то это будет нетрудно и всякому другому. Наоборот, я намерен заткнуть отверстие водоспуска, герметически закрыть его и, если понадобится, даже совершенно замаскировать вход, подняв уровень воды посредством плотины.

— А как же мы будем входить? — спросил Пенкроф.

— По наружной лестнице, — ответил Сайрес Смит, по веревочной лестнице. Когда мы поднимем ее, наше жилище окажется совершенно не доступным» (Верн, 1956, с. 179).

Если рассматривать дом в контексте оппозиции «очаг — космос», то понятно, что он может не только удерживать в себе обитателей, но и стимулировать их к поиску приключений, новых впечатлений. В зависимости от пола различаются и субъективно воспринимаемые границы дома (Dovey, 1985), и взаимосвязанные задачи, которые решает дом в человеческой жизни: 1) рутина — бегство от рутины и 2) бытие среди других людей — бытие наедине с собой (Нартова-Бочавер, 2006; Case, 1996). Поэтому можно условно говорить о «встроенных» и «вынесенных» функциях дома. «Встроенные» реализуются в действиях, связанных с домашней рутинной, они упорядочивают повседневную человеческую жизнь «здесь-и-теперь», уменьшают уровень разных видов неопределенности и энтропии в целом. Их действие заканчивается, как только человек выходит из дома. «Вынесенные» функции направлены на долговременное благополучное существование человека даже за пределами его дома, это своего рода «телескопическая» подпитка его личности во время встречи с Иным. Они «вынесены» и во времени, и в пространстве. «Встроенные» относятся к повседневному образу дома, «вынесенные» — еще и к универсальному и потому могут иметь место быть даже у бездомных или давно разлученных с домом людей. Для женщин дом — это повседневность,

для мужчин — часто нечто праздничное и возвышенное, тихий берег, поэтическая «гавань», в которой они, впрочем, не намерены задерживаться надолго (Нартова-Бочавер, 2016). Можно ожидать, что не только сила связи человека с домом, но и целевые характеристики личности, на изменение которых влияют качества домашней среды, также различаются у мужчин и женщин.

С другой стороны, люди проводят много времени в разного рода временных жилищах — отелях, общежитиях, снимаемых квартирах. Можно предположить, что поддерживающий функционал таких жилищ отличается от функционала дома своего, стабильного, долговременного в сторону усиления текущих прагматичных функций: едва ли такое жилье внесет существенный вклад в развитие идентичности субъекта и укрепление переживания аутентичности жизни, однако вполне может способствовать поддержанию чувства защищенности и текущего благополучия. Долговременное диспозициональное чувство защищенности, возможно, при этом будет по-прежнему поддерживаться идеей архетипического дома или образом того собственного дома, который остался далеко.

И, наконец, мы не можем оставить без внимания возрастные характеристики нашей выборки — юношеский возраст, особенно в студенческом своем варианте, служит задаче сепарации от родительской семьи, от их профессии, житейской философии, всего, что связано с отчим домом (Bochaver et al., 2015a; Navighurst, 1972). Критичность и отстраненность по отношению к текущим условиям жизни подготавливает этот процесс, хотя свой собственный дом пока еще не создан.

Данное исследование посвящено выявлению связи образа дома и переживания защищенности посредством эмпирической проверки следующих гипотез.

1. Дружественность домашней среды позитивно связана с параметрами переживания защищенности и благополучия.
2. Связь дружественности домашней среды и переживания личностной защищенности модерирована полом.
3. Связь дружественности домашней среды и переживания личностной защищенности модерирована типом жилища.

5.3.1. Процедура исследования

В соответствии с определением основных переменных исследования были подобраны методы.

Для изучения дружественности домашней среды мы использовали комплект из двух уже описанных нами опросников, включающих Функциональность домашней среды (ФДС) и Релевантность домашней среды (РАС).

Для изучения личностной защищенности и психологического благополучия мы использовали следующий набор стандартных опросников: шкалу Психологического благополучия Варвик–Эдинбург, Шкалу самоуважения Розенберга в адаптации А.М. Прихожан, Шкалу устойчивости Коннор–Дэвидсона, шкалу Депрессии, включающую общий показатель депрессивных переживаний, и четыре субшкалы симптоматической депрессии – Отсутствие позитивных эмоций, Печаль, Соматизацию, Межличностные проблемы, Краткую форму оценки позитивного и негативного аффекта (Прихожан, 2002; Campbell-Sills, Stein, 2007; Tennant et al., 2007; Thompson, 2007; Radloff, 1977). Оценка негативного и позитивного аффекта осуществлялась на части выборки. Этот набор методик, на наш взгляд, отражает основные составляющие переживания личностной защищенности – субъективное чувство отсутствия угроз и благополучия, уверенность в своей компетентности и способности противостоять опасностям. Шкалы прошли психометрическую подготовку, в настоящем исследовании показатель внутренней согласованности альфа Кронбаха составил от 0,53 (шкала Позитивного аффекта) до 0,89; большинство из них обладает хорошей самосогласованностью.

Выборку составил 571 респондент – студенты разных факультетов московских университетов ($M_{\text{возраст}} = 19,8$, $SD_{\text{возраст}} = 3,2$, 121 юноша, 450 девушек).

Участники жили в разных объективных условиях. 299 студентов (59 юношей, 240 девушек) приехали в Москву из других регионов России и стран СНГ, они жили преимущественно в общежитии, незначительная часть снимала квартиру или комнату. На родине большинство из них проживало в отдельном частном доме или малоквартирных домах. 272 человека (65 юношей, 207 девушек) были москвичами и преимущественно жили с родителями в своих квартирах. Очень незначительная часть респондентов имела собственные семьи.

Участие в исследовании было добровольным и анонимным, студенты получали академический кредит и обобщенную обратную связь в форме сообщения об основных используемых методиках и главных новых результатах.

Обработка данных осуществлялась при помощи программы Statistica 8.

5.3.2. Результаты и их обсуждение

5.3.2.1. Дружественность дома и параметры защищенности

Первым шагом обработки эмпирических результатов был подсчет коэффициента корреляции между теми показателями, которые были выбраны для маркирования основных переменных (табл. 5.8). В соответствии с ожиданиями было обнаружено много высокозначимых хо-

рошо интерпретируемых связей, причем Функциональность домашней среды сильнее сопряжена с показателями личностной защищенности, чем Релевантность. Функции оказались важнее, чем допущения. Общее чувство защищенности связано со всеми характеристиками дома: в доме, который молодой человек считает дружественным, более позитивен эмоциональный фон и нет избыточной тревоги, выше устойчивость личности по отношению к возможным стрессам и, в полном соответствии с классическими исследованиями жизненного пространства, выше самооценка (DeLong, 1970; Esser, 1972). Много высокозначимых отрицательных связей дала шкала Отчужденности домашней среды – в доме, где все ломается, не слушается, не поддается воздействию, молодой человек или девушка впадает в депрессию, начинает болеть и ссориться с окружающими, чувствовать себя хуже и ценить себя ниже. Вообще выраженность всех изученных проявлений симптоматической депрессии отрицательно связана со всеми характеристиками дома, кроме Историчности, которая практически не образовала интересных зависимостей – этот любопытный факт легко объясним, если принять во внимание, что изучался юношеский возраст, когда интенсивно решается задача личностной и физической сепарации от родителей и родительского дома, а история семьи на время субъективно отодвигается, чтобы уступить место собственной истории. Как часто бывает в отечественных исследованиях, практически никак не проявила себя шкала позитивного аффекта, несовершенная с точки зрения психометрических характеристик.

Однако корреляционный анализ оставляет непонятным направление связей. Ранее мы уже сталкивались с тем, что образ родного дома, будучи частью картины мира вообще, может быть не только независимой, но и зависимой переменной: человек, позитивно относящийся к миру, рассматривает свое конкретное жилище как более дружественное (Nartova-Vochaver et al., 2016). Поэтому следующий шаг исследования представлял собой многофакторный регрессионный анализ.

Таблица 5.8

Связь (rs) параметров дружественности домашней среды и показателей личностной защищенности

Шкала	Благополучие	Устойчивость	Самооценка	Депрессия	Отсутствие позит. аффекта	Печаль	Соматизация	Межличностн. проблемы	Позит. аффект	Негат. аффект
ФДС	0,30***	0,12**	0,27***	-0,25***	-0,25***	-0,21***	-0,15***	-0,20***	0,09	-0,15*
П	0,27***	0,11*	0,27***	-0,25***	-0,26***	-0,21***	-0,16***	-0,20***	0,09	-0,17**
Р	0,27***	0,08	0,23***	-0,20***	-0,21***	-0,16***	-0,13**	-0,18***	0,05	-0,13*
С	0,27***	0,12**	0,26***	-0,25***	-0,24***	-0,22***	-0,16***	-0,22***	0,02	-0,15**
Э	0,25***	0,12***	0,20***	-0,18***	-0,22***	-0,15***	-0,10**	-0,11**	0,14**	-0,09

РДС	0,29***	0,08*	0,26***	-0,28***	-0,23***	-0,25***	-0,21***	-0,21***	0,04	-0,17**
У	0,18***	0,03	0,23***	-0,25***	-0,19***	-0,22***	-0,18***	-0,21***	-0,04	-0,17**
Ре	0,25***	0,11**	0,25***	-0,27***	-0,21***	-0,23***	-0,21***	-0,21***	0,05	-0,18***
Са	0,22***	0,10**	0,17***	-0,16***	-0,16***	-0,13**	-0,09**	-0,16***	0,10	-0,12
Э	0,26***	0,14**	0,23***	-0,26***	-0,22***	-0,22***	-0,20***	-0,18***	0,12	-0,14***
О	-0,28***	-0,11**	-0,35***	0,36***	0,20***	0,32***	0,35***	0,22***	-0,03	0,29***
Пл	0,18***	0,07	0,12**	-0,15***	-0,16***	-0,14***	-0,07	-0,08*	0,02	-0,06
И	0,11**	-0,03	0,06	-0,07	-0,06	-0,06	-0,05	-0,05	-0,02	0,02

Примечание: N = 571. * – связи значимы при $p \leq 0,05$; ** – связи значимы при $p \leq 0,01$, *** – связи значимы при $p \leq 0,001$. ФДС – Функциональность домашней среды, П – Прагматичность, Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность; РДС – Релевантность домашней среды, У – Управляемость, Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, Э – Эргономичность, О – Отчужденность, Пл – Пластичность, И – Историчность.

Регрессионный анализ показал, что более чувствительным к характеристикам домашней среды оказался противоположный полюс чувства защищенности (субъективное отсутствие защищенности) в исследованной выборке, чем личностная защищенность в своем позитивном проявлении: в наибольшей степени оно оказалось обусловлено такими характеристиками домашней среды, как Отчужденность и Управляемость (рис. 5.4). Удивительным образом Управляемость домашней среды препятствует переживанию психологического Благополучия, Позитивного аффекта и Устойчивости и вносит вклад в переживание Депрессии, то есть никак не способствует чувству защищенности ни в ситуативных его проявлениях, ни в диспозициональных. Эти неожиданные факты можно, по видимому, связать с тем, что молодые люди живут либо на родительской территории, либо в общежитии, и в любом случае им часто приходится делить право управления домашней средой с другими. Если с родителями – они, скорее всего, вынуждены уступать, а в общежитии могут иметь переменный успех в процессе конкуренции. Возможно и другое объяснение: Управляемость домашней среды выделяется как особо важная характеристика именно теми респондентами, которые стремятся все контролировать в силу острого чувства незащищенности, то есть имеют к нему гипертрофированную чувствительность, в то время как ощущающие защищенность респонденты к ней достаточно индифферентны. Что же касается Отчужденности, то эта характеристика домашней среды в полном соответствии с ожиданиями наиболее последовательно разрушает все признаки защищенности, как эмоционально-ситуативные, так и долгосрочные, диспозициональные.

Таким образом, можно предварительно заключить, что дом как физическое пространство для семейных или индивидуальных деятельностей действительно связан с чувством безопасности и защищенности, а «чувство гнезда» – это реальный конструкт. При этом в юношеском возрасте

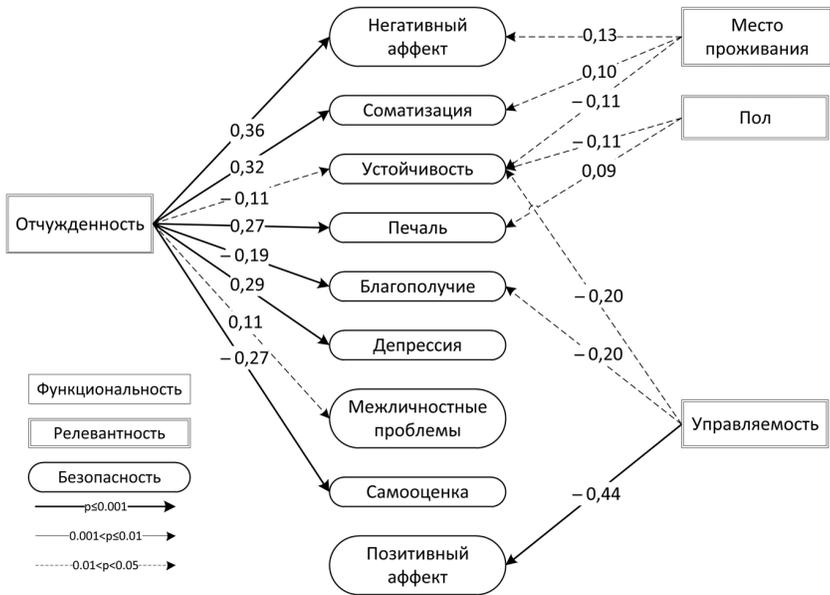

Рисунок 5.4. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личной защищенности

люди скорее склонны терять чувство защищенности в недружественной среде, нежели испытывать его в среде дружественной, то есть дом легко может стать антиресурсом, а его ресурсные функции используются незначительно. Подобные закономерности уже были обнаружены ранее при изучении подростков – воспитанников детского дома (Дмитриева, 2015).

Было также обнаружено, что для многих показателей чувства личной безопасности выделились такие предикторы, как пол и место жительства, в полном согласии с гипотезами. Поэтому дальнейшие расчеты было решено осуществлять раздельно, по подгруппам. Опережая выводы, заметим, что именно раздельные подсчеты показали наиболее интересные результаты.

5.3.2.2. Модерирование полом

Сравнение средних показателей изучаемых переменных при помощи непараметрического критерия U Манна–Уитни показало незначительные различия в показателях чувства защищенности (у юношей значимо выше уровень Устойчивости ($U = 23767,50$, $p = 0,03$) и ниже уровень симптоматической Печали ($U = 23759,00$, $p = 0,03$)); показатели дружелюбности домашней среды не различаются в зависимости от пола.

Таблица 5.9

**Связь (rs) параметров дружественности домашней среды
и показателей личностной защищенности у юношей
(светлый фон) и девушек (темный фон)**

Шкала	Благополучие	Устойчивость	Самооценка	Депрессия	Отсутствие позит. аффекта	Печаль	Соматизация	Межличностн. проблемы	Позит. аффект	Негат. аффект
ФДС	0,40***	0,18**	0,27**	-0,33***	-0,40***	-0,25**	-0,29***	-0,13	0,24	-0,28
	0,27***	0,11**	0,27***	-0,23***	-0,22***	-0,19***	-0,12**	-0,22***	0,04	-0,12
П	0,40***	0,14	0,32***	-0,32***	-0,39***	-0,24**	-0,28**	-0,11	0,26	-0,28*
	0,25***	0,10*	0,26***	-0,24***	-0,23***	-0,20***	-0,13**	-0,23***	0,03	-0,13
Р	0,30***	0,12	0,15	-0,24**	-0,28**	-0,19*	-0,21*	-0,10	0,09	-0,28**
	0,26***	0,07	0,25***	-0,19***	-0,19***	-0,16***	-0,10**	-0,21***	0,03	-0,08
С	0,39***	0,17	0,28**	-0,33***	-0,35***	-0,25**	-0,29***	-0,20*	0,16	-0,25
	0,25***	0,12**	0,25***	-0,24***	-0,21***	-0,21**	-0,13**	-0,23***	-0,02	-0,12
Э	0,37***	0,21*	0,21*	-0,25**	-0,38***	-0,15	-0,22*	-0,03	0,28***	-0,16
	0,22***	0,09*	0,19***	-0,16***	-0,18***	-0,14**	-0,07	-0,13**	0,10	-0,07
РДС	0,37***	0,15	0,27**	-0,40***	-0,35***	-0,34***	-0,34***	-0,21*	0,09	-0,30
	0,27***	0,07	0,26***	-0,26***	-0,20***	-0,22***	-0,18***	-0,22***	0,01	-0,12
У	0,25**	0,08	0,25**	-0,26**	-0,27**	-0,21*	-0,20*	-0,12	0,04	-0,28*
	0,17***	0,02	0,22***	-0,25***	-0,17***	-0,23***	-0,17***	-0,23***	-0,08	-0,14**
Ре	0,37***	0,20**	0,36***	-0,37***	-0,31***	-0,32***	-0,31***	-0,23**	0,21	-0,35**
	0,22**	0,08	0,22***	-0,24***	-0,19***	-0,20***	-0,18***	-0,20**	-0,01	-0,12
Са	0,18**	0,07	0,11	-0,16	-0,21**	-0,13	-0,11	-0,08	-0,06	-0,17
	0,24***	0,11**	0,19***	-0,17**	-0,15***	-0,14**	-0,09	-0,19***	0,13	-0,12
Э	0,33***	0,21**	0,24**	-0,43***	-0,33***	-0,39***	-0,36***	-0,26**	0,13	-0,32**
	0,25	0,13**	0,23***	-0,21***	-0,19***	-0,18***	-0,15**	-0,17***	0,11	-0,09
О	-0,32***	-0,21**	-0,50***	0,45***	0,18	0,40***	0,43***	0,40***	-0,10	0,44***
	-0,27***	-0,08	-0,32***	0,35***	0,20***	0,30***	0,33***	0,18***	-0,01	0,25***
Пл	0,31***	0,14	0,10	-0,27**	-0,22**	-0,25**	-0,24**	-0,08	0,19	-0,08
	0,14***	0,05	0,12*	-0,12*	-0,14**	-0,11*	-0,03	-0,08	-0,06	-0,04
И	0,11	-0,06	-0,06	-0,12	-0,12	-0,12	-0,06	0,03	-0,14	-0,07
	0,11*	-0,03	0,09	-0,06	-0,04	-0,05	-0,05	-0,08	0,00	0,06

Примечание. Юноши – n = 121, девушки – n = 450. * – связи значимы при $p \leq 0,05$, ** – связи значимы при $p \leq 0,01$; *** – связи значимы при $p \leq 0,001$. Расшифровку сокращений см. в примечании к табл. 5.3.

Изучение сопряженности дружественности домашней среды и параметров чувства защищенности позволило обнаружить большее количество связей в женской группе по сравнению с мужской (98 против 90), в основном за счет связей шкалы Самопрезентации, которая давала положительные связи только у девушек, и Историчности, вообще никак не проявившей себя у юношей (табл. 5.9). Основные же закономерности остаются при этом идентичными в группах разного пола: связи высокозначимы, хорошо интерпретируемы (положительные – с проявлениями защищенности, такими, как Благополучие, Устойчивость, высокая Самооценка, отрицательные – с симптомами Депрессии); получены также содержательно неблагоприятные связи Отчужденности с различными показателями личностной защищенности.

Однако осуществленный затем регрессионный анализ показал наличие заметных различий. Оказалось, что показатели домашней среды, вопреки интуитивным ожиданиям и существующим стереотипам, вносят больший вклад в чувство защищенности юношей по сравнению с девушками (19 связей против шести). Это означает, по-видимому, что полученные корреляции образованы переменными, имеющими встречную направленность в зависимости от пола: дом обуславливает чувство защищенности у юношей, но чувство защищенности девушек изначально способствует тому, что дом видится более дружественным (Нартова-Бочавер, 2008).

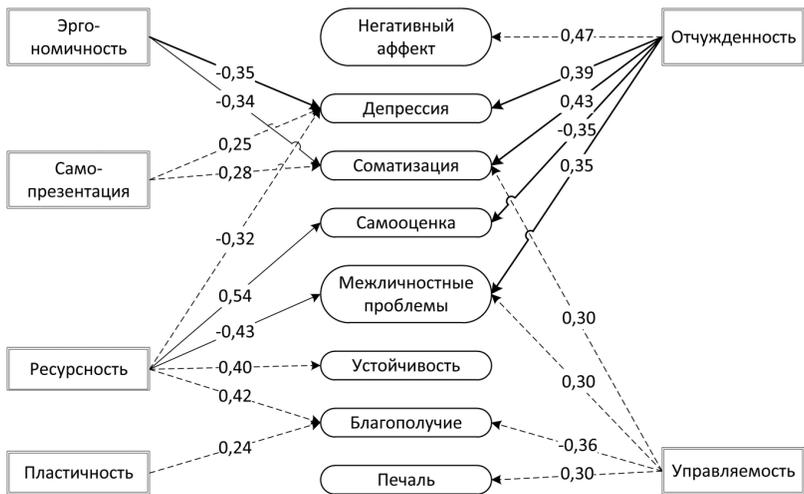

Рисунок 5.5. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личной защищенности у юношей

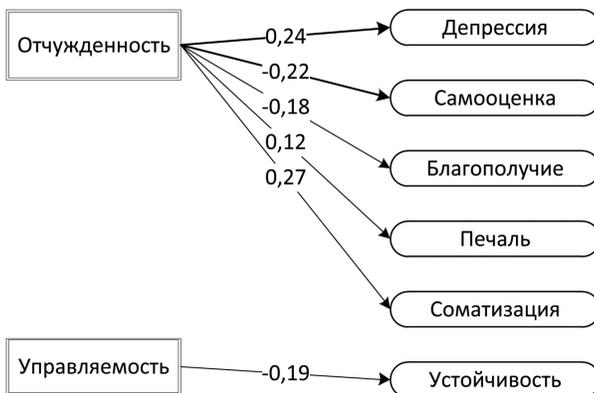

Рисунок 5.6. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личной защищенности у девушек

У юношей связи хорошо интерпретируемы: предикторами разных проявлений личностной защищенности оказались такие качества дома, как его Ресурсность, Эргономичность, Пластичность. Только Управляемость вносит отрицательный вклад (рис. 5.5). У девушек основной вклад в переживание защищенности вносит отсутствие Отчужденности среды, то есть, если ничего не ломается и не портится, этого оказывается достаточно (рис. 5.6).

5.3.2.3. Модерирование условиями жизни

В следующем модуле мы исследовали связь между параметрами дружелюбности домашней среды и личностной защищенности в зависимости от условий проживания: примерно половину составили студенты-москвичи, продолжающие жить с родителями, как и в детстве, половину – студенты, живущие далеко от дома, преимущественно в общежитии, где они делают комнату с двумя-тремя другими студентами, или, редко, в снимаемой квартире.

Сравнение москвичей и студентов из регионов показало, при отсутствии различий по параметрам зависимой переменной, существенные ожидаемые различия по характеристикам домашней среды (рис. 5.7). В целом практически все показатели дружелюбности выше у москвичей:

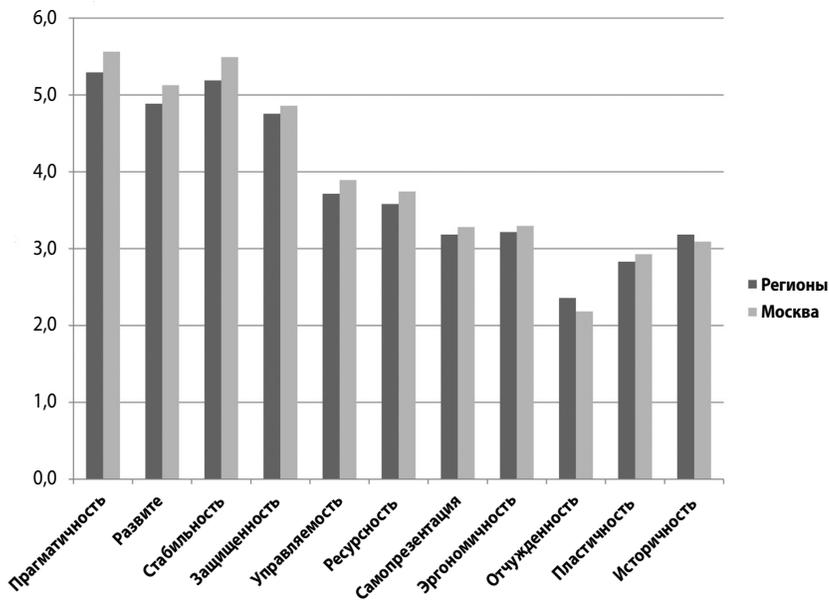

Рисунок 5.7. Показатели дружелюбности домашней среды у студентов из регионов и москвичей

ФДС ($U = 36716,00$, $p = 0,002$), Прагматичность ($U = 37536,00$, $p = 0,007$), Развитие ($U = 37254,00$, $p = 0,005$), Стабильность ($U = 37390,00$, $p = 0,006$), РДС ($U = 34098,50$, $p = 0,000$), Управляемость ($U = 35324,00$, $p = 0,001$), Ресурсность ($U = 36779,00$, $p = 0,005$), Самопрезентация ($U = 38538,00$, $p = 0,047$). Уровень Отчужденности выше у студентов из регионов ($U = 36128,00$, $p = 0,001$), а также, неожиданно, – уровень Историчности ($U = 36630,00$, $p = 0,003$). Видимо, несмотря на инструкцию оценивать свое актуальное жилище, часть студентов из регионов все же не смогли ей последовать, и потому опирались при оценке утверждений этой шкалы на образ родного дома. Проверка распределения именно по этой шкале также показала бимодальное распределение, что делает данный частный результат уязвимым.

Корреляционный анализ обнаружил большое количество хорошо интерпретируемых связей, свидетельствующих о благотворном взаимовлиянии дружественности дома и личностной защищенности, причем в группе иногородних студентов связей практически столько же, сколько и у москвичей (87 против 91), однако высокозначимых связей больше у москвичей (табл. 5.10). И аспекты Функциональности дома, и личностной Релевантности в равной степени связаны с параметрами защищенности; интересно, что позитивно – те характеристики дома, которые отражают его стабильность и отрицательно – стимулирующие характеристики (Развитие, Пластичность). Этот нетривиальный факт обусловлен, на наш взгляд, с одной стороны, динамичностью самого юношеского возраста, особенно в студенческом варианте, с избытием задач развития, с другой стороны – фактом разделенности, не-приватности своего жилища, которое трудно персонализировать.

Таблица 5.10
Связь (rs) параметров дружественности домашней среды и показателей личной безопасности у студентов из регионов (светлый фон) и москвичей (темный фон)

Шкала	Благополучие	Устойчивость	Самооценка	Депрессия	Отсутствие позит. аффекта	Печаль	Соматизация	Межличностн. проблемы	Позит. аффект	Негат. аффект
ФДС	0,35***	0,12*	0,25***	-0,23***	-0,27***	-0,19***	-0,16**	-0,22***	0,11	-0,11
	0,29***	0,13**	0,23***	-0,24***	-0,24***	-0,23***	-0,14*	-0,18**	0,11	-0,18*
П	0,30***	0,08	0,29***	-0,26***	-0,27***	-0,18***	-0,18***	-0,22***	0,10	-0,12
	0,26***	0,14*	0,23***	-0,24***	-0,25***	-0,23***	-0,14	-0,19***	0,11	-0,20*
Р	0,25***	0,04	0,22***	-0,19***	-0,21***	-0,12*	-0,14**	-0,17**	0,02	-0,03
	0,29***	0,09	0,22***	-0,22***	-0,20***	-0,21***	-0,13*	-0,18**	0,10	-0,20*
С	0,31***	0,12*	0,27***	-0,25***	-0,26***	-0,20***	-0,17**	-0,25***	0,04	-0,14
	0,25***	0,13**	0,21***	-0,23***	-0,21***	-0,23***	-0,14**	-0,19***	0,04	-0,15

Э	0,31***	0,13*	0,23***	-0,23***	-0,26***	-0,16**	-0,16**	-0,15**	0,12	-0,12
	0,22***	0,09	0,17**	-0,16**	-0,21***	-0,14*	-0,07	-0,07	0,18*	-0,08
РДС	0,33***	0,06	0,26***	-0,26***	-0,24***	-0,22***	-0,23***	-0,24***	0,10	-0,12
	0,31	0,09	0,25***	-0,30***	-0,23***	-0,30**	-0,21*	-0,17*	0,00	-0,22*
У	0,24***	0,00	0,27***	-0,24***	-0,23***	-0,19***	-0,17**	-0,25***	0,09	-0,15
	0,17*	0,05	0,19***	-0,24***	-0,16**	-0,24	-0,20	-0,16	-0,15	-0,18
Ре	0,27***	0,08	0,25***	-0,26***	-0,22***	-0,21***	-0,21***	-0,24***	0,12	-0,17
	0,23***	0,10	0,23***	-0,24***	-0,22***	-0,23***	-0,17**	-0,16**	0,00	-0,17*
Са	0,26***	0,09	0,19***	-0,19***	-0,19***	-0,13*	-0,16**	-0,20***	0,19*	-0,09
	0,21***	0,09	0,13*	-0,13*	-0,15**	-0,14*	-0,04	-0,12*	0,03	-0,15
Э	0,30***	0,16**	0,25***	-0,27***	-0,24***	-0,22***	-0,24***	-0,25***	0,23**	-0,13
	0,24***	0,11	0,17**	-0,21***	-0,22***	-0,20***	-0,12*	-0,11	0,05	-0,16
О	-0,31***	-0,09	-0,33***	0,37**	0,24***	0,33**	0,36***	0,26***	-0,05	0,38***
	-0,25***	-0,11	-0,33***	0,34***	0,14**	0,35***	0,32***	0,19***	-0,02	0,26
Пл	0,14*	0,03	0,09	-0,11*	-0,12*	-0,08	-0,08	-0,07	-0,02	0,09
	0,22**	0,07	0,15**	-0,21***	-0,23***	-0,21***	-0,09	-0,08	0,08	-0,20*
И	0,07	-0,11	0,06	-0,05	-0,09	0,01	-0,06	0,01	-0,03	0,14
	0,17	0,01	0,07	-0,10	-0,04	-0,12*	-0,07	-0,07	0,00	-0,05

Примечание: Студенты из регионов – n = 299, москвичи – n = 272. * – связи значимы при $p \leq 0,05$, ** – связи значимы при $p \leq 0,01$; *** – связи значимы при $p \leq 0,001$. Расшифровку сокращений см. в примечании к табл. 5.3.

Применение регрессионного анализа показало, что, в соответствии с ожиданиями, домашняя среда вносит существенно больший вклад в состояние и функционирование личности московских студентов по сравнению с теми, что приехали из других регионов (16 предикторов против восьми). У студентов, проживающих в общежитиях, самый сильный антипредиктор – это Отчужденность домашней среды (рис. 5.8). Иначе говоря, они чувствуют свою связь с временным домом, только если там что-то перестает функционировать. Выделено также еще два предиктора – Защищенность вносит позитивный вклад в переживание Позитивного аффекта, а Управляемость – негативный; последний феномен мы уже интерпретировали выше.

Что же касается студентов-москвичей, то здесь ресурсная функция дома обнаружила себя существенно сильнее. Проявляют себя такие характеристики домашней среды, как Прагматичность (антипредиктор Негативного аффекта), Развитие (способствует Благополучию, но понижает Самооценку, которая, вероятно, соотносится с теми возможностями, которые не были использованы), Историчность (препятствует Благополучию – возможно, оттого, что переживание связи с семейной историей не сочетается с решением возрастной задачи сепарации от родительской семьи, однако вносит очень существенный вклад в Самооценку, таким образом реализуя одну из «вынесенных» функций поддержки человека, независимо от текущих возрастных задач и эффективности их решения).

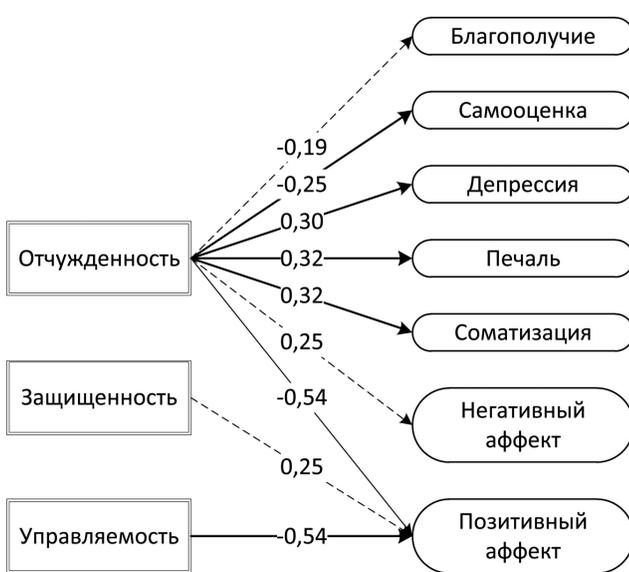

Рисунок 5.8. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личной защищенности у иногородних студентов

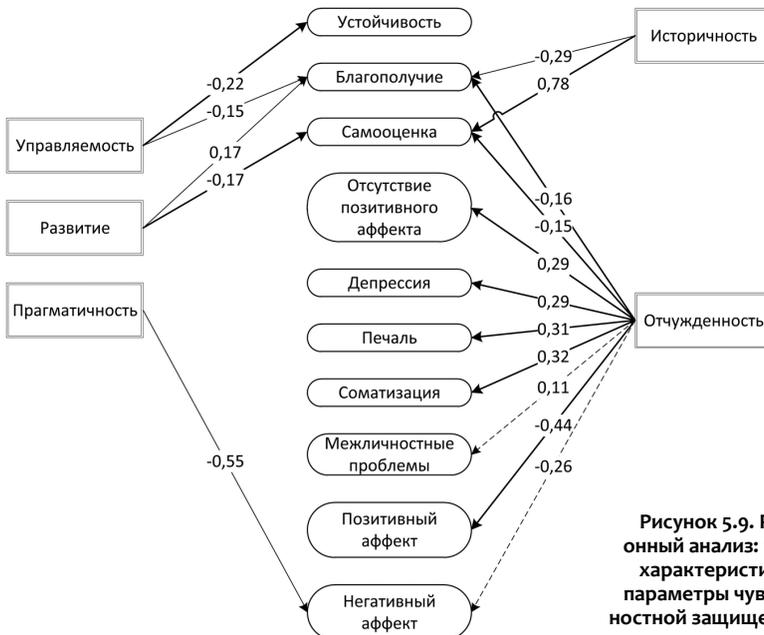

Рисунок 5.9. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личной защищенности у студентов-москвичей

Отчужденность проявила себя вполне ожидаемым образом, усиливая депрессивные симптоматические проявления и препятствуя благотворным диспозициональным аспектам чувства защищенности (Благополучию и Самооценке); обнаружился еще один интересный факт, состоящий в том, что в группе москвичей Отчужденность представляет собой антипредиктор как Позитивного, так и Негативного аффекта, то есть приводит к ослаблению эмоциональных проявлений вообще и деперсонализации.

Итак, дом проявляет себя как экосоциальный ресурс, будучи и стабильным и временным жилищем, однако вклад временного жилища существенно слабее, а связи с личностью обитателей меньше нюансированы, что вполне отвечает пониманию сущности взаимодействия дома и его обитателей.

5.3.2.4. Модерирование полом и условиями жизни

Поскольку данные показали отчетливое модулирующее воздействие пола и условий жизни на изучаемую нами связь, последний исследовательский модуль был посвящен тому, как проявляется ресурсная функция дома при сочетании этих факторов, а именно в четырех почти равных подвыборках — у юношей и девушек из региона и Москвы.

Согласно полученным данным, связи обитателя общежития со своим временным жилищем противоречивы и неоднозначны (рис. 5.10). Самый простой для интерпретации факт состоит в том, что Отчужденность, как и почти во всех проанализированных случаях, вносит отрицательный вклад в текущие и долговременные индикаторы переживаемой личностной защищенности — выраженность депрессивных переживаний в

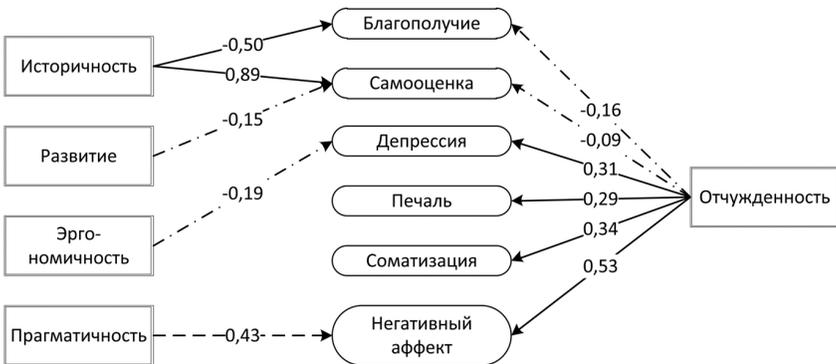

Рисунок 5.10. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личностной защищенности у иногородних юношей

различных проявлениях и просто негативных чувств, понижение общего благополучия и самооценки. Неожиданно Прагматичность временного жилища лишь усиливает негативные переживания юношей, а Развитие ведет к понижению Самооценки. В целом складывается малооптимистичная картина, суть которой состоит в том, что даже изначально безусловно ценные характеристики жилища теряют свои ресурсные функции и даже становятся антиресурсами, если обнаруживаются во временном, вдобавок разделенном с другими обитателями, жилище. Возможно, что для юношей комната в общежитии — это скорее разделяемая с другими территория, а не дом, и потому действуют закономерности территориальных программ поведения, особенно выраженных у представителей мужского пола, а не привязанности к дому. В данном случае неизбежна конкуренция за разные зоны пространства внутри общей комнаты или последовательность ее использования, например для романтических свиданий, то есть совместное проживание юношей неизбежно усиливает чувствительность к социальной иерархии. Согласно эмпирическим данным, вызывает негативные эффекты и скученность в группе мужского пола, в то время как в женской или смешанной среде пробуждает эмпатию и сотрудничество (Esser, 1972). Однако Эргономичность жилища, приспособленность к нуждам нескольких обитателей одной территории, предотвращает депрессивные переживания.

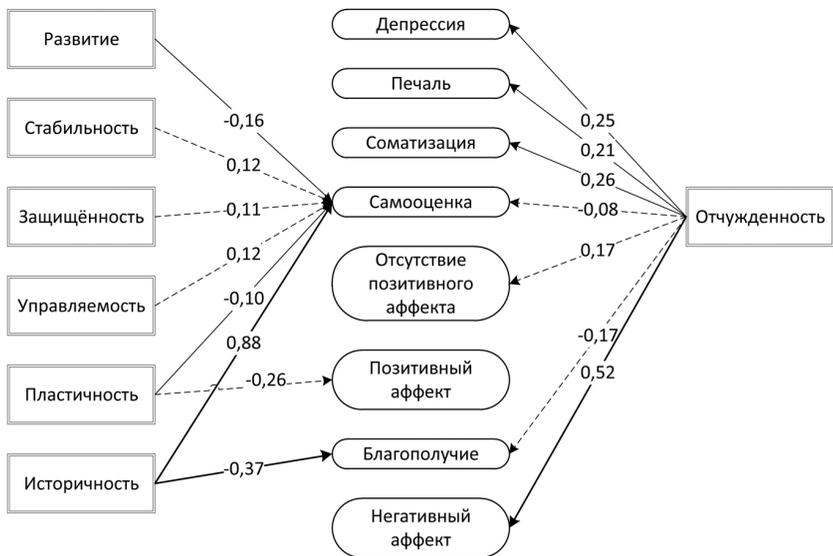

Рисунок 5.11. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личной защищенности у иногородних девушек

У девушек взаимодействие с временным жилищем менее противоречиво, по-видимому, также в соответствии с особенностями территориальных программ. Так же, как и юноши, они восприимчивы к Отчужденности своего временного дома, выраженность которой сказывается почти на всех аспектах чувства защищенности — влечет за собой негативные переживания, плохое самочувствие, раздражительность в межличностных контактах, падение самооценки и благополучия в целом. В то же время все стабилизирующие характеристики жилища — Стабильность, Защищенность и даже Управляемость домашней среды — вносят вклад в повышение Самооценки. Согласуется с этим и то, что Пластичность — это антипредиктор Позитивного аффекта. Девушкам в общежитии хочется постоянства, покоя и консервативности. Повседневные рутинные дела в общежитии способствуют укреплению позитивной «Я-концепции»: это прямое воздействие атрибутов жилища, проявление «встроенной» функции жилища, представляется чрезвычайно женственным.

«Утром Марина ездила на занятия, баддея от своего статуса и своей учености — студентка университета!!! — а вечером баддела от красивой возвышенной бедности студенческого общежития: четыре койки впри-тык, чаек с пряниками и мудрые хрестоматии» (Веллер, 2008, с. 30).

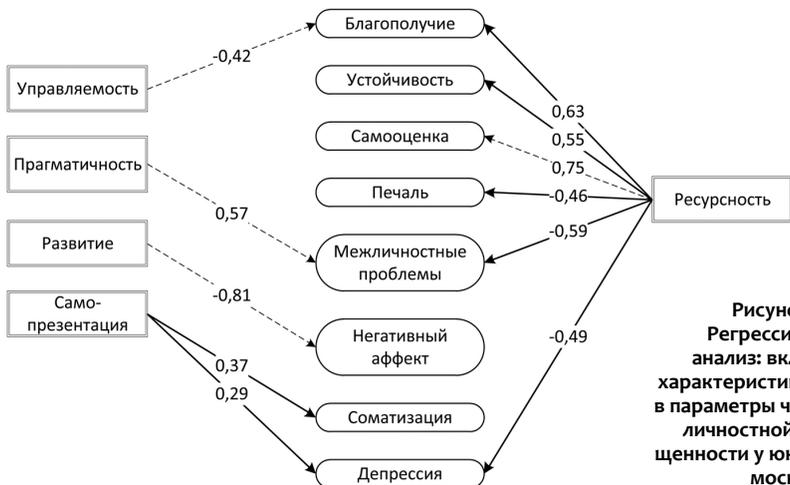
Независимо от пола, у иногородних студентов выявлены некоторые общие особенности взаимодействия со своим жилищем. Так, характеристики дома никак не сказываются на Устойчивости личности как долговременном выражении способности обеспечить себе чувство защищенности. Еще один интересный факт заключается в значимости Историчности жилища, причем вклад этой характеристики амбивалентен (Chow, Nealey, 2008). Мы не можем с уверенностью сказать, на что при оценке Историчности в действительности опирались иногородние студенты — на образ родного дома или реальной комнаты в общежитии. У студентов первого и второго курсов связи с жилищем еще недолговременны, однако в беседах с ними не раз была отмечена сильная привязанность к общежитию, которая усиливала гордость от чувства принадлежности к хорошему университету и студенческой среде вообще. Вполне возможно, что количество волнующих жизненных событий, пережитых за объективно короткое время, было достаточным, чтобы войти в историю жизни. Однако возможно и другое объяснение — студенты все же вспоминали свой родной дом, скучая по нему. Как бы то ни было, и у юношей, и у девушек Историчность дома негативно сказывалась на переживании Благополучия в целом (возможно, как реактивное образование, поскольку они вынужденно расстались с этим домом на несколько лет, а возможно, и навсегда), однако вносила очень сильный вклад в Самооценку студентов как устойчивый показатель их защищенности и базового доверия. То есть, грустя по дому в текущий момент, они все же использовали историю своей жизни дома как ресурс поддержания позитивной «Я-концепции» вообще.

Вообще роль Историчности амбивалентна для разных групп респондентов. Историчность поддерживает человека в долговременной перспективе, укрепляя чувство принадлежности, не-одиначества, усиливая понимание собственной идентичности. В то же время влияние Историчности может ограничивать, иногда – побуждать к служению воображаемым идолам верности семье и ложным поступкам. Впрочем, идолы возникают тоже не случайно. Вот необыкновенно достоверная и женственная история одной иллюзии.

«Дом Филадельфии был большой и не слишком красивый. Кто-то, видно, захотел избавиться от банок со старой краской и выкрасил его снаружи в темно-зеленый, а внутри – в бурый цвет. Филадельфия сняла дом в наем, без мебели, у одного хемуля. Он уверял, что Филадельфия бабушка, мама ее мамы, жила здесь летом в дни молодости. А поскольку Филадельфия очень любила свою родню, она тут же подумала, что ей надо поселиться в этом доме, чтобы почтить память бабушки.

В первый вечер она сидела на крыльце и думала, что ее бабушка, должно быть, в молодости была совсем другая. Невозможно представить себе, чтобы настоящая Филадельфия, равнодушная к красотам природы, могла бы поселиться здесь, на этом ужасном берегу с такой скудной растительностью. Ни сада, где можно варить варенье, ни единого, самого маленького, лиственного дерева, которое можно превратить в беседку, и даже ни единого приличного пейзажа.

Филадельфия вздыхала, потерянно разглядывая зеленое сумеречное море с полоской прибоя вдоль всего длинного побережья. Зеленое море, белый песок, красноватые водоросли – фукус – все было специально создано для катастрофы. И ни единого надежного местечка.

Правда, потом Филифьонка, разумеется, узнала, что она глубоко ошибалась.

Она совершенно напрасно переехала в этот ужасный дом на этот ужасный берег. Ее бабушка, конечно же, обитала совсем в другом доме. Да, так оно и бывает в жизни» (Янссон, 2006, с. 558).

Обратимся теперь к результатам, описывающим ресурсные функции дома в жизни студентов-москвичей (рис. 5.12). Картина данных, полученная в группе юношей, отличается от остальных тем, что здесь отсутствует влияние Отчужденности. Даже если что-то ломается или не работает в родительском доме, это не сказывается на параметрах субъективной защищенности юношей. Более того, по сравнению со всеми другими изученными группами юноши наиболее восприимчивы к позитивному воздействию родного дома – так, Ресурсность сказывается и на Благополучии, и на Устойчивости в целом, и на Самооценке, а также на текущих проявлениях чувства Защищенности, таких, как отсутствие Печали, Межличностных проблем и Депрессии в целом. Это безусловно благотворное влияние связано со стимулирующей функцией дома. В то же время другие функции – Прагматичность, Управляемость, Развитие – понижают чувства защищенности в разных его проявлениях. И еще один характерный факт состоит в неожиданно негативном влиянии Самопрезентации на текущие переживания юношей. Возможно, это связано со смыслом переживаемого возрастного момента, а именно, кризиса юности – молодые люди чувствуют себя предметом социальной оценки, «взвешенными на весах и признанными очень легкими», в силу своих текущих, пока не достаточных достижений. Поэтому дом предлагает им выразить себя, но они не могут ответить на вызов достойно и от этого расстраиваются.

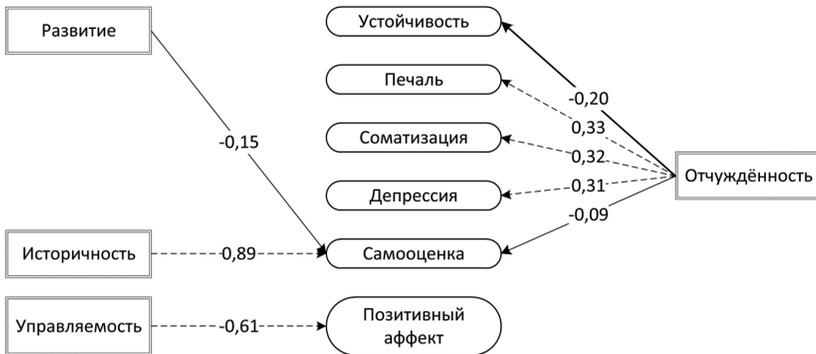

Рисунок 5.13. Регрессионный анализ: вклад (β) характеристик дома в параметры чувства личной защищенности у девушек-москвичек

И, наконец, данные девушек-москвичек лапидарны (рис. 5.13). Отчужденность домашней среды влечет депрессивные чувства и негативно сказывается на Самооценке и Устойчивости личности. Способность дома стимулировать Развитие негативно влияет на самооценку – возможно, задавая некоторые идеальные модели, которым девушка не может соответствовать в силу своего возрастного юношеского максимализма. Однако устойчивый значимый ресурс повышения Самооценки девушек – это Историчность дома. Возможно, этот ресурс особенно силен в контексте приближения антиципируемой задачи сепарации от родительского дома и создания собственной семьи.

Таким образом, можно заключить, что взаимодействие со своим домом или временным замещающим жильем различно в зависимости от пола; каждая группа располагает в домашней среде ресурсами или анти-ресурсами чувства защищенности. В целом наиболее восприимчивыми к поддерживающей функции места своего обитания оказались юноши-москвичи и девушки из регионов, а меньше всех используют возможности домашней поддержки иногородние юноши, проживающие в общежитии. Первая гипотеза данной серии исследования подтвердилась частично, вторая и третья – полностью.

Выводы

Итак, проведенные нами три серии исследований показали, что образ дома действительно связан и вносит вклад в параметры позитивного функционирования личности – переживание психологического благополучия, аутентичности, суверенности личности. При этом образ реального дома играет более существенную роль по сравнению с образом дома идеального. И хотя расхождение образов реального и идеального дома более выражено в мужской группе, те связи, что обнаружены между образом идеального дома и параметрами благополучия, также были найдены преимущественно в мужской группе.

Далее, нами была обнаружена интересная нелинейная связь между прочностью внешних и внутренних границ – дружественностью дома и психологической суверенностью. Суверенные живут в «объективно» лучших внешних условиях, чем депривированные. Но при этом они по-разному используют их: в группе депривированных личностей дружественность домашней среды служит слабым предиктором суверенности, то есть в условиях дефицита ресурсов люди продуктивно используют те скудные возможности, которые у них все же есть; возникают синергетические отношения между внешним и внутренним. В группе сверхсуверенных действует механизм компенсации, и суверенность укрепляется только в условиях изменения домашней среды к худшему (но все равно остающейся достаточно хорошей).

Наконец, оказалось, что, хотя показатели дружественности домашней среды вносят вклад в большое количество частных показателей личностной защищенности, сила этих связей оказалась выше в мужской группе: девушки, больше участвующие в домашней рутине, менее восприимчивы к поддерживающей функции дома по сравнению с юношами. Студенты-москвичи используют дом как ресурс развития более устойчивых во времени параметров защищенности, чем иногородние студенты, проживающие в общежитии. В то же время необходимо отметить, что во всех изученных группах в параметры чувства защищенности вносят больший вклад стабилизирующие функции дома, чем стимулирующие.

В сравнении с данными, полученными на подростковой выборке, необходимо отметить снижение ресурсной функции дома — возможно, это связано с тем, что основные показатели дружественности домашней среды разработаны в расчете на владельца дома, и если подростки себя в этой роли еще не рассматривают, то в юношеском возрасте желание иметь свой дом или чувствовать напряжение от жизни на разделенной территории — явление довольно частое (Дмитриева, 2015). Поскольку абсолютное большинство наших респондентов не имеют собственного жилища, то обживание дома осуществляется под контролем родителей, которые и принимают основные решения относительно изменения дома, персонализируя его зачастую без учета подрастающего поколения, которое готовится этот дом покинуть. Студенты из регионов персонализируют свое пространство жизни в процессе конкуренции с товарищами по общежитию, что также не способствует усилению ресурсной функции временного дома.

Как бы то ни было, мы можем заключить, что в той или иной мере дом вносит вклад в позитивное функционирование личности, упорядочивая человеческое бытие, «отзеркаливая» существующие внешние и внутренние проблемы, гармонизируя личность через усиление ее благотворных качеств и ослабление негативных. Однако в процессе взаимодействия дома и его обитателей, по-видимому, много встречных связей (Nartova-Vochaver, 2016). Возвращаясь к старой полемике эссенциалистов и экзистенциалистов, мы можем сказать, что иногда дом влияет на личность своих жильцов, а иногда мироотношение формирует образ дома, ведь дом — существенная часть картины мира. И необходимо отметить, что эти связи всегда контекстуальны, обусловлены и модерированы разными дополнительными переменными — полом, возрастом, местом проживания и, вероятно, моментом жизненного пути.

Глава 6. ПРИВЯЗАННОСТЬ И ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДОМА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ¹

Каждому нужен какой-нибудь дом.
Чтобы уходить из него и снова возвращаться.
И мне кажется, чем старше становишься,
тем труднее уходить и приятнее
возвращаться.

Мэри Стюарт. «И девять ждут тебя карет»

В предыдущих главах нами были подробно рассмотрены объективные функциональные качества дружественного дома, представляющего собой метафору жизни человека и ресурс для развития и позитивного функционирования личности. Мы показали, что, хотя дом — это универсальный источник поддержки человека, мера и содержание его влияния зависят от жизненных обстоятельств — контекста существования человека. В этой главе мы продолжим тему обусловленности связи дома и его обитателей и остановимся на обсуждении субъектной стороны этих отношений человека.

Очевидно, что длительность, включенность в жизненный контекст и эмоционально-смысловая насыщенность повседневного взаимодействия человека с домашним пространством формируют *особое* эмоциональное отношение человека к Дому. Специфичность этого отношения заключается в том, что оно может представлять разнообразный спектр эмоций, порождаемых образом дома — от любви, удовольствия и гордости до негодования, раздражения и неприятия, — которые, в свою очередь, формируют целый ансамбль чувств, мыслей и установок в отношении дома.

Кроме того, оно *континуально*: отношение к дому сопровождает человека всю жизнь и постоянно, вне зависимости от того, находится ли

¹ В главе частично использовались материалы диссертации С.И. Резниченко «Феноменология привязанности к дому в разные возрастные периоды» (2016).

человек в границах жилого пространства здесь и сейчас или же вынужденно или добровольно разлучен с домом. Наконец, отношение к дому как «продолжению» субъектности и идентичности человека *динамично* и меняется под влиянием опыта, смыслов, мотивов и потребностей на протяжении всей жизни. Оно не исчерпывается объективными предметно-пространственными факторами, равно как и не может быть полностью интерпретировано временными факторами более субъективного порядка, такими как привычность, чувство знакомости, долговременность проживания. Существуют особые механизмы формирования отношения к дому, диктуемые средовыми атрибутами (объектный уровень) и личностными ожиданиями и потребностями (субъектный уровень) и способствующие появлению у человека позитивного или негативного отношения к дому.

На наш взгляд, субъектный уровень отношений между человеком и его домом уместно описывать при помощи феноменов привязанности к дому и отчуждения от дома.

6.1. Привязанность к дому и отчуждение от дома как феномены и эмпирические конструкты

В ходе поисков художественного примера для интерпретации сущности привязанности к дому стало понятно, что в краткой форме раскрыть отношение к дому как к объекту привязанности крайне сложно: слишком уж индивидуален и широк ассоциативный ряд, задающий абрис милого и родного дома и слишком бледны либо формализованы описания любви и близости с ним «в двух словах». Поэтому мы приведем показавшееся нам любопытным и раскрывающее многослойность феномена привязанности описание отношения человека к «своему дому», приведенное в книге современной бельгийской писательницы Амели Нотомб:

«Есть такие дома, которые повелевают. Повелевают более властно, чем сама судьба: с первого взгляда вы бываете ими покорены. Здесь и только здесь вы должны жить... Увидев этот дом, мы оба сразу поняли, что это он и есть — дом. При всем моем презрении к заглавным буквам я должен написать Дом, ибо это и вправду был он — тот, который мы не покинем до конца своих дней, тот, который нас ждал, тот, которого ждали мы всю жизнь. Мы пришли к тому, чего нам хотелось с детства, и оба поняли сразу, что именно к такой жизни мы всегда стремились. Не будь нарушен наш покой, уверен, мы прожили бы так до самой смерти... Впервые увидев Дом, мы испытали блаженное облегчение: стало быть, оно существует, это место, к которому мы оба стремились с самого детства. Осмелюсь мы когда-нибудь его себе представить, в нашем воображении оно было бы именно таким, как эта поляна у речки с домом — Домом, —

красивым, невидимым в зелени, увитым глицинией... Что мы делали в те первые дни в Доме? Насколько я помню, ничего. Только иногда выходили погулять в лесу, до того белом и безмолвном, что мы порой останавливались и переглядывались изумленно» (Нотомб, 2011, с. 2).

Во-первых, приведенный отрывок демонстрирует безусловную значимость Дома как объекта уважения, гордости, любви, наконец, привязанности. Это субъективное значение Дома настолько велико, что отношение человека к нему приобретает субъект-субъектный характер, а сам Дом «очеловечивается», становится живым, с душой. Во-вторых, в этом отрывке читается необъяснимое, но понятное многим «чувство дома», радость и умиротворение от пребывания, возвращения или обретения своего укромного домашнего Мира. В-третьих, приведенный отрывок демонстрирует, что для человека важна синкретность составляющих образ Дома элементов – физических и эстетических («обвитый глицинией» красивый дом, находящийся в живописном месте); функциональных (например, где можно отвлечься от суеты и «погулять в лесу»), символических (дом как воплощение детских ожиданий и мечтаний), наконец, индивидуально-смысловых (дом как цель жизни).

6.1.1. Привязанность человека к месту и своему дому: краткое обоснование понятия

Понятие **привязанности к дому** является частным вариантом самостоятельного и получившего с начала 70-х годов широкое распространение в психологии среды и гуманитарной географии концепта привязанности к месту (*place attachment*). В силу интердисциплинарности и сложности предмета понятие привязанности к месту трактуется очень широко и разноуровнево. Так, Д. Вильямс определяет привязанность к месту как «систему смыслов, верований, символов, ценностей и чувств», ассоциированных у человека или группы людей с тем или иным местом (Williams et al., 1998, с. 18). При этом под местом чаще всего понимается реальная или воссозданная в памяти человека территориальная единица – страна, район, зона рекреации, например, парк или же дом. Хотя «место», как правило, подразумевает географическое пространство, оно пронизано индивидуальными смыслами для человека, которые возникают только при условии взаимодействия и жизнедеятельности в этом месте: так, например, от другого человека часто можно услышать добрые слова о «месте, где я вырос», притом этого места физически может уже не быть либо оно могло про прошествии лет измениться до неузнаваемости, тем не менее человек продолжает оперировать этим родным сердцу образом (Kaltenborn et al., 2002).

Д. Пруно и коллеги описывают привязанность к месту через осознанный характер отношений человека к окружающей среде в целом, в

частности — к сообществу, культуре, природе, техносфере, где привязанность — результат «эмоциональных, когнитивных, социальных, культурных и поведенческих процессов и факторов» (Runeau et al., 1999, с. 27); Е. Шарп — как «эмоциональное отношение человека к местной природе и ландшафту» (Sharpe et al., 2000, с. 218). А, например, Б. Браун с соавторами — как ресурсную функцию: «...чувство гордости за среду жизнедеятельности... и переживание собственного благополучия в целом» (Brown, 2003, с. 259).

Разумеется, все то, что характеризует «место», справедливо и для дома, который является одновременно и реально существующим физическим пространством со своими предметно-пространственными характеристиками, и обобщающей ценностью, смыслом и желанием метафорой личности, и пространством повседневного социального взаимодействия, и продуктом субъектной активности, и, наконец, важнейшим элементом жизненной истории человека. Одна из наиболее влиятельных исследовательниц субъект-объектной привязанности М. Левицка пишет «Существует единодушное мнение, что прототипичным местом привязанности является “дом”» (Lewicka, 2011, с. 211).

По мере увеличения и структуризации накопленных знаний о феномене привязанности к месту становится все более обобщенным понятие, которое раскрывает, во-первых, позитивный характер отношения к особенному для человека месту и, во-вторых, стремление человека поддерживать и сохранять близость с предпочитаемым местом. Помимо этого, большинство исследователей сходятся во мнении относительно мотивов привязанности к месту. Так, неоднократно исследовано и по-житейски логично, что для формирования привязанности необходимо, чтобы человек был удовлетворен функциональными средовыми характеристиками (возможность выполнять определенную деятельность, оптимизация функциональных процессов средствами предметно-пространственного средового окружения), или иначе функционально привязан (place dependence) к среде обитания. Кроме того, привязанность к месту возникает вследствие удовлетворенности его эмоциональным содержанием (дружеские контакты, позитивная эмоциональная атмосфера и т.п.), и мерой соответствия образа среды представлениям и когнитивным схемам человека и способности среды поддерживать идентификационные процессы (вписанность среды в образ мира человека, ассоциации, предметность).

Обобщив центральные характеристики привязанности к месту и перенеся их на предложенный нами термин привязанности к дому, мы понимаем последний как положительную эмоциональную связь человека с местом (домом), проявляющуюся в предпочтении этого места другим и стремлении человека осуществлять там различные виды деятельности, находиться вблизи этого места и возвращаться в него. Привязанность

возникает, если дом нравится человеку, дает новые возможности и открывает смыслы. Таким образом, это рационально-иррациональное явление.

Структурно привязанность к дому — сложная композиция положительных переживаний и установок по отношению к нему как к комфортному и удобному, родному и близкому, безопасному и направляющему жизнь, или шире — подходящему (лично релевантному) функционально, эмоционально и символически месту. Этот феномен имеет адаптивное, регулирующее и пособляющее значения.

Прежде всего, привязанность к дому представляет валеологический ресурс: поскольку привязанность к среде жизнедеятельности сопряжена и с личностными смыслами, и с повседневными социально-культурными и информационными процессами, и с деятельностью каждого человека, то вполне естественно, что она влияет на психологическое здоровье личности. В литературе преимущественно рассматривается позитивный вклад привязанности к среде обитания в психологическое здоровье, рассматриваемое нами как позитивное функционирование личности, которое, с одной стороны, позволяет человеку максимально актуализировать свои возможности и эффективно лично развиваться, с другой стороны, сопровождается «гедоническими» эмоциями счастья и удовлетворенности жизнью и собственным «Я» (Kankotan, 2008). Например, исследовано, что привязанность к жилой среде позитивно взаимосвязана с удовлетворенностью качеством жизни (Azevedo et al., 2013), личностным развитием (Morgan, 2010), а также способна укрепить его самооценку (Twigger-Ross et al., 1996). Кроме того, она поддерживает самопреемственность и идентификационные процессы, являющиеся основой для благополучия личности. Так об этом писал А. де Сент-Экзюпери:

«Великая истина открылась мне. Я узнал: люди живут. А смысл их жизни в их доме. Дорога, ячменное поле, склон холма разговаривают по-разному с чужаком и с тем, кто здесь родился. Дом противостоит пространству, традиции противостоят бегу времени» (Сент-Экзюпери, 2007, с. 11).

Нами в предыдущих исследованиях также подтверждено положительное влияние привязанности к дому на психологическое благополучие личности на всех возрастных этапах (Reznichenko et al., 2016). Тем не менее привязанность к месту, как и другие формы привязанности, также может быть иррациональной, дисфункциональной или «небезопасной» для ментального здоровья и целостности личности. Так, например, сильная зависимость от своего дома усиливает ригидность аттитюда в отношении других мест жизнедеятельности и может препятствовать свободе действий человека, ограничивать его активность и развитие в целом или, словами Э.М. Ремарка, «тот, кто нигде не имеет дома, волен ехать куда угодно» (Ремарк, 2000, с. 34). Нами было исследовано, что «безопасность» сильной привязанности к дому зависит от возраста: сильная привязанность к дому поддерживает гармоничность личности и позволяет справ-

ляться с жизненными трудностями в подростковом и зрелом возрасте. В то время как у людей молодых и взрослых (18–45 лет), находящихся на пике трудовой и социальной активности, автономности и независимости, сильная привязанность к дому не оказывает положительного влияния на гармоничность и психологическое здоровье (Резниченко, 2016).

Вслед за исследователями феномена привязанности к месту, мы выделяем *адаптационную функцию* привязанности к дому. Эмоциональная связь с домом сама по себе не снабжает человека какими-либо ресурсами, обеспечивающими безопасность или повышающими адаптивность, но наше отношение к дому как к чему-то привычному, знакомому и приятному на психологическом уровне «обещает» нам его безопасность. При этом само ощущение безопасности, стабильности и собственной неприкосновенности в доме складывается не только и не столько за счет физических атрибутов (ограждений, дверей, «пунктов наблюдения»), сколько за счет знания свойств домашнего пространства и его наполнения (в том числе социального) и возможности превосходить позитивные и негативные ситуации в доме и эффективно управлять ими.

Ориентация на поддержание близкой и неразлучной связи с домом или другим особенным местом чаще возникает у людей, больше всего нуждающихся в безопасности и поддержке (социально ослабленные группы населения, беременные женщины, больные люди), что подчеркивает адаптационные и компенсаторные возможности привязанности к месту (Fried, 2000). Более того, в исследовании М. Биллиг показано, что люди, удовлетворенные местом проживания и испытывающие близость по отношению к своей среде жизнедеятельности, в большей мере, чем слабо привязанные к среде люди, ощущают себя в безопасности, даже когда эта среда находится в зоне военных действий, что позволяет им быстрее адаптироваться (Billig, 2006).

Как и другие виды привязанности, будучи включенной в систему диспозиций личности, привязанность к дому выполняет регулятивную функцию и помогает в достижении поставленных целей. Очень часто оказывается так, что человек расположен к среде обитания, потому что она дает ему ресурсы для достижения своих целей и желаний, позволяет осуществлять необходимые виды деятельности; эта связь с местом является одной из форм привязанности к месту – функциональной привязанностью, или зависимостью от места (Jorgensen et al., 2001). Например, сельский житель, зарабатывающий фермерством, функционально привязан к месту своего обитания, потому что условия этой среды конгруэнтны его целям и виду деятельности. Равно как и городской житель, выбирающий жизнь в центре города, получает возможность добраться до офиса быстро и с комфортом. Таким образом, обосновываясь в среде, соответствующей жизненным и профессиональным целям и задачам, человек будет иметь больше шансов успешно реализоваться.

Исследования показывают, что привязанность к дому моделирует поведение человека, в том числе социальное. Привязанность и уважение к дому определяет проэкологичность поведения человека по отношению к дому и его обитателям и более отчетливое понимание принципов устойчивого территориального развития и антиконсьюмеризма (антипотребительства) (Kyle et al., 2004). Разумеется, привязанность и уважение к домашнему пространству и домочадцам задают почтительное, протекционное и сообразное целям поведение. Дом — это убежище, где человек может планировать реализацию своих целей и оценить и / или спрогнозировать успешность в выполнении задачи, организовать завтрашний день. Зарубежные исследования также говорят о том, что привязанность к дому способствует структурированию опыта и событий жизни (Giuliani et al., 2003; Scannell, Gifford, 2010). Возвращение или пребывание в доме является некой отправной или, наоборот, завершающей веху жизни точкой и упорядочивающей впечатления, новые знания, образы и представления; особенно это актуально для мобильных людей, часто находящихся в других жизненных средах. Весьма точно эту функцию привязанности к дому описал писатель Т. Пратчетт: «Можно сколько угодно носиться по свету и посещать всякие города, но главное — отправиться потом туда, где у тебя будет возможность вспомнить ту кучу вещей, которые ты повидал. Ты нигде не побываешь по-настоящему, пока не вернешься домой» (Пратчетт, 2002, с. 217).

Таким образом, привязанность к дому является ресурсом для развития субъектности, целостности и гармоничности личности, на формирование которого влияет не только внутренняя психическая жизнь человека, но и социально-демографические и культурные факторы. Одной из самых устойчивых переменных, определяющих силу привязанности, является *возраст человека*. Например, Р. Хэй обнаружил, что сформированные эмоциональные связи с местом в детском возрасте более длительны, чем у взрослых, и сопровождают человека на протяжении жизни, однако у взрослых сила привязанности к месту имеет тенденцию к увеличению (Нау, 1998). С. Лоу и И. Альтман отмечают, что для пожилых людей «глубокие эмоциональные отношения с местом поддерживают чувство личностной целостности, укрепляют самооценку и позволяют людям сохранять позитивную «Я-концепцию» на фоне жизненных перемен и чередой сменяющихся обстоятельств» (Low, Altman, 1992, с. 10).

Научные поиски указывают и на *гендерную* специфику феномена привязанности к жилой среде. Например, в исследовании привязанности к жилой среде у жителей Западной Австралии было продемонстрировано, что женщины чаще, чем мужчины, указывают на эмоциональную связь с местом проживания (привязанность к месту); при этом функциональный компонент оказывается для женщин более значимым: к выбору места жительства женщины подходят с практической точки зрения, сопоставляя

собственные жизненные потребности и потенциал средовых условий для их выполнения (Moore et al., 1994). Женщины чаще оценивают качество местного сообщества с позиций социального взаимодействия (насколько открыты люди друг другу и новым жителям; отзывчивы; уровень доверия между жителями; насколько формальное или неформальное это общение и т.п.); у мужчин оценка близости и дружелюбности (качества) сообщества строится на возможности выполнять специфические виды деятельности (например, сходить с соседями на рыбалку, поиграть в футбол, построить вместе соседский гараж или общими усилиями починить машину) (Pretty et al., 2003). Дж. Горовиц с коллегами обнаружили, что при переезде женщины чаще, чем мужчины, стремятся продолжить или воссоздать прошлый опыт обживания и домашний быт (Horowitz et al., 1982).

Некоторые авторы в качестве значимых социально-демографических факторов называют *уровень образования и достаток*. Так, образованные люди имеют больше возможностей получить высокооплачиваемую работу; в свою очередь, высокое финансовое положение дает больше альтернатив в моделировании и проектировании дизайна своего жилища, то есть его персонализации и индивидуализации, а также позволяет иметь оптимальные пространственные характеристики дома – функциональное зонирование пространства, наличие личного пространства и просторных зон рекреации и т.п. (Clapham, 2005).

Длительность проживания – предиктор привязанности к дому, оспорить который труднее всего; устойчивость его влияния подтверждается от исследования к исследованию. Так, показано, что длительность проживания определяет привязанность к дому сильнее, чем владение им (Jorgensen et al., 2006). В работе группы американских экопсихологов под руководством Ш. Харлан приведены более конкретные результаты: процесс формирования привязанности обратно пропорционален мобильности человека, в среднем необходимо четыре года постоянного взаимодействия со средой обитания, чтобы с ней сформировались устойчивая положительная связь, чувство укорененности (*rootedness*) и с планами остаться жить в этом пространстве (Harlan et al., 2005).

6.1.2. «Три кита» привязанности к дому

Каждый ли дом, в котором человек жил или когда-то бывал, вызывает у него чувство привязанности? Исследования говорят, что, конечно, нет.

Привязанность к дому формируется при наличии нескольких условий. Наиболее существенным условием, запускающим процесс формирования привязанности к дому, является **повседневная активность** человека в его домашней среде (рис. 6.1). Так, по мнению М. Родман, природа привязанности к среде обитания есть феномен, конструируемый в ходе

взаимодействия человека с местом, поскольку для людей важно не само место как территориальный объект, а то, какой смысл оно в себе несет для поддержания личностной или групповой идентичности (Rodman, 2003).

Рутинные домашние практики должны нести в себе положительный опыт, быть продолжительными и символически значимыми для человека. Например, известно, что привязанность формируется и сохраняется по отношению к тем местам, с которыми связаны положительные судьбоносные события. Поэтому неудивительно, что в большинстве случаев привязанность к дому тем сильнее, чем дольше человек живет в доме. Положительное эмоциональное отношение человека к дому, осознание ценности дома как ресурсного места и удовлетворенность проживания в нем, а также рефлексия глубинных личностных смыслов дома (как метафоры личности, как места, напоминающего о важных событиях жизни и близких людях, наконец, как особенного места, где можно быть «своим» и самим собой) формируются в ходе обживания домашнего пространства и его подгонки под свои нужды и ожидания, бережной и осознанной организации уклада жизни в доме, наконец, просто в процессе накопления опыта проживания в нем. В этом плане одним из наиболее значимых факторов взаимодействия человека и его дома, способствующих формированию привязанности, является *персонализация* жилища — «процесс создания “своей” территории, который заключается в “оличивании” некоторого ближайшего окружения, проекции личности на территорию, с помощью чего достигается уверенность и защищенность» (Хейдметс, 1988, с. 9). Наделение дома признаками индивидуальности хозяина делает его в первую очередь объектом идентификации и самовыражения личности и только потом — приемлемым в функциональном отношении.

Таким образом, каждодневное тесное и осмысленное взаимодействие человека с его жизненным пространством инициирует формирование второго значимого условия возникновения привязанности — *эмоционально-смысловой связи с домом* (рис. 6.1) Очевидно, что, для того чтобы человек был привязан к дому и хотел туда возвращаться, необходимы: 1) эмоциональное приятие дома, которое представлено прежде всего теми конкретными чувствами, эмоциями и переживаниями (например, переживание счастья, умиротворения, радости, гордости от пребывания в доме), которые испытывает человек, находясь и взаимодействуя с группой людей в пределах жилого пространства. Эти чувства сводятся не только к эмоциональному отклику на бытовые условия и возможности домашней среды, но и к глубоким чувствам, связанным с бытийно ненасыщаемыми потребностями (в любви, счастье, одиночестве и т.п.); 2) смысловая значимость дома и соответствие образа дома ценностной сфере человека и «Я-образу» человека. Закрепление положительного образа дома в сознании человека зависит от таких факторов, как привлекательность домашней обстановки, статусность и уникальность

домашней среды, легкость ориентировки в доме и знание его истории, осмысленность действий, совершаемых в доме, наличие положительных ассоциаций, связанных с домом, а также идентификация с домочадцами и, собственно, с выработанными домашними порядками, нормами и укладом жизни.

Тем не менее эмоциональные и смысловые мотивы не поддаются четкому разграничению, поскольку смыслы дома одновременно являются и результатом эмоциональных переживаний, связанных с домом (дом — часть меня, потому что мне там хорошо), и их причиной (я люблю свой дом, потому что он является отражением меня). В работах А.Н. Леонтьева также понятие смысла, или «значение для меня», выражает единство аффективных и интеллектуальных процессов (Леонтьев, 2005). Поэтому в нашем исследовании мы интегрируем эмоциональные и смысловые мотивы привязанности в один — эмоционально-смысловой мотив привязанности к дому.

Наиболее типичным признаком того, что дом включен в систему личностных смыслов человека, является идентификация с домом — отношение к дому как части своего эмпирического «Я» (Хейдметс, 1988, с. 9). Идентификация необходима для того, чтобы повысить субъективную узнаваемость и предсказуемость среды проживания и одновременно очертить ее уникальность, отличительность и закрытость для «аутсайдеров». Близкий и родной образ дома основывается на ассоциативных связях с домашней средой (через образы, значения, символы, воспоминания, историю), позволяющих своему обитателю переживать преемственность и тождественность самому себе и группе обитателей дома. Эмоционально-смысловой мотив привязанности к дому наиболее тесно связан с субъектностью и автобиографической рефлексией — размышлениями над экзистенциальными вопросами «чего я достиг?», «каким я стал?», «каков мой жизненный путь, и какие задачи мне предстоит решить?». Эмоционально-смысловым мотивом привязанности к дому могут быть индивидуально-ценностные аспекты дома: соответствие дома образу жизни, возможность быть хозяином положения; способность направлять жизнь, служить репрезентацией или символом личной или семейной истории, напоминать о детстве. Эмоционально-смысловые мотивы привязанности к дому также могут быть связаны с социальной жизнью человека: возможностью поддерживать связь с близкими людьми (дом, в котором приятно проводить время с семьей, где есть взаимоподдержка, взаимопонимание; где можно почувствовать себя значимым). Наконец, ценность дома может заключаться в переживании положительных и подчас диффузных эмоциональных состояний, выражающихся в чувстве дома, состоянии счастья и нирваны и определяемых такими частными оценками дома, как «родной и любимый», «в котором хорошо» и «где люблю находиться», «дом живой, с душой».

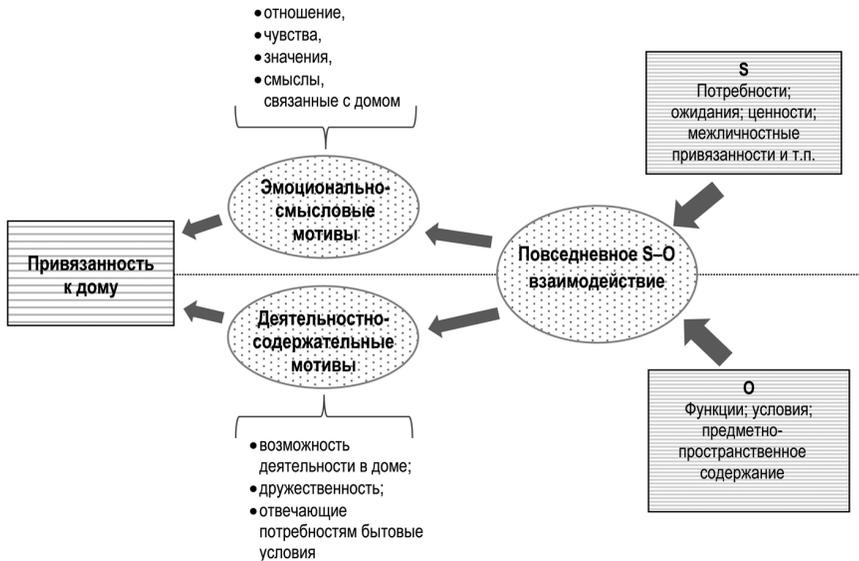

Рисунок 6.1. Механизм формирования привязанности к дому

Наконец, поскольку неотъемлемым условием привязанности к дому является деятельное взаимодействие с ним и в нем, то, очевидно, мотивом положительного отношения становится *функциональное соответствие жилища потребностям человека, или деятельностно-содержательные мотивы привязанности к дому*. Такие мотивы привязанности раскрывают объективные отношения человека и его дома и определяются функциональным потенциалом дома в поддержании человеческой активности разного рода: здесь важно, как человек оценивает свое место проживания и как эта оценка связана с его потребностями. Наши более ранние исследования позволили сделать вывод, что деятельностно-содержательные мотивы привязанности к дому можно сгруппировать в две группы (Резниченко, 2013):

1) деятельностные – мотивы, связанные непосредственно с теми видами деятельности, которые производит человек в пределах своего жилого пространства: коммуникация и установление ценных социальных контактов, выбор и осуществление различных видов деятельности (начиная от удовлетворения базовых потребностей (прием пищи, сон, отдых, релаксация и т.п.) и заканчивая высшими – саморазвитие, творческая деятельность, деятельность по уходу и заботе о своей семье и т.п.). Эти мотивы могут реализоваться благодаря динамическим функциям жилища, допускающим его изменение.

2) содержательные – мотивы, связанные с предметно-пространственной организацией домашней среды, с возможностью хранения вещей и лично значимых символов, пространственной организацией и другими содержательными составляющими жилого пространства. Содержательные мотивы включают все те значимые для человека особенности организации домашней среды, через которые могут быть удовлетворены разнообразные потребности, например в безопасности, комфорте, управляемости среды, саморегуляции, в оптимальном уровне сенсорной стимуляции и т.п. Здесь эксплуатируется такая функция жилища, как способность быть вместилищем. Функциональность, связанная с предметно-пространственным содержанием среды, может удовлетворить потребности в безопасности и защищенности, в комфорте и уюте, в свете и тепле, в сенсорном насыщении и стимуляции. Через содержание жилой среды (за счет самоэкспозиции и персонализации жилища) человек имеет возможность сделать социальное сообщение о своей личности, обустраиваясь, о достижениях, об интересах; а также регулировать собственную автономию (за счет сигнификации границ личного пространства, определенного способа организации и моделирования среды (Shumaker et al., 1983).

Таким образом, мотивы привязанности обладают субъектным или объектным характером (заданы потребностями или возможностями дома), актуализируются в практике рутинной повседневной деятельности; привязанность к дому формируется в ходе активного взаимодействия с домом, раскрывающего эмоционально-смысловую и функциональную значимость дома для человека.

6.1.3. Отчуждение от дома – проявления и причины

Очевидно, что если привязанность к дому описывает положительные чувства, мысли и поведение по отношению к жилой среде, то должно существовать и учитываться и отрицательное отношение к среде проживания. Таким противоположным по валентности и полюсу привязанности является феномен *отчуждения от дома*, под которым понимается переживание чуждости, отторжения и оторванности от домашней среды, сопровождающееся избеганием дома или сокращением времени своего нахождения там, замещением дома другими пространствами жизнедеятельности, отказом от выполнения домашних обязанностей либо неэкологичным по отношению к дому поведением (привычкой рушить, мусорить, не уважать домочадцев и т.п.).

Как и формирование привязанности к дому, отчуждение – процесс динамичный, комплексный, зависящий от степени неудовлетворенности человека эмоциональными, смысловыми и функциональными (деятель-

ностно-содержательными) характеристиками дома и влияющий на разнообразные сферы «Я» человека.

Отчуждение от среды проживания за рубежом наиболее часто изучается в русле государственных программ по социальной поддержке мигрантов и бездомных людей. Бездомность часто ассоциируется с образом спящего на улице человека, не имеющего ни работы, ни имущества, ни достойного уровня жизни. Этот наиболее экспрессивный образ бездомности, однако, не отражает весь масштаб проблемы. Многие люди являются латентно бездомными или отчужденными от места проживания, что может проявляться в непостоянстве их проживания в своей жилой среде или внешне немотивированной высокой мобильности, в выборе замещающих сред в качестве временного жилья (общежитие, хостел, заброшенный дом и т.п.), которые часто имеют некомфортные или даже антисанитарные и опасные условия для жизнедеятельности (Ploeg et al., 1997); бродяжничестве; в зависимом поведении и девиациях. В отечественной литературе изучено негативное влияние бездомности на структуру психики и психологическое здоровье личности (Л.С. Алексеева, Я.И. Гишинский, В.С. Клюева, А.В. Якушев и др.): ситуация бездомности влечет невозможность личностной и социальной самоактуализации; инволюционные процессы в отношении мотивационной, ценностной и социальной сфер личности, стресс, депрессивное состояние, невозможность восстановить силы и другие (Клюева, 2013). Исследования показывают, что психологическая отчужденность от среды возникает при отсутствии эмоциональной привязанности и идентификации с местом.

У. Бронфенбреннер одним из первых обратил внимания на проблему отчуждения, однако в его анализе средового отчуждения акцент ставится на социальной среде. Он подчеркивал, что разделение спальных и деловых районов в городах, интенсивная мобильность граждан и переезды, прерывающие связи с близким окружением, и другие факторы уменьшают возможности и желание взаимодействовать у детей и пожилых людей (Bronfenbrenner, 1974).

Феноменологический анализ отчуждения от дома и бездомности как результата у молодежи (16–25 лет), проведенный Е. Ригтс и А. Койлом на основе качественных данных, позволил рассмотреть два аспекта явления²: во-первых, объективное физическое отсутствие жилья (бездомность или удаленность от дома), во-вторых — переживание одиночества, отсутствие

² В нашем исследовании мы намеренно оставляем за рамками типологические и клинические особенности личности как фактор отчуждения от дома: существуют индивидуальные особенности, подобные шизоидной акцентуации характера, психопатическим расстройствам, присутствию в структуре личности черты «импульсивный поиск впечатлений» (*Impulsive sensation-seeking*), болезни Альцгеймера и некоторым другим, которые предрасполагают к бродяжничеству и уходам из достаточно комфортных и удобных домов.

эмоциональной привязанности и идентификации с местом, стремлением избегать общения с домашним сообществом (в т.ч. и с соседями), амбивалентность в отношении к происходящему дома и отсутствие психологической безопасности там (Riggs, Coyle, 2002).

Отчуждение от дома провоцирует утрату самобытности, социальной активности и филантропии и представляет собой значимый ресурс для поддержания индивидуальной и социальной идентичности и психологического благополучия (Riggs, Coyle, 2002). Ф. МакЭндрю утверждал, что разлука с близкой средой становится угрозой для процесса самоидентификации, а само чувство потери формирует болезненную тоску по дому и глубокое одиночество (McAndrew, 1998). Потеря привязанности к дому оказывает длительное негативное влияние как на процесс принятия и привыкания к новому месту, так и на выработку стратегий совладающего поведения в ситуации переживания утраты значимого места (Brown et al., 1992). Как отмечал Э. Релф, отчуждение, или чуждость места «Я-образу», описывает оторванность индивида от традиций, образа и правил жизни в среде, а жилой субъект становится пассивным наблюдателем средовых изменений и событий (Relph, 1976).

Хотя привязанность — отчуждение не образует континуум, в котором положительное отношение человека к своему дому плавно заменяется нейтральным и затем отрицательным, причины отчуждения, так же, как и привязанности, могут иметь эмоционально-смысловую и деятельностно-содержательный характер.

1) К *условно эмоциональным причинам* можно отнести: разногласия с домочадцами и напряженную эмоциональную обстановку в доме, неуважение к личности обитателя со стороны близких людей; холодность и равнодушие между членами семьи; отсутствие стремления помочь друг другу; депрессия, связанная с отсутствием личного пространства для своих дел, интересов, развития; социальное давление; чувство вины и страх вернуться и быть осужденным или оклейменным близкими людьми. К *условно смысловым* — потерю идентичности и принятие негативной идентичности бездомных (например, часто подростки, убегающие из дома, стремятся ходить по малознакомым улицам и жить там, где их никто не знает и где они могут ломать прежние стереотипы, социальные роли, формы и мотивы поведения); потерю смысла жизни, разлуку или потерю близкого человека; обесценивание идеи дома и привлекательность и / или идеализация идеи бездомности как проявление своего «Я» в критические периоды жизни (возрастные кризисы). Так, нередко подростки хотят покинуть дом, потому что идея и образ бездомности вписываются в привлекательную субкультуру (например, хиппи), а сам образ бездомного может оцениваться как романтический, захватывающий, неформальный, маргинальный и свободный от социальных норм и правил. Так же как и в случае мотивов привязанности, эмоциональные

и смысловые мотивы отчуждения в силу их тесной сопряженности мы относим к единому мотивационному кластеру — *эмоционально-смысловому*.

2) К *деятельностно-содержательным мотивам отчуждения от дома* можно отнести неудовлетворительные бытовые условия, снижающие качество жизни и не способные удовлетворить потребности обитателя, отсутствие возможностей для активности и достижения целей; вынужденная бездомность вне личностных мотивов (потеря недвижимости, вынужденное переселение и т.п.). По мнению Е. Каханы и соавторов, проблему профилактики отчуждения от жилой среды можно решить анализируя физические атрибуты жилища, которые отражают субъективные желания и потребности человека и соотнося их с такими атрибутами среды, которые потенциально оказывают средовое давление (Кахана et al., 2003). Например, наличие глухих и тяжелых дверей с замками в доме может говорить о потребности в контроле пространства и уединении, а большое количество жильцов в квартире — не конгруэнтный этим потребностям фактор.

Интересно, что отчуждение от дома может быть и позитивным процессом, если оно связано с добровольным намеренным выходом из зоны комфорта. Так, некоторые люди отказываются от дома, поскольку он несет якорную функцию и препятствует свободному передвижению по миру, постижению высших духовных смыслов и идейной оторванности от материальных благ. Добровольная разлука с домом предполагает появление возможностей для личностного роста и духовного развития вне дома. В последнее время аскетизм и антиконсьюмеризм как идеи устойчивого личностного и средового развития стали активно развиваться. При этом отчуждение от дома становится некоторым активным, осознанным действием для преодоления дисфункциональных отношений с домом и может быть элементом совладания со сложными жизненными обстоятельствами, саморазрушающими (в т.ч. суицидальными) и делинквентными наклонностями, а также ресурсом для личностного обогащения (опытом, социальными контактами, знаниями, впечатлениями) и условием для рефлексии и переосмысления своей жизни и «Я-образа».

6.2. Привязанность и функциональность дома: эмпирическое исследование

Как мы неоднократно отмечали, смысловая нагруженность дома имеет место и на индивидуальном, и на социальном уровнях человеческого бытия. Индивидуальное значение дома играет ключевую роль в субъект-средовых отношениях; дом — онтологическое пространство, через которое человек исследует мир и открывает себя. Соответственно, кон-

цепт дома не статичен, он меняется в соответствии с контекстом жизни человека, диктуемым культурными, политическими, организационными, социальными и экономическими событиями. Социальные (коллективные) смыслы дома определяются интерперсональным взаимодействием, передаваемой историей семьи, местного сообщества или даже уникальной историей физического пространства (например, знаменитый дом-усада).

Дом является носителем не только физических свойств, но и той семантики и контекстуальности, которую внес в него человек. Дом наполняется субъективным смыслом и значениями, проходит через призму опыта и жизненный путь человека или, по определению Д.В. Ольшанского, «субъективное пространство жизнедеятельности» (Ольшанский, 1983). Поэтому среда во всем ее многообразии есть интроецированная картина внешних объективных обстоятельств. Действительность (социальная, материальная, пространственно-временная) в восприятии субъекта не может быть дискретной, она целостна и отражена в эгоцентрических координатах субъективных свойств.

Таким образом, Дом – собирательный образ близкого и важного места, а его значения, формируемые системой человеческого опыта, устанавливая *субъективный уровень восприятия и положительного отношения к нему*, в то время как объективный уровень задается *функциональностью и дружелюбностью домашней среды*, то есть наличием таких условий для жизни, которые могут удовлетворить разноуровневые потребности жильца (потребности в осуществлении той или иной деятельности, отдыхе, восстановлении энергоресурсов, пище и т.п.). Между тем в зарубежной и отечественной психологической литературе мы не смогли найти методологически выверенных и детализированных эмпирических исследований, посвященных взаимоотношениям этих двух уровней. Кроме того, с учетом постулата о развивающем и стимулирующем влиянии благоприятной и дружелюбной среды жизнедеятельности и дезорганизирующем и деструктивным влиянии депривированной потребности среды становится очевидной ключевая роль исследований функциональных мотивов привязанности к дому в возрастной перспективе.

В нашем эмпирическом исследовании, о котором пойдет речь ниже, мы попытались исследовать одновременно несколько вопросов. Были изучены вклад образов реального и идеального дома в привязанность в возрастной перспективе, возрастная динамика интенсивности привязанности к дому. Также мы постарались выяснить соотношение эмоционально-смысловых и функциональных мотивов привязанности в каждом возрасте. Кроме того, нами были получены новые факты, касающиеся причин неприятия и нелюбви к своему дому в том или ином возрасте. Наконец, мы проверили предположение о том, что уровень привязан-

ности, с одной стороны, и манера и способы графически изображать свой дом – с другой стороны, тесно взаимосвязаны, то есть рисунок дома может дать информацию об уровне привязанности обитателя к нему и обо всех сопряженных с привязанностью психологических феноменах.

6.2.1. Привязанность и функциональность дома в возрастной перспективе

Самым простым и одновременно объективным способом изучения привязанности к дому является исследование значимых для человека функций дома, составляющих основу привязанности.

6.2.1.1. Процедура исследования

Объектный уровень, или функциональные характеристики жилища и отношения человека к ним, мы исследовали при помощи описанных в главе 2 опросников Релевантность домашней среды и Функциональность домашней среды, позволяющих изучить функциональность идеального образа дома человека. Субъектный уровень, собственно, мера привязанности к дому измерялась посредством одноименного опросника. В исследовании приняли участие 330 человек, жителей г. Москвы и Подмосковья; респонденты были распределены по четырем возрастным группам, соответствующих условно: 1) подростковому возрасту (возрастной диапазон 12–17 лет, $n = 91$; $M_{\text{возраст}} = 12,9$; 44 девочки); 2) юношескому возрасту (возрастной диапазон 18–24 года, $N = 90$; $M_{\text{возраст}} = 20,1$; 47 девушек); 3) периоду зрелости (возрастной диапазон 25–44 года, $n = 81$; $M_{\text{возраст}} = 31,7$; 43 женщины); 4) периоду зрелости (возрастной диапазон 45–72 года, $n = 68$; $M_{\text{возраст}} = 51,2$; 38 женщин).

Для обработки данных использовался корреляционный и регрессионный анализ.

6.2.1.2. Результаты и их обсуждение: связь привязанности с характеристиками домашней среды

Мы изучили взаимосвязи между привязанностью к дому и образами реального и идеального дома. Справедливо говорить о том, что привязанность к дому сильно взаимосвязана с удовлетворенностью обитателя характеристиками реального образа дома и слабее – с характеристиками идеального образа дома, при этом такое качество идеального дома, как Прагматичность, не влияет на привязанность к дому вообще (рис. 6.2). Слабое влияние идеального образа дома на привязанность, возможно, обусловлена тем, что человек, как правило, мечтает не столько о конкрет-

ных физических атрибутах и функциональных возможностях среды (например, просторный санузел с большой ванной), а о собственном образе при желаемых средовых возможностях (например, о себе, в уединении и комфорте принимающем ванну). И именно возможность улучшить свою жизнь за счет функциональности жилища определяет переживание счастья, а не функции домашней среды сами по себе (Charman, 2002).

Наиболее существенна связь привязанности к дому с функциями Ресурсности и Эргономичности жилища. Необходимо отметить, что именно эти две функции связаны с повседневной деятельностью человека в доме, они в наибольшей степени отражают практичность и функциональное удобство домашней среды.

Отрицательный вклад в привязанность к дому вносят неудовлетворенность его функциональными возможностями (Отчужденность), а также расхождение между характеристиками образа реального и идеального дома (РДС–ФДС). Эти результаты очень похожи на уже полученные в наших предыдущих исследованиях, где было показано, что несоответствие образов реального и идеального дома отрицательно сказывается на аутентичности и психологическом благополучии (Нартова-Бочавер и др., 2015).

Далее нас интересовало, существуют ли специфичные для разных возрастных периодов мотивы, связанные с функциональностью домашней среды и обуславливающие привязанность к дому.

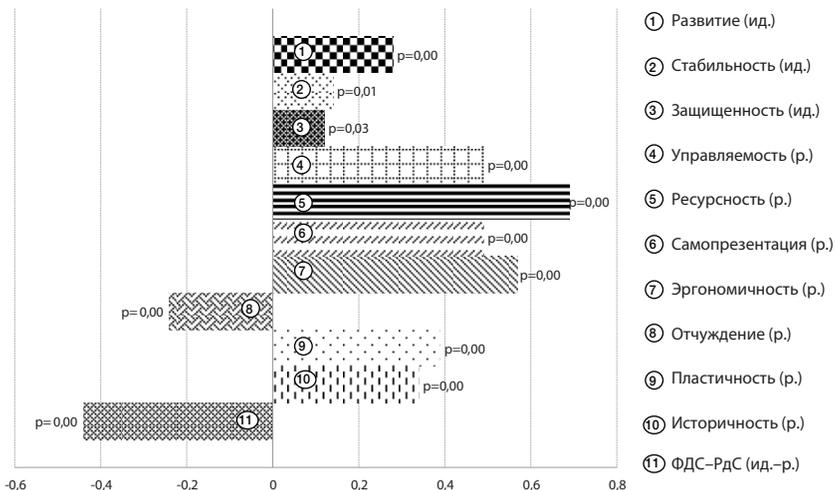

Рисунок 6.2. Результаты регрессионного анализа: вклад функциональных характеристик образа реального и идеального дома в переживание привязанности к дому по всей выборке

Примечание: N = 330. (р) – качества реального образа дома; (ид.) – качества идеального образа дома; РДС–ФДС (р – ид) – расхождение образов реального и идеального дома

Оказалось, что в целом подростки и юноши более восприимчивы (имеют наибольшее количество значимых характеристик-предикторов), чем люди старшего возраста, к характеристикам домашней среды (рис. 6.3). Интересно, что в подростковом возрасте образ идеального дома существенно влияет на привязанность к нему, но с возрастом это влияние ослабевает, и к периоду взрослости образ идеального дома уже никак не воздействует на привязанность к нему.

У подростков наиболее весомый вклад в привязанность вносят такие качества реальной домашней среды, как Эргономичность, Ресурсность, возможность Самопрезентации и Историчность (при $p \leq 0,001$). Также привязанность слабо поддерживается функциями идеального образа дома – Развитием при ($p \leq 0,01$), Стабильностью и Защищенностью ($p \leq 0,05$). Негативный вклад в привязанность вносит несоответствие образов реального и идеального дома. Иными словами, для подростковой привязанности к дому важно, чтобы домашняя среда была комфортной, технологичной и «рассказывала» другим людям об увлечениях,

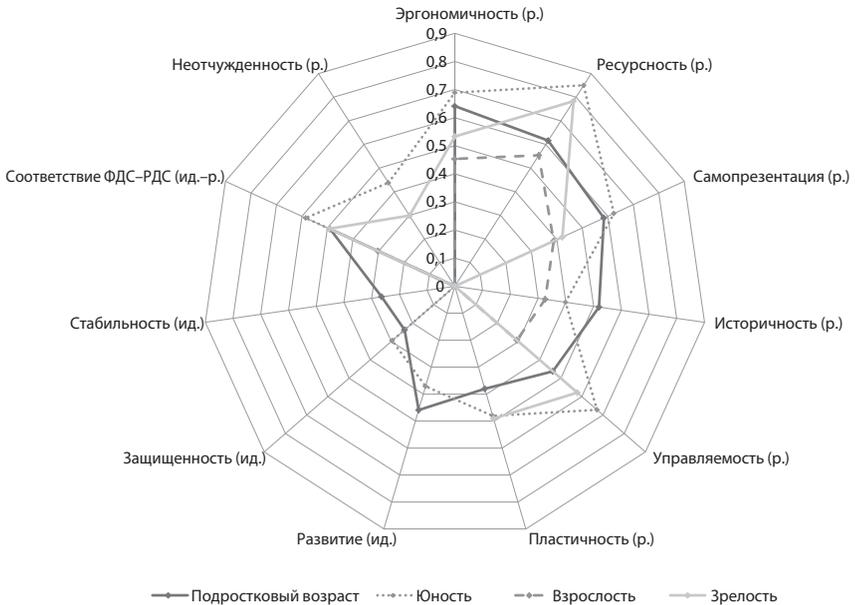

Рисунок 6.3. Вклад характеристик образов реального и идеального дома в привязанность к дому в разные возрастные периоды

достижениях и личности подростка за счет предметно-содержательных атрибутов (вещей, плакатов, наград и т.п.) и вместе с тем была местом, объединяющим всю семью. Большое количество взаимосвязей между привязанностью и характеристиками реального дома у подростков, по сравнению со взрослыми людьми, может объясняться тем, что подростки максимально зависят от дома и его обитателей, поскольку более ограничены в возможности находиться в замещающих жилых пространствах. По сути, дом для них является единственным местом, где они могут удовлетворить базовые, а часто — и экзистенциальные потребности.

Обнаруженная достаточно сильная по сравнению с другими возрастными периодами связь между привязанностью к дому и желаемой домашней средой у подростков вполне отражает их склонность к мечтательности, основная функция которой, по мнению некоторых психологов, заключается в регуляции ценностного выбора (Егорова, 2014), в данном случае — ценности и значимости Дома. Идеальный образ стабильного, защищенного и обеспечивающего развитие дома у подростков может формироваться как компенсаторный механизм, связанный с неутоленными потребностями в защите, постоянстве и информационных ресурсах, либо же, что более вероятно, как архетипичный образ благополучного дома.

В юношеском возрасте идеальный образ дома менее значим для поддержания привязанности, чем у подростков: привязанность поддерживается двумя функциями дома — развивающим потенциалом домашней среды ($p \leq 0,001$) и обеспечением защиты и неприкосновенности ($p \leq 0,01$). На рис. 6.3. отчетливо видно, что в целом в юности, по сравнению с другими возрастными периодами, формируются наиболее сильные связи между привязанностью к дому и характеристиками реального дома. При этом привязанность наиболее отчетливо диктуется ($p \leq 0,001$) Ресурсностью, Эргономичностью, Управляемостью и возможностью Самопрезентации, а ослабляется Отчужденностью³ и несоответствием образов реального и идеального дома. Таким образом, дом, к которому возникает привязанность в юности, как и у подростков, должен быть удобным и комфортным, а кроме того, иметь возможность «подгонки» под ситуативные нужды обитателя и контролирования средовых сигналов. Если в подростковом возрасте привязанность подкрепляется удобством дома и возможностью самоэкспозиции, то в юношеском возрасте привязанность к дому положительно связана с набором функций домашней среды, позво-

³ Для удобства графического изображения силы отрицательного вклада фактора Отчужденности в привязанность к дому на рис. 6.3 он помечен как «Неотчужденность». Таким образом, коэффициент положительного вклада Неотчужденности в привязанность равен коэффициенту отрицательного вклада фактора Отчужденности в привязанность к дому.

ляющей комфортно и без особых энергетических затрат поддерживать функциональные процессы. Эти различия могут быть легко объяснены возрастными задачами юношеского возраста, который в нашем исследовании был представлен преимущественно студентами.

Студенчество как особый период жизни человека отличается своей социальной ситуацией развития: этот период связан с вхождением во взрослую жизнь, высокой социальной мобильностью, интенсификацией ритма жизни, социальной напряженностью и насыщенностью жизнедеятельности и многими другими аспектами социально-профессионального взросления, которые требуют дополнительных адаптивных ресурсов. Эти функции берет на себя дом как место физического и душевного отдыха, единения с собой и размышлений, как тыл, как место, в котором можно сделать передышку, рассмотреть и наметить дальнейший путь. Так, в ряде зарубежных исследований была обнаружена тенденция, заключающаяся в том, что дом, в котором вырастает молодой человек (верхняя возрастная граница 20–23 года ассоциируется с возрастом окончания специального образования (колледжей) или бакалавриата), является прообразом его будущего дома во взрослом возрасте (Howell, 1981).

Достаточно неожиданным явлением для нас стала редукция связей между функциональностью домашней среды и привязанностью в период взрослости – на привязанность к дому сильное влияние оказывает только Ресурсность дома ($p \leq 0,001$), – поскольку жизнь взрослого человека ориентирована не только на профессиональный рост, но и на заботу о семье и детях, требующей определенного уровня жилищных условий. Тем не менее в работе Х. Скифтер Андерсена мы нашли схожую возрастную динамику в предпочтениях относительно функций жилища (Skifter Andersen, 2011). Автор поясняет, что функции домашней среды малозначимы для тех представителей средней взрослости, у которых нет детей, а также кто погружен в трудовую деятельность. Так же как и для представителей других возрастных групп, в период взрослости привязанность к дому ослабляется несоответствием образов реального и желаемого дома.

Наконец, в более поздний период зрелости привязанность наиболее сильно подкрепляется такими качествами реального дома, как Ресурсность и Управляемость ($p \leq 0,001$), а разрушается – Отчужденностью от дома ($p \leq 0,05$). То есть зрелым людям важен домашний комфорт (как и для представителей других возрастов); но в большей степени, чем у людей других возрастов, их привязанность к дому мотивируется средовой поддержкой и прогнозируемостью среды. Эти качества напрямую отражают потребность зрелого человека оптимизировать домашний уклад под свои нужды и возможности, и, соответственно, снизить средовое давление, что, в свою очередь, позволяет экономить энергетические ресурсы и поддерживать психологическое здоровье.

Общим, значимым во всех возрастах фактором (подростковый, юность и зрелость – при $p \leq 0,001$; взрослость – при $p \leq 0,01$), дестабилизирующим переживание привязанности к дому, является расхождение между образами желаемого и реального дома.

Итак, результаты исследования позволяют подтвердить наличие возрастной специфики взаимосвязей между привязанностью к дому и функциональностью жилища; обнаруженная сензитивность к характеристикам домашней среды, формирующим привязанность, объясняется возрастными задачами развития и жизненным контекстом человека, в свою очередь определяющими мотивационно-потребностную сферу, а значит, и селективность человека в отношении тех или иных функциональных качеств домашней среды.

6.2.1.3. Результаты и их обсуждение: интенсивность привязанности в возрастной перспективе

Продолжая наше эмпирическое исследование, мы предположили, что формирование разной силы и устойчивости привязанности к дому будет зависеть от возраста, а сама сила привязанности будет нелинейным образом связана с характеристиками домашней среды: например, слабая привязанность или отчуждение от домашней среды может регулироваться совершенно иными функциональными характеристиками (или их отсутствием) домашней среды, в отличие от сильной привязанности. Поэтому мы детализировали характерные для каждой возрастной группы связи между силой (актуальным уровнем) привязанности к дому – слабой, умеренной и сильной – и образами реального и идеального дома.

Обнаружилось, что слабая привязанность возникает в подростковом возрасте чаще, чем в период юности и взрослости ($p \leq 0,01$) и гораздо чаще, чем у зрелых людей ($p \leq 0,001$). Процентное распределение встречаемости силы привязанности к дому в каждой возрастной группе показано на рис. 6.4. Видно, что слабая привязанность отмечается почти у половины всех подростков, участвовавших в исследовании (различия между подростками с низким уровнем привязанности статистически превышают доли подростков со средним и высоким уровнями привязанности к дому на уровне значимости $p \leq 0,001$), количественное распределение подростков умеренно и сильно привязанных к дому равномерное. В юношеской выборке процентное распределение уровней привязанности равномерно. В период взрослости слабая привязанность к дому отмечается незначительно чаще среднего и высокого. В группе респондентов зрелого возраста наблюдается резкое снижение процентной доли слабо привязанных к своему дому людей (процентная доля людей зрелого возраста со слабой привязанностью к дому, достоверно ниже ($p \leq 0,001$) процентных долей зрелых людей умеренно и сильно привязанных к дому). Процент зрелых

людей с высоким уровнем привязанности в свою очередь незначительно выше процента людей той же возрастной группы с умеренной привязанностью.

Таким образом, формирование слабой привязанности к дому наиболее свойственно подросткам и почти не отмечается в группе зрелых людей, в то время как сильная привязанность формируется преимущественно в зрелом возрасте. Распространенность слабой привязанности к дому у подростков может аргументироваться их условно лабильным отношением к собственному дому: у подростка уже сформированы собственные предпочтения предметно-пространственной организации домашней среды и смысл дома, однако они имеют минимум возможностей изменить и «подстроить» жилую среду под себя, так же как и покинуть дом, вызывающий чувство отторжения. Кроме того, в силу возраста подростки гораздо более чувствительны и непримиримы по отношению к неудовлетворительной эмоциональной обстановке в доме (ссоры, разобщенность или ситуация развода родителей; изменение распорядка жизни, связанное с рождением сиблингов либо сложности отношений между ними; и, собственно, типичная для феномена чувства взрослости эмоциональная неустойчивость, чувство покинутости, одиночества и непонимания, бунтарство и т.п.).

Усиление привязанности к дому с возрастом может быть связано и с общей длительностью проживания на одном месте. Неоднократно доказано, что привязанность к месту увеличивается пропорционально длительности проживания в определенной среде (Brown et al., 2003). Кроме того, усиление привязанности к жилой среде в зрелом возрасте

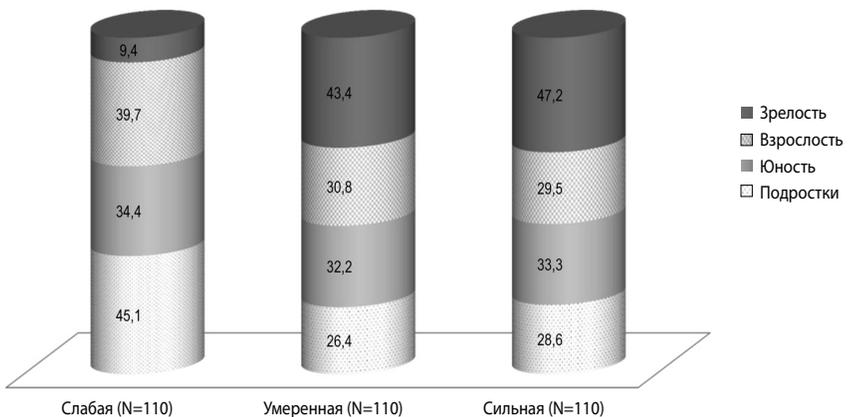

Рисунок 6.4. Доли слабой, умеренной и сильной привязанности к дому от общего количества людей каждого возраста (%)

может обуславливаться экзистенциальной потребностью в социальной и личностной интеграции и самопреемственности, а также резким увеличением времени пребывания в доме после выхода на пенсию.

Результаты нашего исследования говорят и о том, что слабая, умеренная и сильная привязанность в разных возрастах поддерживается различными качествами домашней среды (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Возрастная специфика вклада функциональности домашней среды в силу привязанности к дому

Возраст	П	У	Ре	Са	Э	О	Пл	И	ФДС-РДС
Слабая привязанность									
Подростки		0,42**	0,52***	0,35*	0,50***		0,38*	.37*	-0,60***
Юность		0,76***	0,83***	0,51**	0,50**	-0,61***	0,39*		-0,55***
Взрослость								0,37*	
Зрелость						-0,35*			-0,33*
Умеренная привязанность									
Подростки									
Юность									
Взрослость		0,66***	0,38*	0,43*	0,53**				-0,38*
Зрелость		0,46*	0,57**	0,48*	0,46*				-0,48*
Сильная привязанность									
Подростки			0,45*	0,53**	0,45*				
Юность		0,47**	0,47**	0,36*	0,37*			0,39*	-0,37*
Взрослость									
Зрелость	0,45*	0,70***	0,68**		0,46*				
<p><i>Примечания:</i> * – связи значимы при $p \leq 0,05$; ** – связи значимы при $p \leq 0,01$; *** – связи значимы при $p \leq 0,001$.</p> <p>Обозначения: качества образа идеального дома: П – Прагматичность; качества образа реального дома: Р – Развитие, С – Стабильность, З – Защищенность; У – Управляемость, Ре – Ресурсность, Са – Самопрезентация, Э – Эргономичность, О – Отчужденность, Пл – Пластичность, И – Историчность; ФДС – РДС – коэффициент расхождения реального и идеального образов дома.</p>									

У подростков слабая привязанность к дому в первую очередь поддерживается Ресурсностью и Эргономичностью реального дома, а антипредиктором является лишь показатель расхождения образов реального и идеального дома. Умеренная привязанность вообще никак не связана с какими-либо характеристиками дома, а в развитие сильной привязан-

ности вносят вклад такие свойства домашней среды, как возможность Самопрезентации, Ресурсность и Эргономичность.

Интересно, что подростки привязываются (впрочем, вообще довольно слабо) не к тому дому, который дает им чувство безопасности, а к тому, который стимулирует их развитие, дает возможность принимать новые вызовы. Неудивительно, что наиболее сильный подростковый стереотип относительно дома — «скучное место». Как правило, потребность в стимулировании развития, открытии новых возможностей в подростковом возрасте начинает удовлетворяться за пределами родного дома.

Слабая привязанность к своему дому в юношеском возрасте поддерживается функциональными возможностями домашней среды. Так, в юности наиболее значимыми факторами слабой привязанности являются Ресурсность и Управляемость дома, а антипредикторами — Отчужденность и расхождение образов реальной и желаемой домашней среды. Иначе говоря, юноши и девушки готовы терпеть свой дом, если он комфортен. Умеренная привязанность значимо не связана с какими-либо функциональными характеристиками среды и «подпитывается» только внутренними ресурсами — возможно, переживанием семейной истории или чем-то еще. Что касается сильной привязанности, то в юношеской группе отмечаются более сильные, чем в подростковой группе, связи с функциональными характеристиками домашней среды: Управляемостью и Ресурсностью, и чуть менее значимые — с Историчностью, Эргономичностью и возможностью Самопрезентации, в то время как расхождение между образами реального и идеального дома является антипредиктором сильной привязанности.

В свою очередь, у взрослых людей сила привязанности к дому в наименьшей степени обуславливается характеристиками домашней среды. Интересно, что слабая привязанность поддерживается только Историчностью домашней среды: по-видимому, в этом случае только сентиментальная семейная память или чувство долга побуждают оставаться в доме, где человек живет, но с удовольствием сменил бы на какое-то другое место. Умеренную привязанность наиболее существенно и положительно подкрепляет Управляемость домашней среды и слабее — Эргономичность, Ресурсность и возможность Самопрезентации, а расхождение между образом реального и идеального дома, как и в других возрастных периодах, влияет отрицательно. Сильная привязанность вообще не подкрепляется «извне» никакими функциями ни реального, ни идеального образов дома, возможно, представляя собой одно из нормативных приобретений среднего возраста.

Наконец, в зрелом возрасте слабая привязанность не поддерживается какими-либо позитивными характеристиками дома — если не любишь быть дома, никакие качества не сделают его привлекательным местом. Вполне возможно, что здесь мы как раз имеем дело с диспозициональ-

ми особенностями личности, от которых пытались отвлечься. Однако дом замечается представителями этой группы, становясь неудобным: анти-предикторами слабой привязанности служат Отчужденность и несоответствие образов реального и идеального дома. Умеренная привязанность наиболее сильно подкрепляется Ресурсностью домашней среды; менее значимый вклад вносят такие качества реального дома, как возможность Самопрезентации, Управляемость и Эргономичность, а негативное влияние оказывает несоответствие образа реального и идеального дома. Высокой привязанности в период зрелости в значительной степени содействуют Управляемость и Ресурсность домашней среды и в меньшей степени – Эргономичность и, что интересно, Прагматичность идеального дома. То есть, ставя целью сделать дом максимально удобным, представители этой группы генерируют мечты или прикладывают реальные усилия по достижению этой цели, что, в свою очередь, укрепляет их и без того сильную любовь к своему пока несовершенному дому.

Надо отметить, что это единственный, по сути, факт, когда привязанность поддерживалась образом идеального дома. При переходе к пожилому возрасту люди любят свой дом также и за то, каким удобным он может и должен стать. Остальные результаты свидетельствуют о том, что, чем более совершенным видится идеальный дом, тем слабее привязанность к дому реальному, и нет оптимизма относительно его совершенствования. Возможно, такое положение дел запускает обратные связи: раз дом не идеален, не стоит проводить в нем много времени, не стоит идентифицироваться с ним и не жалко, если он постепенно будет разрушаться. А к разрушенному дому привязаться еще сложнее.

Этот факт также хорошо сочетается с одной из практик архитектурной реставрации ценных зданий, суть которой состоит в том, чтобы поселить там постоянных жильцов. Для них дом уже достаточно совершенен, и они будут его поддерживать, чтобы жить в нем дальше.

Таким образом, действительно в разные возрастные периоды сила привязанности к дому определяется разной композицией предикторов-характеристик реального образа дома. При этом чем ниже привязанность к дому, тем более человек восприимчив к наличию и / или отсутствию значимых для него функциональных возможностей его дома. В этом плане слабо привязанным к дому подросткам и молодым людям особенно важно, чтобы дом отвечал их специфичным возрастным потребностям.

Фактология нашего исследования позволяет говорить о том, что функциональность домашней среды играет важную роль в процессах формирования / ослабления привязанности к дому. Житейский опыт и теоретические наработки психологии среды и смежных дисциплин, как уже обсуждалось выше, помимо существования функциональных причин формирования привязанности к дому рассматривают в качестве неотъ-

емлемой мотивационной основы эмоционально-смысловые факторы. Очевидно, что чувства и отношение к дому и к его наполнению (в том числе социальному), ассоциации и смыслы, порождаемые им, имеют огромное значение в предопределении положительного или отрицательного образа дома, любимого или отторгаемого, в который не терпится вернуться или откуда хочется бежать. Поэтому следующим нашим шагом явилось изучение мотивов привязанности к дому и отчуждения от него как двух полюсов одного и того же феномена у людей, находящихся на разных стадиях жизненного пути.

6.3. Мотивация привязанности и отчуждения: сравнительный анализ четырех возрастных когорт

В разделе 6.2.1 мы в общих чертах описали мотивы, которые способствуют возникновению привязанности к дому и отчуждению от него, однако хотелось бы изучить этот предмет более подробно. До сих пор мы намеренно отвлекались от феномена отчуждения дома. Говоря о слабой привязанности к дому, мы все же рассматривали ее как низкий уровень однофакторного по сути понятия, допуская, что дом можно любить сильно или слабо, но не любить его нельзя. Однако логически это не совсем точно. Отчуждение от дома — это активное нежелание там быть и делать что-то для того, чтобы он существовал и укреплялся. Это вполне отчетливая установка, которая отличается от слабой привязанности как пассивного отношения, отсутствию интереса и равнодушию к дому. Для того чтобы изучить мотивационные основы положительного и отрицательного отношения к дому (привязанности и отчуждения и их возрастную специфику, мы провели отдельную серию исследования.

6.3.1. Процедура исследования

В исследовании мотивов привязанности и отчуждения от дома приняли участие: 1) 88 подростков (возрастной диапазон 12–17 лет; $M_{\text{возраст}} = 12,9$; 44 девочки); 2) 89 представителей юношеского возраста (возрастной диапазон 18–24 года, $N = 90$; $M_{\text{возраст}} = 20,1$; 47 девушек); 3) 81 респондент периода зрелости (возрастной диапазон 25–44 года, $M_{\text{возраст}} = 31,7$; 43 женщины) и 4) 67 человек зрелого возраста (возрастной диапазон 45–72 года, $M_{\text{возраст}} = 51,2$; 38 женщин).

Мы использовали качественный анализ текстовых данных методом контент-анализа, полученных по методике «Неоконченные предложения» (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Неоконченные предложения для исследования мотивов привязанности и отчуждения от дома

Привязанность к дому	
1	Самое важное для меня то, что в моем доме я могу...
2	Я хотел бы, чтобы в моем доме...
3	Больше всего в своем доме я люблю...
Отчуждение от дома	
1	Я бы не смог(ла) жить там, где...
2	Мне очень не нравится, когда в моем доме...
3	В моем доме меня отталкивает и вызывает напряжение...

В качестве тем контент-анализа были выделены мотивация привязанности и мотивация отчуждения; в качестве единиц анализа — ответы респондентов на шесть неоконченных предложений. Предварительное изучение единиц анализа позволило выделить четыре категории контент-анализа: 1) *Эмоционально-смысловой мотивационный компонент* (Э) привязанности / отчуждения к дому отражает индивидуально-личностные ценности, ожидания, оценки, предпочтения и чувства человека по отношению к дому (например, «где хорошо»; «место, где можно быть собой»; «где одиноко и пусто»; «дом, который вызывает чувство безысходности»). 2) *Функциональный, или деятельностно-содержательный, компонент* (Ф), отражает условия и функции дома, позволяющие / мешающие удовлетворять биологические потребности и выполнять повседневную деятельность с комфортом и удобством (например, «дом, который прост в уходе», «где есть возможность отдохнуть»; «просторный»; «где нет условий для жизни»; «где шумно»). Описания, которые можно отнести и к функциональным и к эмоционально-смысловым характеристикам дома, составили *группу эмоционально-функционального единства* (ЭФ) *мотивов* привязанности и отчуждения от дома с двумя категориями: 3) компонент *ЭФ-единства с эмоциональной доминантой* (ЭФЭ) (например, «гостеприимный», «красивый», «однообразный») и 4) компонент *ЭФ-единства с функциональной доминантой* (ЭФФ) («где есть личное пространство», «логичный»; «бесполезный», «нелепый», где «суета»).

Для того чтобы соотнести ответы респондентов с референтами категорий анализа, был создан *словарь типа «замещений», состоящий из 129 словарных единиц*: в словаре, основанном на замещении, каждая единица анализа (описание, слово) определенной категории взаимозаменяемо (Олейник, 2009). Например, эмоциональные оценки домашней среды «жуткий, мистический, страшный» как референты эмоционально-смысловой категории мотивационных основ отчуждения от дома (тема анализа) взаимозаменяемы, представляют собой один код и не обязательно должны присутствовать в единице анализа (в ответе респондента) вместе.

С целью соотнесения словарных единиц с определенной категорией (Э, Ф, ЭФЭ, ЭФФ) мы привлекли шесть экспертов ($M_{\text{возраст}} = 30,1$; $SD_{\text{возраст}} = 9,7$), имеющих высшее психологическое образование. В результате экспертного исследования все 129 словарных единиц контент-анализа, описывающих мотивационные основы привязанности и / или отчуждения от дома, были распределены по категориям. Анализ конкордации выявил высокую согласованность экспертных оценок ($W = 0,870$; $p \leq 0,001$).

6.3.2. Результаты и их обсуждение

Затем мы сравнили частоту упоминаний каждого из четырех мотивационных компонентов в описаниях причин привязанности и отчуждения от дома у респондентов. Высокодостоверные различия (ANOVA) были обнаружены между эмоционально-смысловым (Э), функционально-содержательным и эмоционально-функциональным с функциональной доминантой (ЭФФ) мотивационными компонентами (табл. 6.2).

Таблица 6.2

**Сравнение средних значений встречаемости
каждого компонента при описании мотивов привязанности
и отчуждения от дома (%)**

Показатели	Четырехкомпонентная модель				Двухкомпонентная модель	
	Э**	Ф*	ЭФФ**	ЭФЭ	Э (Э+ЭФЭ)**	Ф (Ф+ЭФФ)**
Привязанность	29,7	55,1	59,3	46,8	38,2	57,2
Отчуждение	70,3	44,9	40,7	53,2	61,8	42,8
Итого	100	100	100	100	100	100

Примечание: * – $p \leq 0,01$; ** – $p \leq 0,001$.

Таким образом, привязанность и отчуждение от дома имеют разные мотивационные основы, а именно: переживание привязанности к дому сильнее мотивируется деятельностно-содержательными характеристиками домашней среды – бытовыми условиями, возможностью выполнять различные виды деятельности в доме, предметно-пространственным наполнением дома. Например, наши респонденты отмечали, что:

«Самое важное для меня то... что в моем доме можно отдохнуть от общения и спокойно заняться делами» (С., 20 лет, девушка) или

«Больше всего в своем доме я люблю... свою кровать и тишину» (М., 14 лет, мальчик), или

«Я хотела бы, чтобы в моем доме,.. было чище и меньше вещей» (Я., 34 года, женщина).

А отчуждение от дома мотивируется эмоционально-смысловым наполнением дома (чувствами и образами, связанными с домом; эмоциональной обстановкой в доме и т.п.), например:

«Мне очень не нравится, когда в моем доме... атмосфера злости» (С., 15 лет, мальчик) или

«В моем доме меня отталкивает и вызывает напряжение, если ссорюсь с кем-то из домашних или если становится слишком скучно дома» (С., 23 года, студентка), или

«Я бы не смог жить там, где... нет любимых людей и нет того, образа жизни, который помогает мне быть собой» (Б., 62 года, мужчина).

Для того чтобы понять, насколько сильно от дома дифференцированы мотивы привязанности и отчуждения от дома дифференцированы, была также проверена двухкомпонентная модель (t-критерий Стьюдента), в которой компоненты эмоционально-функционального единства объединены с основными компонентами (объединены компоненты Э и ЭФЭ, а также и Ф и ЭФФ) (табл. 6.2). Оказалось, средние значения двух компонентов мотивационной основы как привязанности, так и отчуждения значимо различаются ($p \leq 0,001$), что говорит о высокой дифференцированности мотивов отношения человека к его дому. Для дальнейшего изучения мотивов мы использовали двухкомпонентную модель (Э и Ф компоненты) как более экономичную.

Мотивационное ядро привязанности и отчуждения также возрастоспецифично. Результаты ANOVA позволяют говорить о том, что существуют значимые различия между четырьмя возрастными группами

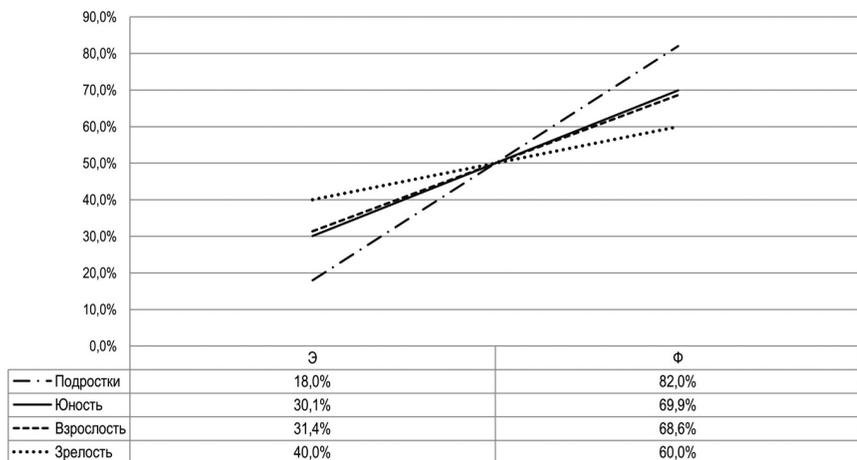

Рисунок 6.5. Процентное распределение мотивационных компонентов привязанности в каждой возрастной группе

по эмоционально-смысловому ($F = 12,49$; $p \leq 0,001$), мотивационному компоненту привязанности, а также по эмоционально-смысловому (\mathcal{E}) ($F = 4,69$; $p \leq 0,01$) и функциональному (Φ) ($F = 3,78$; $p \leq 0,05$) компонентам при описании причин отчуждения от дома. При описании причин привязанности к дому в подростковом возрасте различия между встречаемостью компонентов \mathcal{E} и Φ (t-критерий Стьюдента) при описании причин привязанности к дому наиболее статистически значимы ($t = -7,81$; $p \leq 0,000$) (рис. 6.5). В юности и средней зрелости расхождение между этими компонентами также значимо ($t = 4,29$ и $t = -5,00$, соответственно, при $p \leq 0,001$), но несколько сокращается, а к зрелому возрасту компоненты встречаются приблизительно с одинаковой частотой ($t = -0,35$; $p \leq 0,73$).

Это означает, что мотивация привязанности у подростков гораздо реже ($p \leq 0,001$), чем у респондентов старших возрастов, обуславливается положительным эмоционально-смысловым контекстом дома, но незначительно чаще – комфортом, удобством и содержательными характеристиками дома. В качестве наиболее значимых качеств дома, формирующих позитивное отношение к дому, подростки выделяют *наличие личного пространства и возможности уединиться, доступ к Интернету, возможность отдохнуть и расслабиться, поиграть в компьютер, ничего не делать*. Но постепенно с возрастом положительные эмоции, ассоциации и значения дома приобретают личностную значимость и

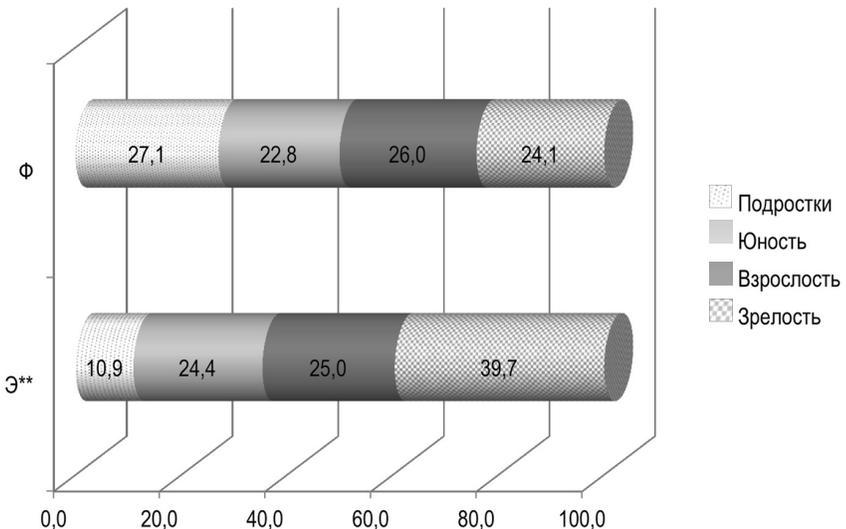

Рисунок 6.6. Распределение мотивационных компонентов привязанности в возрастной перспективе (%)

также становятся ведущим мотивом привязанности к дому, наравне с функциональными возможностями домашней среды. Графическое распределение мотивов привязанности в возрастной перспективе показано на рис. 6.6.

При описании мотивационных основ отчуждения от дома в подростковом возрасте различия между встречаемостью эмоционального и функционального компонентов минимальны ($t = -0,246$; $p \leq 0,806$) (рис. 6.7). Подростки приблизительно с одинаковой интенсивностью аргументируют причины отчуждения от дома неудовлетворительными бытовыми условиями — *где «грязно, и ничего нельзя найти», «постоянно шумят и мешают», «нет интернета, а в моей комнате нет дверей»*, а также отсутствием смысловой связи с домом либо негативной эмоциональной обстановкой — *где «на меня кричат», «меня не уважают», «не чувствую, что связан с домом»*.

С возрастом расхождение между частотой встречаемости эмоциональных и функциональных мотивов последовательно растет (в юности — $t = 4,451$ и в период зрелости — $t = 4,532$, при $\leq 0,001$) и достигает своего максимума в период зрелости ($t = 4,642$, при $\leq 0,000$), для представителей которого характерна наибольшая чувствительность к эмоционально-смысловому контексту среды, наиболее часто упоминаемыми аспектами которого являются наличие неприятных и чужих людей, несоответствие образа дома личностным ценностям, отсутствие эмоциональной поддержки со стороны близких, отсутствие взаимоуважения. Отметим, что представители юношеского возраста и периода

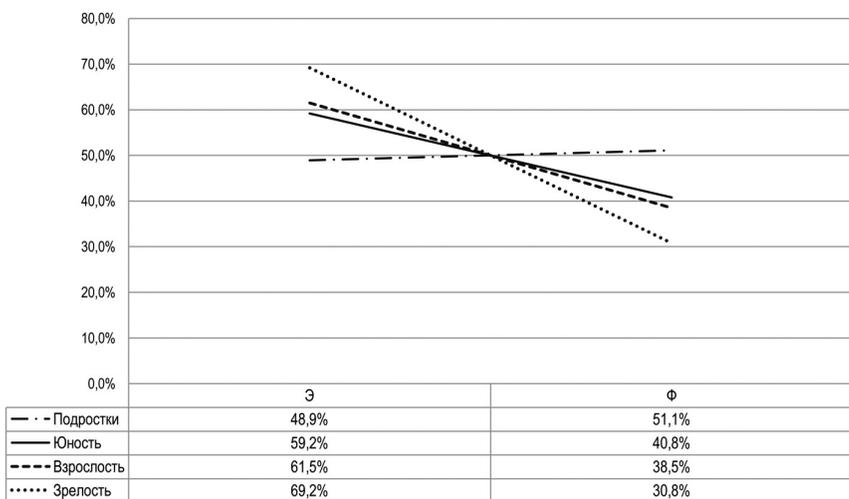

Рисунок 6.7. Распределение мотивов отчуждения в каждой возрастной группе (%)

взрослости в качестве мотивов отчуждения называли несколько другой перечень причин: «невозможность быть собой», «чувство одиночества», «отсутствие чувства дома» и наличие «неадекватных соседей», либо агрессивно настроенных домочадцев.

Таким образом, функциональные (деятельностно-содержательные) мотивы отчуждения более типичны для подростков, чем для людей периодов взрослости ($p \leq 0,040$) и зрелости ($p \leq 0,025$). А описание отчуждения от дома в эмоционально-смысловых терминах у подростков наблюдается реже ($p \leq 0,025$), чем в юношеской группе и у взрослых и зрелых людей. То есть с возрастом значимость эмоционально-смыслового контекста дома возрастает как в отношении мотивировки привязанности к дому, так и в отношении отчуждения от него. Графически возрастная специфика значимости мотивационных основ отчуждения от дома представлена на рис. 6.8.

Итак, мы видим, что с возрастом значимость эмоционально-смыслового контекста дома возрастает как в отношении мотивов привязанности к дому, так и в отношении отчуждения от него. Этот результат логично встраивается в данные многочисленных исследований, отражающих усиление значимости общения и социального статуса по мере взросления человека и приближения к старости (Краснова и др., 2011; Якимиха, 2002), в то время как для подростков дом – скорее «машина для жилья». Дом для зрелых людей представляет собой место встречи с родными и близкими людьми, центр взаимодействия разных поколений. А его образ

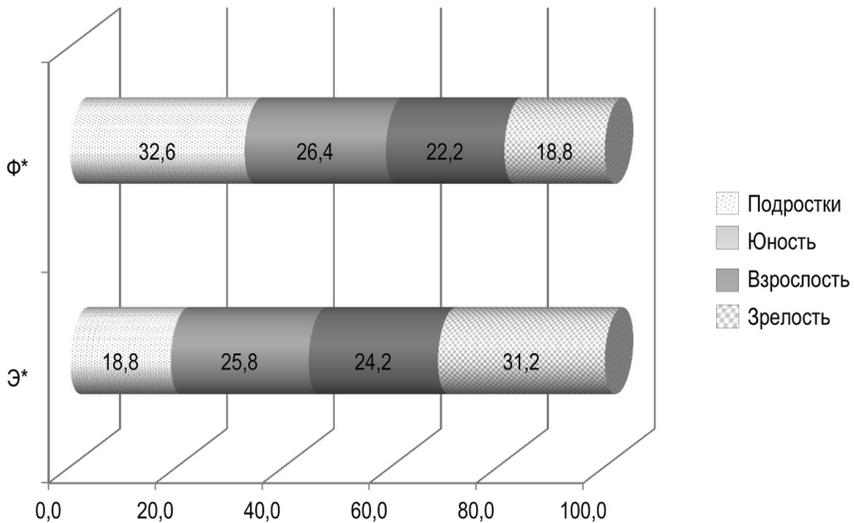

Рисунок 6.8. Распределение мотивационных компонентов отчуждения в возрастной перспективе (%)

становится архетипичным, отражающим меру личностного богатства и жизненного багажа зрелого человека.

6.4. Привязанность к дому и графическая схема домашнего пространства

И, наконец, мы представляем последнюю серию исследования, посвященную феномену привязанности к дому. До сих пор методология нашего исследования была выдержана в ключе «субъективное-субъективное»; все переменные носили самооценочный характер и к тому же были представлены вербально⁴. Однако мы не раз сталкивались с тем, что при оценке средовых объектов невербальная информация бывает более полезной, к тому же дополняющей вербальную. Невербальная не всегда осознается и контролируется, не оценивается с точки зрения социальной желательности и потому нередко бывает более искренней и точной. Как показывают многие исследователи, ключевым для восприятия дома являются не его объективные характеристики, а те смыслы, которыми наделяет данное пространство человек; смыслы часто проявляют себя в графической продукции человека. Кроме того, полученные данные могут уточнить интерпретацию известного графического теста «Нарисуй домик».

6.4.1. Процедура исследования

Цель данного пилотажного исследования состояла в изучении связи между особенностями графического изображения домашнего пространства и степенью привязанности авторов изображений к дому, а также в проверке в целом возможностей использования графической схемы домашнего пространства для анализа представлений респондентов о доме.

В батарею методик входил опросник Привязанность к дому и графическое задание со следующей инструкцией: «Изобразите, пожалуйста, схематично ваше жилище, и выделите (цветом, линией или как-то еще) те зоны, которые вы считаете наиболее “своими”, которые вы ассоциируете с понятием “личное пространство”. Если с вами проживает кто-то еще, пожалуйста, отметьте другим цветом (другой линией и т.п.) зоны, которые вы бы обозначили как личное пространство каждого из этих обитателей. Подпишите, пожалуйста, все важные элементы!»

Выборку составили 93 респондента (возрастной диапазон 17–35 лет; $M_{\text{возраст}} = 21,3$; $SD_{\text{возраст}} = 4,9$; 77 женщин).

⁴ Обьективирование данных (изучение привязанности в связи с характеристиками жилища) представляет собой одну из ближайших задач нашего исследования.

Респонденты продемонстрировали широкое разнообразие в пространственном и цветовом решении задачи по изображению схемы: кто-то использовал оборотную сторону листа (предназначенную для этого исследователями), кто-то предпочитал вставлять миниатюрную схему между абзацами заданий в батарее; кто-то использовал ту же шариковую ручку, которой заполнял опросники, другие брали простой карандаш или задействовали разные цветные карандаши или фломастеры. Способы обозначения пространства дома также различались: часть респондентов при помощи пунктирных линий и штриховки обозначали и называли пространства дома (рис. 6.9б), другие респонденты оставляли территории дома неназванными (рис. 6.9г); некоторые респонденты отмечали принадлежность пространств дома (рис. 6.9г), а некоторые – принадлежность предметной части (рис. 6.9а). Наконец, содержательная часть и способ изображения пространства тоже существенно варьировали: одни респонденты рисовали лишь план дома (например, рис. 6.9г); другие изображали предметное содержание дома – мебель, любимые вещи, технику (рис. 6.9а); кто-то рисовал схему дома коридорного типа (с выходами из комнат в общий коридор; рис. 6.9е), а кто-то – дом со свободной планировкой (рис. 6.9д).

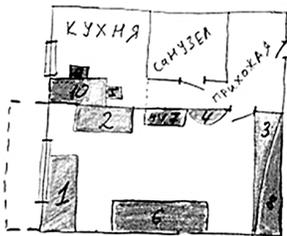
Д. Искокацукя

- 1 - прихожая
- 2 - ванная
- 3 - кладовка
- 4 - кухня
- 5 - большая комната

Личное пространство:

- - акцентированные ситуации
- - отсут.
- ▨ - мать

а)

«Личное пространство»

- ▨ - я
- - мама

- 1 - диван/спальное место
- 2 - письменный стол/рабочее место
- 3 - гардероб
- 4 - небольшая вешалка для одежды
- 5 - стул
- 6 - диван/спальное место
- 7 - шкаф и телевизор
- 9 - стул
- 10 - обеденный стол.

б)

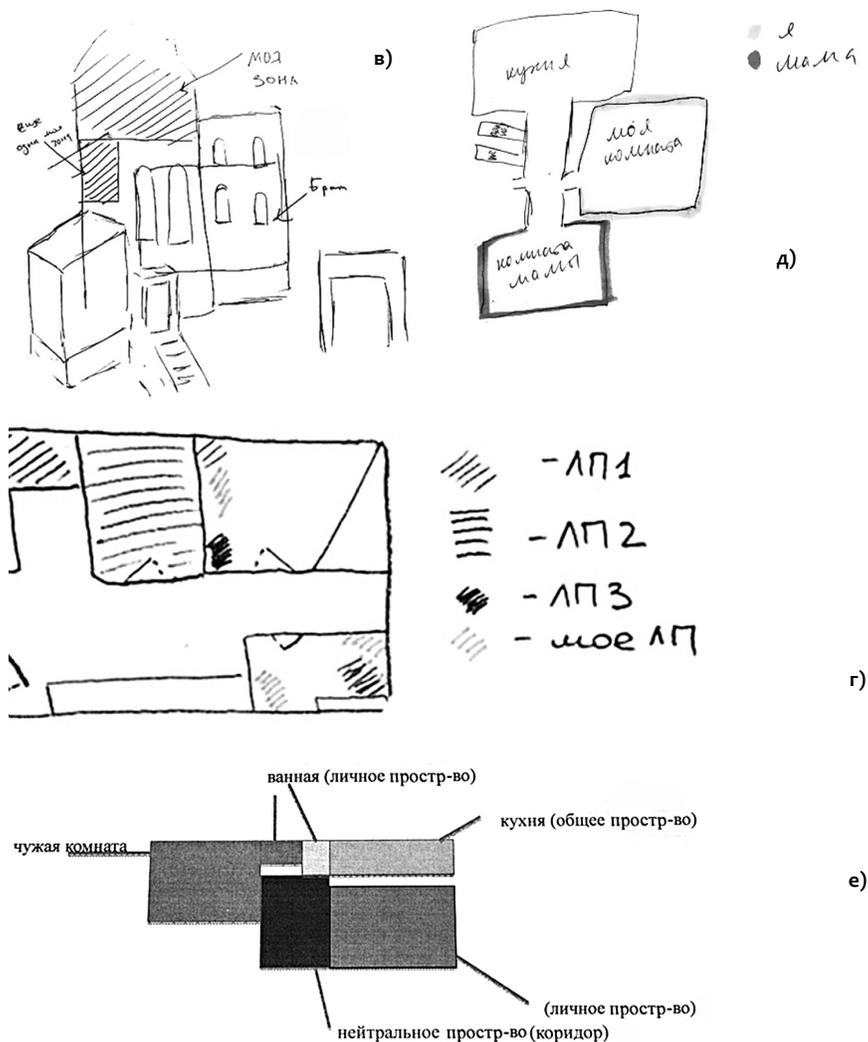

Рисунок 6.9. Примеры графических изображений домашнего пространства

Для определения значимых параметров рисунков были привлечены эксперты, в задачу которых входило выявить полярные свойства изображения рисунков, которые затем вошли в систему кодирования (табл. 6.3). Основная гипотеза состояла в том, что слабо и сильно привязанные к дому люди изображают свой дом в разных стилях.

Таблица 6.3

Схема кодирования графических изображений дома

1. Уровень детализации	
План квартиры	План + наполнение пространства
Территории названы	Территории не обозначены
Мне принадлежит пространство	Мне принадлежит предметная часть
Пространство разделено на «мое» и «чужое»	Обозначено, кому именно принадлежит пространство
Пространство делится на «мое» и «не мое»	Наличие общего пространства (владею с кем-то)
2. Планировка квартиры	
Коридорного типа	Свободная планировка
3. Степень изоляции комнат	
Общие стены	Пустота вокруг каждой комнаты
4. Способ презентации	
Плоскостная	Пространственная (есть перспектива)
Цветовая маркировка (пятно)	Монохромная маркировка (штриховка)

6.4.2. Результаты и их обсуждение

Поскольку мы сравнивали количественные (привязанность) и качественные (параметры графического изображения, выраженные дихотомической шкалой) данные, то для оценки силы взаимосвязей между ними использовался двусторонний точечно-бисериальный коэффициент корреляции (r_{pb}). Результаты показали статистически высоко достоверную положительную связь между плоскостным изображением домашнего пространства и привязанностью к дому ($r_{pb} = 0,28$, $p = 0,006$; рис. 6.9а). Кроме того, были выявлены достоверная отрицательная корреляция между разделением пространства на «мое» и «не мое» (рис. 6.9б) и привязанностью к дому ($r_{pb} = -0,25$, $p = 0,017$) и положительная корреляция между наличием общего пространства, которым респондент владеет наравне с другими обитателями (рис. 6.9д), и привязанностью к дому ($r_{pb} = 0,26$, $p = 0,013$). Наконец, были выявлены умеренно значимые связи между прорисовыванием общих стен между комнатами (рис. 6.9б) и привязанностью ($r_{pb} = 0,21$, $p = 0,048$).

Кроме того, в тенденции выявлены отрицательные связи привязанности к дому с разделением пространства на «мое» – «чужое» (отрицательная, $r_{pb} = -0,15$, $p = 0,087$; рис. 6.9г), а также с наличием в изображении объемного изображения ($r_{pb} = -0,18$, $p = 0,077$; рис. 6.9в).

Полученные данные показывают, что графические изображения дома действительно различны в случае сильной и слабой привязанности обитателей к дому. Так, изображаемая изоляция обитателей связана с низкой привязанностью к дому. Люди с высокой привязанностью к дому тяготеют к изображению на схеме общего пространства, которым обитатели

владеют совместно, и наоборот, у людей с низкой привязанностью к дому чаще встречается изображение разделенных пространств, закрытых для общения, которое, видимо, воспринимается как внедрение извне. Поскольку корреляции — это всегда двусторонние зависимости, полученные нами факты можно интерпретировать двояко. С одной стороны, возможно, высокая привязанность к дому обусловлена теплыми отношениями внутри семьи / состава обитателей жилища, и наличие общих пространств позволяет поддерживать и усиливать эти ресурсные, повышающие субъективное благополучие отношения; низкая привязанность к дому может объясняться низкой сплоченностью обитателей, высокими внутрисемейными границами и изоляцией между членами семьи, что приводит к отчуждению между родственниками и к отчуждению домашнего пространства. С другой стороны, возможно, люди, привязанные к дому, стремятся поддерживать пространство коммуникаций в доме, им важно совместное бытие и совместный быт, они вкладывают усилия в обеспечение уюта и общего комфорта, поддерживая позитивные аспекты пребывания дома, в то время как люди со слабой привязанностью к дому стремятся минимизировать взаимодействия внутри жилища и выстраивают жесткие границы, защищая свое личное пространство от посягательств соседей.

Неожиданным оказался один из полученных нами результатов — выяснилось, что респонденты с сильной привязанностью склонны делать плоскостное изображение дома, в то время как респонденты со слабой — объемное трехмерное. Обсудив внутри нашего авторского коллектива эти факты, мы можем проинтерпретировать их следующим образом. Плоское изображение графически более простое, оно возникает естественно, без размышлений, потому что дом для авторов рисунка — не проблемный объект. Возможно, оно несколько инфантильно и не предполагает рефлексии по той же самой причине — если что-то есть внутри, не обязательно демонстрировать это вовне. Что же касается слабо привязанных к своему дому, то они используют объемное изображение в процессе децентрации, чтобы увидеть «со стороны», каков их дом и что в нем не так. Но возможно и другое — слабо привязанные к своему дому смешивают представления о реальном и идеальном доме в своем рисунке, который таким образом представляет собой компенсацию — подобно тому как человек с низкой самооценкой может изобразить свой портрет размером на целый лист бумаги. Как бы то ни было, мы видим, что рисунок дома сцеплен с уровнем привязанности, которая, в свою очередь, сопряжена со спектром переменных, описывающих дружественность дома, его поддерживающую функцию. Таким образом, рисунок дома может дать дополнительную информацию и об этих переменных тоже.

Исходя из того, что корреляция показывает двусторонние связи, мы можем лишь с уверенностью заключить, что существует сопряженность

между графическим представлением дома и степенью привязанности к нему. Более мощная статистика позволит уточнить эти данные.

Выводы

Итак, исследований образа дома в разных его аспектах оказалась недостаточно для того, чтобы раскрыть всю глубину его взаимоотношений с обитателями и оценить вклад в позитивное функционирование человека — благополучие, защищенность, устойчивость против стрессов. Мы предположили, что в силу давней, до-сознательной связи человека с местом его обитания, эти отношения могут быть иррациональными, схожими с симпатией или любовью. Так появилось понятие привязанности к дому, а следом за ним — отчуждения от дома.

В четырех сериях исследований привязанности мы подтвердили эвристичность нового понятия и получили много интересных фактов.

Так, мы обнаружили, что привязанность к дому тесно связана с теми функциями, которые он выполняет в человеческой жизни, и чем моложе человек, тем более объектным и «технологичным» оказывается содержание привязанности к дому.

Оказалось, что интенсивность привязанности к дому на протяжении всей жизни человека носит нелинейный характер: подростки в меньшей степени стремятся находиться в доме и вкладывать в него силы и душу, в то время как для зрелых людей дом становится и смыслом жизни, и местом семейного взаимодействия, и ресурсом, снижающим давление внешней среды.

Кроме того, мы получили интересные данные, позволяющие утверждать, что привязанность к дому и отчуждение от него диктуются разными мотивами. Любовь к дому и желание там находиться в большей степени определяются его возможностями удовлетворять базовые потребности обитателя и позволять выполнять различные виды деятельности. А отторжение и неприятие образа дома в первую очередь запускается неудовлетворенностью эмоциональной атмосферой в доме и отсутствием субъективной значимости дома.

Более того, в разные периоды жизни доминируют разные мотивы привязанности и отчуждения: так, у подростков и любовь к дому, и отчуждение от него преимущественно мотивируются категориями комфорта, технологичности, эргономичности и удобства жилища; но с возрастом позитивное или негативное отношение человека к дому начинает все больше поддерживаться теми чувствами, настроениями и переживаниями, которые связаны с домом. В зрелости эмоционально-смысловые мотивы привязанности и отчуждения важны в наибольшей степени. Можно предположить, что зрелый человек имеет более длитель-

ный опыт взаимодействия со своим домом, что, в свою очередь, приводит к интеграции всех значений дома — космологического или терминальных ценностей (дом как вектор, жизненная философия и отражение мировоззрения), личностного (дом как ресурс поддержания идентичности, статуса, чувства значимости и принадлежности) и инструментального (дом как физический объект, допускающий определенные виды активности). «Обрастание» дома значениями приводит к тому, что образ дома приобретает самостоятельный личностный смысл и становится символом благополучия человека.

И, наконец, установлена связь между графическим образом дома и уровнем привязанности к нему: люди, привязанные к своему дому, отмечают общее пространство жизни всех обитателей дома, отделяют комнату каждого жильца стенами (а не пустотами), но при этом отмечают владельцев как своего личного пространства, так и «чужого», и предпочитают изображать свое жилище в плоскости. Люди, не испытывающие к дому привязанности, делят пространство дома на «мое» и «не мое» не так отчетливо, как те, кто любит свой дом, они также склонны прорисовывать общие границы между комнатами, однако чаще изображают свой дом в трехмерном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно подвести итоги.

Оценивая свой труд — конечно же, пристрастно, — мы можем констатировать, что нам действительно удалось выделить из сферы повседневного опыта и житейского познания совершенно новый предмет психологического исследования: домашнюю среду человека. Мы создали научный язык для его изучения — ввели несколько новых понятий, придумали и разработали три новых метода. Сопоставив точки зрения разных научных дисциплин, мы поняли, почему дом отражает личность обитателей и как влияет на них; увидели, что это взаимное влияние непостоянно, оно меняет свои содержание и интенсивность на протяжении жизненного пути. Наконец, мы получили большое количество эмпирических фактов, о которых можно было догадываться, но тем не менее они впервые оказались достоверно доказанными — о том, что хорошо, если дом дает много возможностей для различной деятельности; что не бывает идеального дома, который подошел бы каждому, и что реальный дом больше влияет на психологическое здоровье человека, чем воображаемый; что привязанность к дому вызвана не только его комфортностью, но также внутренними узами и общим опытом проживания важных событий; что изображение дома может многое сказать как о самом доме, так и о душевном здоровье художника. В целом мы убедились, что дом — это

главный экосоциальный ресурс, способный «подпитать» обитателя во всех его потребностях.

Некоторые полученные данные нас удивили. Оказалось, что для юношей дом иногда может быть более (субъективно) надежным пристанищем, чем для девушек, а воспитанники из детских домов оценивают свое жилище выше, чем их «домашние» сверстники. В ходе интерпретации этих результатов мы поняли, что, будучи необыкновенно сущностным, исконным фактом повседневной жизни, дом как ни одно другое явление обрастает стереотипами, предрассудками, приметам, и нам захотелось продолжить нашу работу, потому что осталось очень много вопросов, ответы на которые хотелось бы получить. Например — если дом оказывает влияние на отдельного человека, вероятно, он может повлиять и на сообщество людей — задать семейный микроклимат, стиль взаимодействия, систему ценностей. И вообще — видят ли члены одной семьи свой дом одинаково, а если нет, в чем различия? А если они привязаны к дому, то означает ли это, что они так же привязаны друг к другу или это явления независимые?

Или — дом полезен для психологического благополучия и адаптации человека, а может ли он оказать влияние на жизненную философию, систему ценностей, то есть сделать обитателей не только сильнее, но еще и лучше? В немецком языке о плохо воспитанном человеке говорят: «Er hatte keine Kinderstube», что дословно означает «У него не было детской комнаты». Не няни, бонны или учителя, — а именно комнаты. Потому что действие воспитания должно где-то осуществляться. Еще одно направление — связь с индивидуально-типологическими характеристиками, которую в этой книге мы намеренно не затрагивали. Вполне можно предположить, что кого-то дом манит, кого-то — отталкивает, а кому-то вообще все равно, где находиться и жить, и эти сложные процессы могут регулироваться не сентиментальной привязанностью к дому, а, например, экстраверсией или интроверсией. Вернее, интроверсия (или экстраверсия?) помогает «привязать» человека к дому. Кроме того, появляются и новые интриги исследования — например, образ дома вдали от него и вблизи, у людей «кочевых» и сезонных профессий, у тех, кто любит путешествия.

Как бы то ни было, мы привязались к нашему предмету, и, вложив много сил, будем планировать новые результаты. Поэтому наше прощание с читателями — не навсегда.

ГЛОССАРИЙ

Бюллербю (по мотивам книги А. Линдгрэн) – наиболее дружелюбный тип жизненной среды, характеризующийся широким спектром возможностей (допущений, *affordances*) и их доступностью обитателям (Kytta, 2004; Broberg et al., 2013).

«*Встроенные*» функции дома – задачи, связанные с кратковременным влиянием домашней среды или влиянием в период пребывания дома; обычно решаются посредством рутинных домашних практик.

«*Вынесенные*» функции дома – задачи, связанные с долговременным влиянием домашней среды на индивидуальность и состояние обитателей, в том числе в периоды разлуки с домом. «Вынесенные» функции дома обычно опираются на архетипический образ дома.

Безопасная среда – условия жизни, позволяющие человеку вести взвешенный, адаптированный образ жизни, но не дающие ресурсов и стимуляции к развитию.

Возможности (допущения, affordances) – субъективно значимые качества среды, которые воспринимаются как желательные, нежелательные или нейтральные в соответствии с индивидуальной организацией человека. Допущения всегда уникальны для каждого человека и могут быть потенциальными и актуализированными в среде; последние также содержат в себе все воспринимаемые возможности, уже используемые и только планируемые для использования.

Возможности среды регулируются социокультурным контекстом, определяющим, как и когда их можно реализовывать и создающим поле запрещенной (подавляемой) деятельности.

Динамический образ дома – аспект дома, подчеркивающий возможности дома как преобразуемого пространства, потенциально влияющего на психологическое состояние обитателя. Он включает представления о возможностях самоизменения через преобразование домашнего пространства – регуляции эмоционального и когнитивного состояния, изменения контакта с семейной и персональной историей, расширения репертуара привычных видов деятельности, приобретения навыков и реализации возможностей. Наличие и изменение деталей персонального пространства обеспечивает достаточно широкий спектр возможностей развития и изменения; динамический образ – это реальный пластичный ресурс самоподдержки человека, который, впрочем, может осознаваться и использоваться в различной мере. Этот образ дома может использоваться человеком как в ситуациях личностных изменений, давая возможность преобразования домашней территории и смены старого на новое, так и в ситуациях необходимости поддержания стабильности в условиях внешних кризисов, позволяя воспринимать дом как пространство, олицетворяющее спокойствие и безопасность.

Дом (домашняя среда) – ключевой ресурсный средовой объект повседневной жизни человека, интегрирующий функциональные (дом как место жизнедеятельности, жилище) и эмоционально-личностные (дом как объект идентификации и метафора личности) смыслы.

Дружественная среда – условия жизни, включающие возможности для благоприятного развития и самоактуализации обитателей.

Дружественность домашней среды – сложное многомерное и многоуровневое качество таких сред или условий, которые обеспечивают поддержку индивиду или группе в реализации своих целей и проектов и способствуют субъективному благополучию на обоих уровнях – индивидуально-средового соответствия (*person-environment congruity*) и соответствия среды группе (*collective-environment congruity*) (Norelli, 2007). В нашем исследовании – мера соответствия функций дома потребностям обитателей.

Зависимость от места (place dependence, функциональная привязанность) – стремление выполнять различные виды деятельности и находиться в том месте, возможности и функции которого наиболее соответствуют потребностям и целям человека (Stokols, Shumaker, 1981).

Защищенность – аспект функциональности домашней среды, обеспечивающий безопасное и успешное взаимодействие с внешней социальной средой (например, регуляцию границ, экспозиция статуса).

- Идентификация с местом* (*place identity*, смысловая привязанность) — сложный конгломерат раздумий, чувств и ассоциаций в отношении среды и ее соответствия личностным смыслам и жизненным целям человека, отражающий меру соответствия образа места взглядам, ожиданиям и образу мысли и жизни человека (Proshansky, Fabian, 1987; Cuba, Hummon, 1993).
- Историчность* — аспект релевантности домашней среды, отражающий наличие семейной истории, связанной с домом.
- Камера* — вариант жизненной среды, характеризующийся бедностью возможностей (допущений, *affordances*) при запрете использовать их; недружественная среда (Kytta, 2004; Broberg et al., 2013).
- Модель дома* — субъективный образ реального и идеального дома, специфичный для конкретного человека или группы людей, объединенных по какому-либо признаку (гендер, возраст, социокультурный контекст развития и т.д.).
- Несущая способность среды* — условия обитания, способствующие выживанию и увеличению численности вида и включающие в себя в основном наличие личной территории и питание.
- Образ воображаемого (желаемого, идеального) дома* — прагматическая проекция образа жизни на физические показатели; доступность или наличие необходимых ресурсов с учетом предпочтений и представлений о комфорте. Описание наиболее комфортной среды для реализации определенного образа жизни акцентирует те стабильные потребности человека, которые недостаточно удовлетворены или не насыщаемы, но осознаются как наиболее значимые, задающие рамки остальных функций и характеристик дома. Образ воображаемого дома может использоваться для самоподдержки в условиях каждодневной фрустрации базовых потребностей; кроме того, он позволяет человеку отчетливее представлять нюансы и специфику собственного образа жизни.
- Образ идеального дома* — желаемые качества домашней среды, конфигурация которых позволяет оценить потребности индивида с точки зрения их удовлетворенности / неудовлетворенности или насыщаемости / ненасыщаемости. Частично пересекается с образом воображаемого дома.
- Образ реального дома* — качества актуальной домашней среды, конфигурация которых позволяет сделать вывод о дружелюбности или недружелюбности дома его обитателю. Чем больше качеств реальной домашней среды представлено и отвечает потребностям человека, тем более дружелюбен его дом. Образ реального дома может представлять собой сильный ресурс поддержки позитивного функционирования человека.

- Отчуждение от дома* — переживание чуждости, отторжения и оторванности от домашней среды, сопровождающееся поведенческой установкой избегать или минимизировать свое нахождение дома, замещать образ дома другими пространствами жизнедеятельности, удаляться от выполнения домашней деятельности либо вести себя неэкологично по отношению к дому, его содержанию или обитателям (рушить, мусорить, не уважать домочадцев и т.п.).
- Отчужденность* — аспект релевантности домашней среды, отражающий неприятие домашней среды и неудовлетворенность мерой ее функциональности; вносит отрицательный вклад в показатель общей релевантности.
- Пластичность* — аспект релевантности домашней среды, отражающий ее гибкость, динамичность и трансформируемость.
- Повседневный образ дома* — аспект образа дома, акцентирующий роль рутинных домашних практик в поддержании близких отношений. Порождает переживание «уютa» или его отсутствия. Неосознаваемая связь между качеством отношений и субъективно переживаемым благополучием на территории дома («уютом») может приводить к конфликтам из-за личной территории, побегам из дома, частым переездам, тяге к перемене мест, в то время как осознание таких связей открывает перспективу для системных изменений в семье обитателей и повышению качества жизни. Дом как источник ощущений эмоционального тепла и безопасности может служить защитой от других, негативных средовых влияний.
- Прагматичность* — аспект функциональности домашней среды, отвечающий за базовые функции дома, которые облегчают повседневную деятельность человека и связаны с укладом жизни и бытом в домашней среде.
- Привязанность к дому* — положительная эмоциональная связь человека с домом, проявляющаяся в предпочтении дома другим местам и в стремлении человека осуществлять там различные виды деятельности, находиться вблизи него, возвращаться в него, которая подкрепляется эмоционально-смысловым и функционально-содержательным мотивационными компонентами. Измеряется одноименным опросником.
- Привязанность к месту (place attachment)* — положительная эмоциональная связь между человеком и определенным местом, возникающая в ходе взаимодействия человека с этим местом и проявляющаяся в стремлении поддерживать и сохранять близость с предпочитаемым местом (Williams, Patterson, Roggenbuck, Watson, 1992; Rubinstein, Parmelee, 1992).
- Психотерапевтическая среда* — условия жизни (часто созданные искусственно), способные обладать компенсаторным, целительным и

стимулирующим влиянием на развитие всей системы потребностей и смыслов человека.

- Пустырь* — вариант жизненной среды, характеризующийся бедностью возможностей (допущений, *affordances*) при их объективной доступности; недружественная среда (Kytta, 2004; Broberg et al., 2013).
- Развитие* — аспект функциональности домашней среды, отвечающий за развитие человека и снабжение сенсорной, когнитивной и социальной информацией.
- Релевантность домашней среды* — мера соответствия (конгруэнтности) функций домашней среды потребностям обитателей; один из показателей дружелюбности домашней среды. Имеет семь аспектов. Измеряется опросником Релевантности домашней среды.
- Ресурсность* — аспект релевантности домашней среды, включающей средовые ресурсы, обеспечивающие информационную, социальную, физическую поддержку и ощущение стабильности.
- Самопрезентация* — аспект релевантности домашней среды, предоставляющий возможность экспозиции личностных качеств, достижений, интересов и идей обитателей личности через их домашнюю среду.
- Средовой смысл* (значение, цена, *environmental meaning*) — неочевидные коннотации средовых явлений, культурное значение в переносном смысле или социальное взаимодействие, которое стоит в скрытом виде за физическими качествами среды (например, неотремонтированный туалет в школе говорит о безответственности, равнодушии и неуважении администрации школы к учителям и ученикам) (Heft, 2001).
- Стабильность* — аспект функциональности домашней среды, обеспечивающий устойчивость, чувство комфорта, узнаваемость и предсказуемость домашних изменений.
- Стеклоанный дом* — вариант жизненной среды, характеризующийся широким спектром возможностей (допущений, *affordances*) при их недоступности и запрете использовать; не самая дружественная среда (Kytta, 2004; Broberg et al., 2013).
- Угрожающая среда* — наименее дружественная из жизненных сред, препятствующая удовлетворению базовых человеческих потребностей и мобилизующая защитную активность обитателей.
- Универсальный (архетипический) образ дома* — аспект образа дома, характеризующий два смыслообразующих аспекта жилища: поддержание безопасности и обеспечение пространства для жизни семьи. Универсальный образ обобщен и над-опытен, присутствует у всех людей независимо от биографии, восходя к общему «чувству гнезда». Он может быть универсальным психотерапевтическим ресурсом, особенно эффективным в ситуациях оторванности от дома или отсутствия дома вообще.

- Управляемость* — аспект релевантности домашней среды, обеспечивающий ее прогнозируемость и контролируемость, возможность ее «подгонки» под ситуативные нужды обитателя.
- Функции дома* — работа, действия, которые дом выполняет в жизни обитателей в соответствии с целями, для которых он был построен или приобретен.
- Функциональность домашней среды* — эффективность в решении задач, для которых дом предназначался; один из показателей дружелюбности домашней среды. Имеет четыре аспекта. Измеряется при помощи опросника Функциональность домашней среды.
- Чувство места (sense of place)* — эмоциональная связь между физической средой и человеческим бытием (Тан, 1974), которая является отражением степени удовлетворенности человека географическими, пространственными и смысловыми качествами особенного для человека места, а также позитивных эмоциональных переживаний, связанных с этим местом.
- Эргономичность* — аспект релевантности домашней среды, отражающий комфортность и удобство домашней обстановки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулова Т.П.* Субкультура подростков: возрастные закономерности развития // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 4. С. 50–60.
- Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.
- Анциферова Л.И.* О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
- Анциферова Л.И.* Психология повседневности; жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16.
- Артемидор Далдианский.* Онейрокритика. М.: Кристалл, 1999.
- Бардадымов В.А.* Аутентичность личности подростков на разных стадиях аддиктивного поведения. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по психиатрии. М.: КомКнига, 2010.
- Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии / 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2005.
- Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.Б.* Методика многостороннего исследования личности в клинической медицине и психогигиене. М.: Медицина, 1976.
- Бор Н.* Избранные научные труды. В 2 т. М., 1970–1971.
- Бочавер А.А.* Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути личности. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Бочавер А.А.* Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.

- Булгаков М.А. Белая гвардия // Полное собрание романов и повестей в одном томе. М.: Эксмо, 2013.
- Быстрова Я.В. Символика строения дома: социокультурный смысл // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Т. 17. № 4. С. 102–111.
- Валеди́нская О.Р., Нартова-Бочавер С.К. Личное пространство человека и возможности его «измерения» // Психология зрелости и старения. 2002. № 2. С. 66–77.
- Веллер М. Легенда Невского проспекта. М.: АСТ, 2008.
- Венгер А.А. Психологические рисуночные тесты. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.
- Верн Жюль. Собр. соч. В 12 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956.
- Вестли А.-К. Папа, мама, восемь детей и грузовик. М.: Махаон, 2013.
- Водяха С.А. Предикторы психологического благополучия студентов // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prediktory-psihologicheskogo-blagopoluchiya-studentov> (дата обращения: 30.07.2016).
- Выготский А.С. Собрание сочинений. В 6 т. // Под ред. Д.Б. Эльконина. Т. 4. Педология подростка. М.: Педагогика, 1984.
- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Даль В.И. Толковый словарь. URL: <http://moyslovar.ru/slovari/dal/bukva/%D0%90> (дата обращения: 20.07.2016).
- Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
- Джемс У. Психология. Петроград: Наука и школа, 1922.
- Дмитриева Н.С. Домашняя среда и психологическое благополучие подростков // Вестник университета (Гос. ун-т управления). 2014. № 17. С. 292–299.
- Дмитриева Н.С. Домашняя среда как ресурс психологического благополучия и аутентичности подростков. Дис... канд. психол. наук. М., 2015.
- Дмитриева Н.С. Модель жизненного пространства у подростков: предпосылки и направления исследования // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 3 (28). С. 90–99.
- Дмитриева Н.С., Нартова-Бочавер С.К. Возможности физической среды в условиях инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 1. С. 74–81.
- Ерофеев В. Москва – Петушки // Записки психопата. Москва – Петушки. М., Вагриус, 2008. URL: http://modernlib.ru/books/erofeev_venedikt/moskva_petushki/read (дата обращения 01.07.2016)
- Журавлев А.А., Харламенкова Н.Е. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею А.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Знаков В.В. Современное развитие психологии субъекта: субъектно-аналитический подход // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.А. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН», 2016. С. 52–84.
- Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. Киев: София, 1999.
- Коваленко Е.А. Воронка бездомности и ограничение потенциальных возможностей // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. №4. С. 519–536.
- Краснова О.В., Галасюк И.Н., Шинина Т.В. Психология личности пожилых людей и лиц с ограничениями здоровья: учебное пособие для слушателей профессиональ-

- ной переподготовки по специальности «Психологическая работа в учреждениях социальной сферы» / Под ред. О.В. Красновой. М.: Каро, 2011.
- Куницзына В.Н., Юмкина Е.А. Семейный уклад в социально-психологическом аспекте // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: www.science-education.ru/104-6696 (дата обращения: 22.05.2014).
- Лавренова О.А., Митин И.И. Топофилия (материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах / Под ред. Д.Н. Замятина. М.: Изд-во Института Наследия. 2007. Вып. 4. С. 339–342.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 1982.
- Лоренц К. Оборотная сторона зеркала (Мыслители XX века). М.: Республика, 1998.
- Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2014.
- Морозкина Е.А., Камалов Р.И. Художественная реализация модели «внутреннее-внешнее» в композиции романа Н. Готорна «Дом о семи фронтонах» // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 89–93.
- Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости // Феномен и категории зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко М., 2007. С. 149–173.
- Нартова-Бочавер С.К. Дифференциальная психология. М.: Флинта, 2003.
- Нартова-Бочавер С.К. Единство субъекта и бытия как основа естественной психотерапии // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. С. 482–497.
- Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
- Нартова-Бочавер С.К. Онтогенез психологической суверенности личности // Психология зрелости и старения. 2005. № 1. С. 102–113.
- Нартова-Бочавер С.К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 18–29.
- Нартова-Бочавер С.К. Принцип дополнительности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Под ред. М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлева, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2016. С. 192–213.
- Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней зрелости // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 15–28.
- Нартова-Бочавер С.К. Развитие жизненного пространства ребенка в онтогенезе // Стратегия дошкольного образования в 21 веке: проблемы и перспективы. Научно-практическая конференция, посвященная 80-летию со дня основания факультета дошкольной педагогики и психологии МПГУ (1921–2001 гг.). 2001. С. 280.
- Нартова-Бочавер С.К. Развитие идей Л.И. Анцыферовой о методологии практической психологии личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С.35–45.

- Нартова-Бочавер С.К.* Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / Под ред. Л.Ф. Обуховой, И.А. Котляр (Корепановой). 2013. С. 56–67.
- Нартова-Бочавер С.К.* Теория приватности как направление зарубежной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 28–39.
- Нартова-Бочавер С.К.* Физическая школьная среда как предиктор здоровья и благополучия субъектов образовательного процесса (обзор зарубежных исследований) // Клиническая и специальная психология. 2012. № 1. С. 39–50.
- Нартова-Бочавер С.К., Бочавер К.А., Бочавер С.Ю.* Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011.
- Нартова-Бочавер С.К., Брагинец Е.И.* Особенности восприятия домашней среды родителями детей с ОВЗ // Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. психол. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2014. С. 196–197.
- Нартова-Бочавер С.К., Брагинец Е.И., Резниченко С.И., Подлипняк М.Б.* Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности // Социальная психология и общество. 2015а. Т. 6. № 4. С. 9–22.
- Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И.* Метод оценки дружелюбности жилища: опросник Функциональность домашней среды // Психологический журнал. 2015б. Т. 36. № 4. С. 71–83.
- Нартова-Бочавер С.К., Потапова А.В.* Введение в психологию развития. М.: Флинта, 2011.
- Нотомб А.* Катилинарии. Пеплум. Топливо / Под ред. О. Морозовой; пер. с фр. Н. Хотинской, О. Чураковой. М.: Иностранка, 2011.
- Обухова Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. 3-е изд., стереотипное. М.: Тривола, 1998.
- Овсянникова В.В.* Базовая языковая метафора «Природа это дом» в естественно-научных текстах (на примере текстов по общей геологии) // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 318. С. 41–43.
- Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008.
- Панов В.И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.
- Пелевин В.О.* Икстлан – Петушки // Relics. Раннее и неизданное. М., 2005. С. 78–81.
- Петровский В.А.* «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. № 3. С. 10–26.
- Петровский В.А.* Системно-деятельностная парадигма: концепция персонализации // Личность в психологии. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 393–403.
- Поддьяков А.Н.* Развитие способностей создания трудностей // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2016. С. 169–192.
- Пратчетт Т.* Безумная звезда / Пер. с англ. А.В. Жикаренцева, И. Кравцовой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Пригов Д.А.* Написанное с 1975 по 1989. М.: Новое литературное обозрение, 1997. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prigov4-1.html> (дата обращения 01.07.2016).

- Прихожан А.М., Н.Н. Толстых. Психология сиротства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005.
- Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: МГППУ, 2002.
- Пройслер О. Маленькая Баба-Яга. М.: Эксмо, 2013.
- Резниченко С.И. Механизмы привязанности к жилому пространству у детей младшего школьного возраста // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 2. С. 24–40
- Резниченко С.И. Образ жилого пространства как социально-психологический феномен. Субъект жилого пространства // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2013. С. 77–79.
- Резниченко С.И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 15–27.
- Резниченко С.И. Феноменология привязанности к дому в разные возрастные периоды. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.
- Резниченко С.И., Нартова-Бочабер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. В печати.
- Резниченко С.И. Психологические конструкторы, составляющие основу формирования привязанности человека к жилой среде // 6-я российская конференция по экологической психологии. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2012. С. 351–355.
- Ремарк Э.М. Земля обетованная / Под ред. В.Т. Бабенко; пер. с нем. М. Рудницкой. М.: Вагриус, 2000.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Руцак Е.А., Мясникова С.В. Копинг-стратегии как ресурсы психологического благополучия сотрудников организаций малого бизнеса // Петербургский психологический журнал. 2014. № 6. URL: <http://ojs.spbu.ru/index.php/psy/article/view/54/29>.
- Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М., 2005.
- Сельвини Палаццоли М., Босколо А., Чеккин Дж., Прата Дж. Парадокс и контрпарадокс: Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / Пер. с итал. Т. Драбкиной, Е. Жорняк. М.: Когито-Центр, 2002.
- Сент-Экзюпери А. Цитадель / Пер. с фр. М. Кожевниковой. М.: АСТ, 2007.
- Сергиенко Е.А. Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.А. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2016. С. 84–116.
- Смолова Л.В. Психология взаимодействия с окружающей средой. СПб.: С.-Петербургский гос. Ин-т психологии и социальной работы, 2010.
- Созонтов А.Е. Основные жизненные стратегии российских студентов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: «Психология». 2003. № 3. С. 15–23.
- Уилсон Р.А. Психология эволюции. М.: София, 2005.

- Уорсли Л. Английский дом. Интимная история. М.: Синдбад, 2016.
- Фенько А.Б. Психология ностальгии // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 93–116.
- Фесенко П.П. Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 132–138.
- Филиппова Е.В. «Дом» как фрагмент фольклорной картины мира (на материале английской и русской народной баллады) // Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Фландерс Дж. Сотворение дома. М.: Центрполиграф, 2016.
- Харламенкова Н.Е. Компенсация как один из механизмов психического развития личности // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А.А. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2016. С. 235–254.
- Харламенкова Н.Е. Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-деятельностном подходе // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 17–28.
- Харламенкова Н.Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / под ред. М.И. Володиковой, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2012. С. 141–160.
- Харламенкова Н.Е. Проблема опосредствования в истории и теории психологии // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 41–51.
- Харламенкова Н.Е. Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. Т. 34. № 4. С. 90–97.
- Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. Таллин, 1988. С. 7–15.
- Честертон Г.К. Книга Иова // Мир Библии. 1993. № 1. С. 32–36.
- Шабанов А.В., Шелехов И.Л., Рубан Н.Н. Половая принадлежность и гендерная идентичность подростков из семей различного типа // Вестник ТПУ. 2009. Т. 86. № 8. С. 100–103.
- Шмелева И.А. Проблема взаимодействия человека с окружающей средой: области и аспекты психологического исследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 2010. № 3. С. 105–120.
- Шпрангер Э. Эротика и сексуальность в юношеском возрасте // Педология юности / Под ред. И. Арямова. М.–Л., 1931.
- Шустова Л. П. Программа формирования гендерной толерантности у старшеклассников (продолжение) // Вестник практической психологии образования. 2006. Т. 8. № 3. С. 85–91.
- Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М., 1995.
- Эриксон Э.Г. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. А.А. Алексеевой. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
- Юмкина Е.А. Семейный уклад как социально-психологический феномен. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015.

- Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Air Land, 1994.
- Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001.
- Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Юнг К.Г. Семинары по детским сновидениям. М.: Касталия, 2015.
- Якимача А.И. Роль семьи в жизни пожилых людей // Психология зрелости и старения. 2002. Т. 18. № 2. С. 117–129.
- Янссон Т. Филифьонка, которая верила в катастрофы // Все о муми-троллях. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2006.
- Abmed S., Castañeda C., Fortier A., Sheller M. Uprootings/Regroundings: Questions of Home and Migration. Oxford: Berg, 2003.
- Altman I., Low S. M. (Eds.). Place attachment // Springer Science & Business Media (Human behavior and the environment: Advances in theory and research) / I. Altman, S.M. Low (Eds.). Vol. 12. New York: Plenum, 2012.
- Altman I., Nelson P.A. The Ecology of home environments. Washington, DC: Evelyn E. Lett, 1972.
- Altman I. The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding. Monterey, Calif: Brooks/Cole Pub. Co, 1975.
- Arbuckle J. L., Wothke W. Amos users' guide, Version 4.0. Chicago, IL: SmallWaters, 1999.
- Ardrey R. The territorial imperative. New York: Atheneum, 1966.
- Azevedo A., Custódio M., Perna F. "Are you happy here?": the relationship between quality of life and place attachment // Journal of Place Management and Development. 2013. Vol. 6. № 2. P. 102–119.
- Bassey A.O. Domestic stress management by parents and children upbringing in Calabar South Local Government area, Cross River State, Nigeria // Educational Research. 2014. Vol. 5. № 5. P. 179–182.
- Billig M. Is my home my castle? Place attachment, risk perception, and religious faith // Environment and Behavior. 2006. Vol. 38. № 2. P. 248–265.
- Bochaver A., Dmitrieva N., Nartova-Bochaver S., Reznichenko S. Home in early and late adulthood: perception and functions // 17th European Conference on Developmental Psychology. Program and Abstracts. 2015. P. 332.
- Bochaver A., Nartova-Bochaver S., Dmitrieva N., Reznichenko S. Home as a personal space and a source of well-being: Horizons of description. Proceedings, InPact 2015 International psychological applications conference and trends, Slovenia, Ljubljana, 2–4 May. P. 255–258.
- Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago, IL: Aldine Pub. Co., 1969.
- Broberg A., Kytä M., Fagerholm N. Child-friendly urban structures: Bullerby revisited // Journal of Environmental Psychology. 2013. Vol. 35. P. 110–120.
- Bronfenbrenner U. Origins of alienation // Scientific American. 1974. Vol. 231. P. 53–61.
- Brown B.B., Douglas D.P. Place attachment // Human behavior and environment / I. Altman, S.M. Low (Eds.). Vol. 11. New York: Plenum, 1992. P. 279–304.
- Brown B.B., Perkins D., Brown G. Place attachment in a revitalizing neighborhood: individual and block levels of analysis // Journal of Environmental Psychology. 2003. Vol. 23. P. 259–271.

- Brunswick E.* Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press, 1956.
- Burt W.H.* Territoriality and home range concepts as applied to mammals // *Journal of Mammalogy*. 1943. Vol. 24. P. 346–352.
- Campbell-Sills L., Stein M.* Psychometric analysis and refinement of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC): Validation of a 10-item measure of resilience // *Journal of Traumatic Stress*. 2007. Vol. 20. № 6. P. 1019–1028.
- Carpenter C.R.* Territoriality: A review of concepts and problems // *Behavior and evolution* / A. Roe, G.G. Simpson (Eds.). New Haven, 1958. P. 257–284.
- Case D.* Contributions of journeys away to the definition of home: an empirical study of a dialectical process // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. Vol. 16. P. 1–15.
- Cattell R.B.* Structured personality learning theory. New York: Praeger, 1983.
- Chapman T., Hockey J.* Ideal homes?: social change and domestic life. UK: Taylor & Francis e-Library, 2002.
- Chow K., Healey M.* Place attachment and place identity: First-year undergraduates making the transition from home to university // *Journal of Environmental Psychology*. 2008. Vol. 28. P. 362–372.
- Clapham D.* The meaning of housing. A pathways approach // Bristol: The Policy Press, 2005.
- Coolen H.* The meaning of dwellings: an ecological perspective // *Housing, Theory and Society*. 2006. Vol. 23. № 4. P. 185–201.
- Coolen H.* The Measurement and Analysis of Housing Preference and Choice. New York: Springer, 2011.
- Costall A.* Soziling affordances. Theory and Psychology. 1995. Vol. 5. P. 467–481.
- Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E.* The meaning of things: Domestic symbols and the self. New York: Cambridge University Press, 1981.
- Damaske S., Smyth J.M., Zawadzki M.J.* Has work replaced home as a haven? Re-examining Arlie Hochschild's Time Bind proposition with objective stress data // *Social Science & Medicine*. 2014. Vol. 115. P. 130–138.
- DeLong A.J.* Dominance-territorial relations in a small group // *Environment and Behavior*. 1970. Vol. 2. P. 190–191.
- Dovey K.* Home and Homelessness // *Home Environments* / I. Altman, C. Werner (Eds.). New York: Plenum, 1985. P. 33–64.
- Easthope H.* A place called home // *Housing, theory and society*. 2004. Vol. 21. № 3. P. 128–138.
- Elsbree L.* The rituals of life: Patterns in narrative. New York: Kennikat, 1982.
- Esser A.H.* A biosocial perspective on crowding // *Environment and the social sciences: Perspectives and applications* / J.F. Wohlwill, D.H. Carson (Eds.) Washington, DC: American Psychological Association, 1972. P. 15–28.
- Fiske A.P.* Complementarity Theory: Why Human Social Capacities Evolved to Require Cultural Complements // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Vol. 4. № 1. P. 76–94.
- Fried M.* Continuities and discontinuities of place // *Journal of Environmental Psychology*. 2000. Vol. 20. P. 193–205.

- Gieryn T.* A Space for Place in Sociology // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 463–496.
- Giuliani M.V., Ferrara F., Barabotti S.* One attachment or more? // *People, Places, and Sustainability: 21st Century Metropolis* / G. Moser, E. Pol, Y. Bernard (Eds.). Ashland, OH: Hogrefe & Huber Publishers, 2003. P. 111–122.
- Gosling S.D., Ko S.J., Mannarelli T., Morris M.E.* A Room With a Cue: Personality Judgments Based on Offices and Bedrooms // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. № 3. P. 379–398.
- Gosling S.D., Martin N. R., Craik K.H., Pryor M. R.* The personal living space cue inventory. An Analysis and Evaluation // *Environment and Behavior*. 2005. Vol. 37. № 5. P. 683–705.
- Greeno J.G.* Gibson's affordances // *Psychological Review*. 1994. Vol. 101. P. 336–342.
- Gustafson P.E.R.* Meanings of place: Everyday experience and theoretical conceptualisations // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. Vol. 21. № 1. P. 5–16.
- Harlan S.L., Larsen L., Hackett E.J., Wolf S., Bolin B., Hope D., Kirby A., Nelson A., Rex T.* Neighborhood Attachment in Urban Environments // Annual meeting of the American Sociological Association. Philadelphia, PA, August 13–16, 2005.
- Harvey D.* *Justice, Nature and the Geography of difference*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1996.
- Havighurst R.J.* *Developmental Tasks and Education* // 3rd ed. New York: McKay, 1972.
- Hay R.* Sense of place in developmental context // *Journal of Environmental Psychology*. 1998. Vol. 18. P. 5–29.
- Hediger H.P.* The evolution of territorial behavior // *Social life of early man* / S. L. Washburn (Ed.). New York, 1961.
- Heft H.* *Ecological psychology in context*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2001.
- Heft H.* High residential density and perceptual-cognitive development: An examination of effects of crowding and noise in the home // *Habitats for Children: The impact of Density* / J.F. Wohlwill, W. van Vliet (Eds.). New York, 1985. P. 39–76.
- Hochschild A.R.* *The Commercialization of intimate life: Notes from home and work*. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Hochschild A.R.* *The time bind: When work becomes home and home becomes work*. New York: Metropolitan Press, 1997.
- Holzkamp K.* Wissenschaftstheoretische Voraussetzungen ktitisch-emanzipatorischer Psychologie // *Zeitschrift fuer Sozialpsychologie*. 1970. Bd. 1. S. 5–21, 109–141.
- Horelli L.* Constructing a theoretical framework for environmental child-friendliness // *Children, Youth and Environments*. 2007. Vol. 17. № 4. P. 267–292.
- Horowitz J., Tognoli J.* Role of home in adult development: women and men living alone describe their residential histories // *Family Relations*. 1982. Vol. 31. P. 335–341.
- Howell F.M., Freese W.* Size of place, residential preferences and the life cycle: How people come to like where they live // *American Sociological Review*. 1981. Vol. 48. № 4. P. 569–580.
- Inglis J.* Using human-environment theory to investigate human valuing in protected area management. PhD thesis. Melbourne: Victoria University, 2008.

- Ingold T.* Being Alive. Essays on movement, knowledge and description. New York: Routledge, 2011.
- Ingold T.* The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill. New York: Taylor & Francis, 2002.
- Jorgensen B.S., Stedman R.* A comparative analysis of predictors of sense of place dimensions: Attachment to, dependence on, and identification with lakeshore properties // *Journal of Environmental Management*. 2006. Vol. 79. P. 316–327.
- Jorgensen B.S., Stedman R.* Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitude towards their properties // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. Vol. 21. P. 233–248.
- Kabana E., Lovegreen L., Kabana B., Kabana M.* Person, environment, and person-environment fit as influences on residential satisfaction of elders // *Environment and Behavior*. 2003. Vol. 35. № 3. P. 434–453.
- Kaltenborn B.P., Bjerke T.* Associations between landscape preferences and place attachment: a study in Roros, Southern Norway // *Landscape Research*. 2002. Vol. 27. № 4. P. 381–396.
- Kankotan Z.* The Role of Attachment dimensions, relationship status and gender in the components of subjective well-being // Graduate School of Social Sciences. Ankara: METU, 2008.
- Korosec-Serfaty P.* Experience and use of the dwelling // *Home environments* / I. Altman (Ed.). New York: Springer US, 1985. P. 65–86.
- Kull K.* Jakob von Uexkuell: An introduction // *Semiotica*. 2001. Vol. 134. № 1/4. P. 1–59.
- Kushnir T., Melamed S.* Domestic stress and well-Being of employed women: interplay between demands and decision control at home // *Sex roles*. 2006. Vol. 54. P. 687–694.
- Kyle G.T., Graefe A., Manning R., Bacon J.* Effect of involvement and place attachment on recreationists' perceptions of setting density // *Journal of Leisure Research*. 2004. Vol. 36. P. 209–231.
- Kytta M.* Affordances of children's environments in the context of cities, small towns, suburbs and rural villages in Finland and Belarus // *Journal of Environmental Psychology*. 2002. Vol. 22. P. 109–123.
- Kytta M.* The extent of children's independent mobility and the number of actualized affordances as criteria for child-friendly environments // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. Vol. 24. P. 179–198.
- Lang A.* Non-Cartesian artefacts in dwelling activities: Steps towards a semiotic ecology // *Schweizerische Zeitschrift für Psychologie*. 1993. Vol. 52. № 2. P. 138–147.
- Lehr U., Thomae H.* Alltagspsychologie: Aufgaben, Methoden, Ergebnisse. Darmstadt: Wiss. Buchges, 1991.
- Lewicka M.* Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // *Journal of Environmental Psychology*. 2011. Vol. 31. P. 207–230.
- Low S., Altman I.* Place Attachment: a conceptual inquiry // *Place attachment* / I. Altman, S. Low (Eds.). New York: Plenum Press, 1992. P. 1–12.
- Manzo L.* Beyond house and haven: a revisioning of emotional relationships with place // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. P. 47–61.

- Marien de Bakker X., Strijke D, Wu H.* Effects of distance from home to campus on undergraduate place attachment and university experience in China // *Journal of Environmental Psychology*. 2015. Vol. 43. P. 95–104.
- Marshall M.A., Brown J.D.* Trait aggressiveness and situational provocation: A test of the traits as situational sensitivities (TASS) model // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32. P. 1100–1113.
- Maslow A.H., Frager R., Cox R.* Motivation and personality // J. Fadiman, C. McReynolds (Eds.) Vol. 2. New York: Harper & Row, 1970.
- Maxwell L.E., Chmielewski E.J.* Environmental personalization and elementary school children's self-esteem // *Journal of Environmental Psychology*. 2008. Vol. 28. P. 143–153.
- McAndrew F.T.* The Measurement of “rootedness” and the prediction of attachment to hometowns in college students // *Journal of Environmental Psychology*. 1998. Vol. 18. P. 409–417.
- McBride G.* A general theory of social organization of behavior. St. Lucia, Queensland, Australia: University of Queensland Papers, 1964. P. 75–110.
- McNaughton Nicholls C.* Housing, homelessness and capabilities // *Housing, Theory and Society*. 2010. Vol. 27. № 1. P. 23–41
- Meesters J.* The meaning of activities in the dwelling and residential environment: a structural approach in people-environment relations // *Delft centre for Sustainable Urban Areas*. Delft: Delft University of Technology, 2009. Vol. 27. 269 p. URL: http://repository.tudelft.nl/assets/uuid:6c1449e8-7dc5-4fd0-8a79-97191563b82f/241_505.pdf
- Mischel W.* Personality and assessment. New York: Wiley, 1968.
- Moore R.L., Graefe A.* Attachment to recreation settings: The case of rail-trail users // *Leisure Sciences*. 1994. Vol. 16. P. 17–31.
- Morgan P.* Towards a developmental theory of place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. № 1. P. 11–22.
- Moser G.* Quality of life and sustainability: Toward person-environment congruity // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29. P. 351–357.
- Nartova-Bochaver S., Dmitrieva N., Reznichenko S., Bochaver A.* How do home environments contribute to the mental health: Case of Russian adolescents. Proceedings, InPact 2015 International psychological applications conference and trends, Slovenia, Ljubljana, 2–4 May. P. 374–379.
- Nartova-Bochaver S., Dmitrieva N., Reznichenko S., Bochaver A.* What do Russian adolescents expect and receive from their home environments // 17th European Conference on Developmental Psychology. September 8–12, 2015, Braga, Portugal. P. 443–444.
- Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Dmitrieva N., Bochaver A.* Friendly home – moral inhabitants? // *The 2nd World Conference on Personality*. Abstracts. 2016. P. 100.
- Nussbaum M.C.* Human functioning and social justice: in defense of Aristotelian essentialism // *Political Theory*. 1992. Vol. 20. № 2. P. 202–246.
- Oh S., Sonoda, M.* Place attachment and gen-fu-kei // *A new style of environmental psychology* / H. Minami (Ed.). Tokyo, Japan: Seishinshobo Publiser, 2006. P. 215–239.

- Ploeg van der J., Scholte E.* Homeless youth. London: Sage, 1997.
- Pretty G.H., Chipuer H., Bramston P.* Sense of place amongst adolescents and adults in two rural Australian towns: The discriminating features of place attachment, sense of community and place dependence in relation to place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. № 3. P. 273–287.
- Pruneau D., Chouinard O., Arsenault C., Breau N.* An intergenerational education project aiming at the improvement of people's relationship with their environment // *International Research in Geographical and Environmental Education*. 1999. Vol. 8. № 1. P. 26–39.
- Radloff L.* The CES-D scale: A self-report depression scale for research in the general population // *Applied Psychological Measurement*. 1977. Vol. 1. № 3. P. 385–401.
- Rapoport A.* Theory, culture and housing // *Housing, Theory and Society*. 2001. Vol. 17. P. 145–165.
- Reed E.S.* Selves, values, cultures // *Values and knowledge* / E. S. Reed, E. Turiel, T. Brown (Eds.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 1996. P. 1–15.
- Relph E.C.* Place and placelessness: research in planning and design. London: Pion, 1976.
- Reznichenko S., Nartova-Bochaver S., Dmitrieva N., Bochaver A., Braginets E.* The contribution of home attachment to mental health / C. Pracana, M. Wang (Eds.) // *International Psychological Applications Conference and Trends (InPACT 2016): Proceedings*. Lisbon: W.I.A.R.S., 2016. P. 333–336.
- Riggs E.H., Coyle A.* Young people's accounts of homelessness: A case study analysis of psychological well-being and identity // *Counselling Psychology Review*. 2002. Vol. 17. № 3. P. 5–15.
- Rodman, M. C.* Empowering place: multilocality and multivocality // *The anthropology of space and place: locating culture* / S.M. Low, D. Lawrence-Zuniga (Eds.). Malden, MA: Blackwell, 2003. P. 204–223.
- Rose G.* Place and identity: a sense of place // *A place in the world?: places, cultures and globalization* / D. Massey, P. Jess (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 87–132.
- Scannell L., Gifford R.* Defining place attachment: A tripartite organizing framework // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. P. 1–10.
- Sharpe E.K., Ewert A.* Interferences in place attachment: implications for wilderness // *Wilderness science in a time of change conference: wilderness as a place for scientific inquiry* / Missoula, MA. 2000. Vol. 3. 2000. P. 218–222.
- Shumaker S.A., Taylor R.B.* Toward a clarification of people place relationships: a model of attachment to place // *Environmental psychology: Directions and perspectives* // N.R. Feimer, E.S. Geller (Eds.). New York: Praeger, 1983. P. 219–251.
- Sixsmith J.* The meaning of home: an exploratory study of environmental experience // *Journal of Environmental Psychology*. 1986. Vol. 6. P. 281–298.
- Skifter Andersen H.* Explaining preferences for home surroundings and locations // *Urbani izziv*. 2011. Vol. 22. № 1. P. 100–114.
- Stokols D., Shumaker S.A.* Peoples in places: a transactional view of settings. // *Cognition, social behavior, and the environment* / J.H. Harvey (Ed.) Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1981. P. 441–488.

- Sumida M., Minami, H.* (Eds.) Children's i-basho and interpersonal world today. Fukuoka, Japan: Kyushu University Press, 2003.
- Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J., Stewart-Brown S.* The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // Health and Quality of Life Outcomes. 2007. Vol. 5. № 63. URL: <http://www.hqlo.com/content/5/1/63> (дата обращения: 28.06.2016).
- Thompson E.R.* Development and validation of an internationally reliable short-form of the positive and negative affect schedule (PANAS) // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2007. Vol. 2. P. 227–242.
- Tuan Y.-F.* Rootedness versus sense of place // Landscape. 1980. Vol. 24. P. 3–8.
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D.* Place and identity // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. P. 205–220.
- Vorkinn M., Riese H.* Environmental concern in a local context: the significance of place attachment // Environment and Behavior. 2001. Vol. 33. P. 249–263.
- Wabl H.-W., Fänge A., Oswald F., Gitlin L.N., Iwarsson S.* The home environment and disability-related outcomes in aging individuals: What is the empirical evidence? // The Gerontologist. 2009. Vol. 49. P. 355–367.
- Williams D.R., Stewart S.* Sense of place: an elusive concept that is finding a home in ecosystem management // Journal of Forestry. 1998. Vol. 96. № 5. P. 18–23.
- Wood A.M., Linley P. A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S.* The authentic personality: a theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity Scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. Vol. 55. № 3. P. 385–399.
- Wright P.A., Bret K.* Housing environment and mental health outcomes: A levels of analysis perspective // Journal of Environmental Psychology. 2007. Vol. 27. P. 79–89.
- Zhang N.* Home divided, home reconstructed: children in rural-urban migration in contemporary China // Children's Geographies. 2013. Vol. 13. № 4. P. 1–17.

ОБ АВТОРАХ

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — доктор психологических наук, профессор департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор 270 научных и научно-популярных работ. Специалист в области психологии индивидуальных различий, автор теории психологической суверенности. Круг профессиональных интересов — жизненные среды человека, позитивное функционирование личности, исследование психологических границ, прикладная психология.

Бочавер Александра Алексеевна — научный сотрудник Центра исследований современного детства Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 60 работ. Области исследований: психология жизненного пути, жизненные траектории, подростковый возраст, психология интернета, психология среды.

Дмитриева Наталья Сергеевна — кандидат психологических наук, преподаватель гимназии №1567. Автор 30 научных работ. Имеет исследования в области психологии подросткового возраста, психологии жизненных сред человека.

Резниченко София Ивановна — дипломированный психолог, ответственный секретарь журнала «Клиническая и специальная психология». Автор 30 научных работ. Сфера научных интересов — психология дома, гуманитарная география, прикладная психология.

ДОМ КАК ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА ЧЕЛОВЕКА:
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Коллективная монография

Корректор *Л.И. Гордеева*

Верстка *Е.Э. Болушаева*

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 15.09.2016. Формат 60×90 1/6
Гарнитура Лазурский. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 14,8. Печ. л. 14,0
Тираж 500 экз. Заказ №